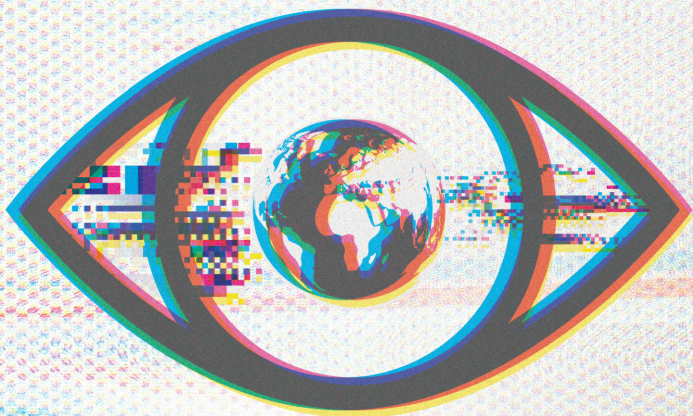

Ким Стэнли Робинсон
**МИНИСТЕРСТВО
БУДУЩЕГО**

**ЛУЧШИЙ НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН, КОТОРЫЙ Я ЧИТАЛ ВООБЩЕ.**

ДЖОНАТАН ЛИТЕМ

fan_zon

Ким Стэнли Робинсон
Министерство будущего
Серия «Fanzon. Sci-Fi
Universe. Лучшая новая НФ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66113088
К. С. Робинсон. Министерство будущего: ООО «Издательство
«Эксмо»; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-157439-0

Аннотация

Двадцатые годы нашего века. Климат продолжает меняться и жертвы исчисляются миллионами. В 2025 году создается международная организация «Министерство будущего» со штаб-квартирой в Цюрихе. Министерство должно пытаться предотвратить глобальную катастрофу и дать надежду будущим поколениям. Наравне с принятием официальных мер организация быстро приходит к использованию тайных операций... Операций, которые включают в себя массовые диверсии, убийства, финансовые манипуляции, насилие, поддержку радикальных политических движений и идеологий. Ради спасения Земли от полного вымирания дозволено все.

Ким Стэнли Робинсон, основываясь на существующих тенденциях, показывает свое видение возможных событий

ближайшего будущего. Панорама, которую он рисует, охватывает все сферы: экономику, политику, технологии, экологию. И что особенно ценно – автор остается оптимистом и видит путь для спасения человечества.

Содержание

1	7
2	27
3	28
4	31
5	37
6	39
7	46
8	49
9	52
10	63
11	67
12	69
13	71
14	80
15	83
16	89
17	93
18	97
19	110
20	113
21	119
22	121
23	129

24	132
25	136
26	162
27	165
28	180
29	182
30	189
31	192
32	197
33	204
34	208
35	216
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Ким Робинсон

Министерство будущего

Kim Stanley Robinson
The Ministry For The Future

© 2020 by Kim Stanley Robinson

© С. Рюмин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Фредрику Джеймисону

Воздух становился горячее.

Фрэнк Мэй встал с коврика и дошлепал до окна. Оштукатуренные стены, плитка цвета умбры – как местная глина. Похожие на его дом квадратные многоэтажки с террасами на крышах, куда ночью вылезали жильцы, спасаясь от жары. Сейчас многие из них стояли за достающим до груди парапетом и смотрели на восток. Небо, такого же оттенка, как здания, побледнело в том месте, где должно было взойти солнце. Фрэнк глубоко вздохнул. Душно, как в сауне. Причем в самое прохладное время дня. Он за всю жизнь не выдержал в парилке больше пяти минут, ощущение духоты его не прельщало. Горячая вода еще куда ни шло, но влажный горячий пар – увольте. Фрэнк не мог понять, как кому-то могло нравиться обливаться потом.

Здесь духота повсюду. Если бы Фрэнк заранее немного пораскинул мозгами, ни за что бы сюда не поехал. Город приходился побратимом его собственному, однако городов-побратимов и гуманитарных организаций пруд пруди. Он мог бы выбрать работу на Аляске. А сейчас глаза заливает едкий пот. Франк весь покрылся испариной, хотя на нем были одни шорты, тоже промокшие, даже на коврике виднелись влажные пятна. Хотелось пить, да только кувшин у ложа давно опустел. По всему городу, как гигантские комары, жужжали

торчащие из окон блоки кондиционеров.

Солнце взломало корку горизонта на востоке. Полыхнуло, как ядерный взрыв. Поля и здания ниже ослепительно-яркой точки потемнели; по мере разрастания точки в огненную, вздутую серпом линию, на которую невозможно было смотреть, тени сгустились еще больше. Струящийся от горизонта жар был осязаем, как удар по лицу. Солнечные лучи мгновенно нагрели кожу, вынудив Фрэнка заморгать. Из глаз потекли слезы, он больше не мог ничего рассмотреть. Все стало бурым, бежевым, сверкающим, невыносимо белым. Обычный город в Уттар-Прадеш, шесть часов утра. Фрэнк взглянул на телефон: 38 градусов, по шкале Фаренгейта – 103. Влажность – около 35 процентов. Главное, как они соотносятся. Всего несколько лет назад такое сочетание означало бы самую высокую температуру по влажному термометру из когда-либо зарегистрированных. А сейчас – утро как утро.

Воздух вспороли вопли смятения с крыши дома напротив. Горестные крики издавали две женщины, перегнувшиеся через парапет. На их крыше кто-то не проснулся. Фрэнк тронул пальцем экран телефона и позвонил в полицию. Никто не ответил. Определить, прошел вызов или нет, невозможно. Завыли сирены – далеко, как под водой. На рассвете люди находили изнемогших и тех, кто уже не проснется после долгой душной ночи. Люди звали на помощь. Судя по сиренам, отдельные звонки все же доходили до адресата. Фрэнк еще раз проверил телефон. Заряжен, сигнал есть. Но поли-

цейский участок, в который он звонил несколько раз за последние четыре года, не отвечал. Ждать еще два месяца – пятьдесят восемь дней, слишком долго. Наступило 12 июля, муссон так и не пришел. Надо собраться, выдержать очередной день. Не загадывать наперед. Потом можно будет вернуться в до смешного прохладный по сравнению с этим городом Джексонвилль. Будет, о чем рассказать. Бедолаги с соседней крыши уже ничего не расскажут.

Шум кондиционера внезапно стих. Новые крики отчаяния. Исчез сигнал приема на телефоне. Электричеству каюк. Местный сбой либо полный отказ. Сирены – как голоса богов и богинь, словно весь индуистский пантеон взвыл от горя.

Уже включаются генераторы, двухтактные моторы. Люди запасли на такой случай нелегальный бензин, дизтопливо, керосин. Закон, требовавший использовать сжиженный природный газ, стушевался перед ликом необходимости. И без того грязный воздух скоро набухнет выхлопными газами. Все равно что вдыхать выхлоп прямо из трубы старого автобуса.

Фрэнк закашлялся от самой мысли, машинально припал к кувшину у своего ложа. Кувшин был по-прежнему пуст. Фрэнк спустился вниз, налил в него фильтрованной воды из бака в холодильнике, спрятанном в кладовке. Несмотря на отключение электричества, вода еще сохраняла прохладу. В кувшине-термосе она быстро не нагревается. Для верности

Фрэнк бросил в кувшин таблетку йода и плотно завинтил крышку.

Фонд хранил в кладовке несколько генераторов и канистр с бензином, заправки хватит на два-три дня. Это обнадеживало.

В дверь гурьбой ввалились коллеги – Ханс, Азали, Хэзер; у всех красные глаза, растерянность на лицах. «Пошли, – позвали они. – Пора ехать».

– Что вы имеете в виду? – недоуменно спросил Фрэнк.

– Нужно позвать на помощь. Весь округ сидит без электричества. Сообщить в Лакхнау. Вызвать врачей.

– Каких врачей?

– Надо же хоть что-то делать!

Коллеги смотрели то на него, то переглядывались между собой.

– Оставьте мне спутниковый телефон. Привезите помощь. Я с вами не поеду – предупрежу людей, что вы вернетесь.

Его соратники смущенно покивали и по одному просочились в дверь.

Фрэнк надел белую рубашку, и она мгновенно пропиталась потом. Вышел на улицу. Шумели генераторы, в перегретом воздухе бурчали выхлопы. «Видимо, подключены к кондиционерам», – подумал он и подавил приступ кашля. Втягивать в себя воздух – все равно что дышать жаром из топки, кашель только усиливался. Горячий пар в легких, попытки подавить кашель лишь усугубляли ощущение жары.

К нему подходили люди, спрашивали о помощи. Он обещал, что помощь скоро будет. В два часа пополудни. Приходите к этому времени в клинику. А пока что уводите старых и малых в кондиционированные помещения. В школах, государственных учреждениях должны быть кондиционеры. Идите туда. Идите на звук генераторов.

В каждой подворотне стояла группа отчаявшихся родственников, ожидающая прибытия «Скорой помощи» или катафалка. Причитать, как и кашлять, слишком жарко. Страшно даже раскрыть рот. Да и о чем говорить? Думать и то невозможно от жары. Но люди все равно подходили. Пожалуйста, сэр. Помогите, сэр.

– Приходите ко мне в клинику в два часа, – повторял Фрэнк. – А сейчас ступайте в школу. Не выходите на улицу, найдите где-нибудь кондиционер. Спасайте первым делом стариков и малышей.

Но где это «где-нибудь»?!

Тут его осенило: «Идите к озеру! Сидите в воде!»

Его не понимали. «Делайте, как во время Кумбха Мелы, когда люди идут в Варанаси, окунаются в воды Ганга, – пытался объяснить он. – Вода избавит от жары, остудит».

Один мужчина покачал головой: «Озеро на солнце. Вода в нем горяча, как в бане. Хуже воздуха».

С любопытством и тревогой, тяжело дыша, Фрэнк спустился к озеру. Люди стояли в подворотнях зданий. Одни смотрели на него, другие, занятые своими делами, не заме-

чали. Глаза – круглые от переживаний и страхов, красные от жары и едкого дыма, от пыли. На солнце металлические поверхности обжигали пальцы, Фрэнк видел, как от них, точно от жаровни, расходятся волны горячего воздуха. Мышцы превратились в желе; горячей проволокой пронизывающая позвоночник тревога – вот все, что поддерживало его в вертикальном положении. Торопиться не было никакой возможности, хотя очень хотелось. Фрэнк старался не выходить на солнце. Ранним утром эта часть улицы обычно находилась в тени. Выйти на солнце – все равно что нырнуть в костер. Жар гнал человека от одного островка тени к другому.

Подойдя к озеру, Фрэнк не удивился, застав сидящих в нем людей. Наружу торчали одни головы. Коричневые лица, покрасневшие от жары. Над водой, как облако талька, клубился отраженный солнечный свет. Фрэнк сошел на бетонную дорожку, огибающую берег озера с его стороны, присел на корточки и по локоть сунул руку в воду. Вода действительно была теплой, почти как в бане. Он подержал руку в воде, пытаясь определить, что выше – температура тела или температура озера. В раскаленном воздухе понять трудно. Через некоторое время Фрэнк решил, что вода у поверхности той же температуры, что и кровь в жилах. А значит, намного холоднее воздуха. Даже если она чуть теплее человеческого тела, все равно не так горяча, как воздух. Разница почему-то совсем не чувствовалась. Фрэнк взглянул на людей в озере. В утренней тени, падающей от деревьев и зда-

ний, находилась лишь узкая полоска воды, но и она скоро исчезнет. Потом все озеро будет под солнцем до раннего вечера, пока тени не наползут с другой стороны. Плохо дело. Разве только взять зонтик. Зонтики были у всех. Сколько горожан поместятся в озере – большой вопрос. Не все. Считалось, что в городе проживали двести тысяч человек. Вокруг него – поля, невысокие холмы, другие поселки и городки на всех направлениях. Заведенный порядок не менялся веками.

Фрэнк вернулся в клинику, на первый этаж. Пыхтя, поднялся на второй, в свою комнату. Проще всего лечь и ждать, когда все закончится. Он ввел шифр на сейфе и, открыв дверцу, достал спутниковый телефон. Включил. Батарейка полностью заряжена.

Фрэнк позвонил в Дели, в штаб-квартиру.

– Нам нужна помощь, – сказал он женщине, поднявшей трубку. – У нас нет электричества.

– У нас тоже, – ответила Прити. – Везде отключили.

– Везде?

– В большинстве районов. В Дели, Уттар-Прадеше, Джаркханде, Бенгалии. На западе местами тоже – в Гуджарате, Раджастане...

– Что нам делать?

– Ждать помощи.

– Откуда?

– Не знаю.

– Что говорит прогноз?

– Прекращения жары пока не обещают. Возможно, восходящие воздушные потоки над сушей привлекут прохладный воздух с океана.

– Когда?

– Никто не знает. Область высокого давления огромна. Упирается в Гималаи.

– Где лучше находиться – в воде или на воздухе?

– Конечно, в воде. При условии, что она прохладнее, чем температура тела.

Фрэнк выключил телефон и спрятал его в сейф. Проверил показания счетчика взвешенных частиц на стене – 1300 ppm. Счетчик улавливает мелкие твердые частицы размером 25 нанометров и меньше. Фрэнк снова вышел на улицу, в тень здания. Так поступали все, никто не вылезал на солнце. Серый воздух висел над городом облаком дыма. Слишком жарко, чтобы воспринимать запахи по отдельности; несло паленым – зноем, пламенем.

Фрэнк вернулся в дом, еще раз открыл сейф, достал ключи от кладовки, вытащил из нее один из генераторов и канистру с бензином. Когда он попытался залить горючее, выяснилось, что бак уже полон. Фрэнк вернул бензин на место и оттащил генератор в угол, к кондиционеру. Шнур питания кондиционера с законным блоком был короткий, его включали в розетку на стене под окном. Внутри помещения генератор включать нельзя из-за выхлопа. Снаружи под окном тоже – как пить дать стащат. Люди дошли до ручки. Так

что... Фрэнк порылся в кладовке, нашел шнур-удлиннитель. Вперед, на крышу, там есть площадка с парапетом, высота – четыре этажа. Удлиннитель доставал всего лишь до этажа непосредственно под крышей. Фрэнк спустился, вынул кондиционер из окна на втором этаже и потащил, задыхаясь и обливаясь потом, по ступеням вверх. На мгновение у него закружилась голова, но тут пот резанул по глазам, и он ощутил внезапный прилив энергии. Открыв окно на четвертом этаже, Фрэнк привел кондиционер в равновесие, прижал его оконной рамой и выдвинул пластмассовые боковые панели, закрыв свободное пространство, оставшееся между кондиционером и боковинами окна. Поднявшись на верхнюю террасу, он запустил генератор, послушал, как чихает и переходит на двухтактный барабанный бой мотор. После первого облачка дыма выхлоп стал неразличим для зрения. Мотор работал довольно громко – люди, конечно, услышат. Звук работающих генераторов доносился из разных частей города. Фрэнк подсоединил удлиннитель к генератору, спустился в кабинет на верхнем этаже, воткнул штепсель в кондиционер, включил. Раздался дребезжащий гул. Дохнул горячий воздух. О боже, кондиционер не работает!.. Нет, работает. Если понизить температуру воздуха, поступающего с улицы, на 5–10 градусов, то навскидку внутри будет 30. Есть тень – уже неплохо, жить можно даже с высокой влажностью. Достаточно лечь и расслабиться. Охлажденный воздух будет спускаться на нижние этажи и постепенно заполнит все зда-

ние.

Фрэнк попытался закрыть окно на втором этаже, где раньше стоял кондиционер. Не тут-то было, раму заклинило. Он принялся лупить кулаками сверху, чуть не разбив стекло. Наконец рама дернулась и поддалась. Теперь на улицу, к ближайшей школе. Маленькая лавка по соседству продавала еду и напитки для школьников и их родителей. Школа была закрыта, лавка тоже, но люди пока не разошлись, некоторых он знал. «У меня в клинике работает кондиционер, – сказал им Фрэнк. – Идем со мной».

Группа людей молча двинулась за ним – шесть-семь семейств, включая хозяев лавки, поспешивших запереть за собой двери. Они пытались держаться в тени, но тень почти полностью исчезла. Первыми шли мужчины, за ними дети, последними – женщины, гуськом, чтобы не выходить на солнце. Разговоры велись на авадхи, а может, на бходжпури – Фрэнк не понял. Сам он немного говорил на хинди, и местные об этом знали. На этом языке к нему обращались, когда хотели что-то спросить, либо говорили с теми, кто мог общаться с ним по-английски. Фрэнк так и не решил для себя, как помогать людям, с которыми невозможно объяснить. Сгорая от стыда и смущения, он наступил на горло боязни продемонстрировать свою несостоятельность в хинди и начал расспрашивать местных, как они себя чувствуют, где их близкие, есть ли у них приют. Лишь бы не перепутать слова. Люди поглядывали на него с любопытством.

Фрэнк отпер дверь клиники, приглашенные по одному зашли внутрь. Не дожидаясь инструкций, они поднялись по лестнице в комнату с работающим кондиционером и сели на пол. В кабинете мгновенно возникла теснота. Фрэнк спустился на первый этаж и встал за дверью, приглашая всех желающих. Вскоре здание наполнилось под завязку. После этого он запер дверь.

Несмотря на относительную прохладу, люди томились от зноя. Фрэнк бросил взгляд на экран компьютера: температура на первом этаже – 38 градусов. В комнате с кондиционером она, возможно, чуть ниже. Влажность – 60 процентов. Когда высоки и температура, и влажность, дело плохо. В сухой сезон с января по март на Индо-Гангской равнине такой жары и влажности не бывает. Жара без влажности случалась, потом проливные муссонные дожди сбивали температуру, а сплошная облачность приносила облегчение от прямых солнечных лучей. Однако нынешний период жары сильно отличался от других. Безоблачный зной и высокая влажность – зловещее сочетание.

В клинике было два санузла. Через некоторое время унитазы забились. Очевидно, канализация выходила на станцию очистки сточных вод, работающую, разумеется, на электричестве, и у той не оказалось достаточно генераторов для продолжения работы. Что случилось, то случилось. Фрэнк выводил людей из дома, чтобы они могли справить нужду где-нибудь в переулке, как жители горных деревень Непала, в

жизни не видевшие туалета. Первая такая сцена его шокировала, теперь он считал это в порядке вещей.

Иногда люди подступали к нему в слезах и окружали маленькой толпой – расстроенные старики, расстроенные дети. Кое-кто не успевал отпроситься из дома. Он расставил в туалетах ведра, а когда они наполнялись, выносил на улицу и выливал содержимое в сточную канаву, а ведра приносил назад. Умер старик. Фрэнк помог молодым мужчинам вынести тело на крышу, где его завернули в тонкую простыню, а может быть, в сари. Событие пострашнее произошло ночью, когда ту же процедуру пришлось выполнять для грудного ребенка. Пока они несли маленькое тельце на крышу, люди во всех комнатах рыдали. Фрэнк заметил, что в генераторе кончается топливо, сходил в кладовку за канистрой, заправил агрегат.

Кувшин опустел. Из кранов перестала течь вода. В холодильнике стояли два больших бака с водой, но Фрэнк о них помалкивал. Ночью он потихоньку наполнил свой термос из емкости; вода все еще сохраняла остатки прохлады. И сразу назад, за работу.

В ту ночь умерли четверо. Утром солнце вновь превратилось в пылающую топку, чем оно всегда и являлось, обрушив всю мощь на крышу и лежащих на ней завернутых в полотно мертвецов. Все крыши города, а если посмотреть вниз, то и все тротуары превратились в морг. Весь город превратился в морг, а жара становилась все нестерпимее. Термометр

показывал 42 градуса при 60-процентной влажности. Фрэнк урывками проспал всего три часа и теперь тупо смотрел на экран. Генератор еще тарахтел, кондиционер еще трясся, как сломанный вентилятор, в воздухе еще стоял гул других генераторов и кондиционеров. Но толку от этого было мало.

Фрэнк сошел вниз, отпер сейф и еще раз позвонил Прити по спутниковой связи. Она сняла трубку только после тридцати или сорока попыток.

– Что у тебя?

– Послушай, нам нужна помощь. Мы погибаем.

– Как ты думаешь? – яростно огрызнулась она. – Ты один такой?

– Нет, но нам нужна помощь.

– Нам всем нужна помощь!

Фрэнк запнулся. В это трудно было поверить. Ведь Прити в Дели.

– Вы там в порядке? – спросил он.

Ему не ответили. Прити бросила трубку.

Снова появилась резь в глазах. Фрэнк потерял их и отправился наверх с отхожими ведрами. Теперь они заполнялись медленнее, желудки людей опустели.

Вернувшись с улицы и открыв дверь, Фрэнк услышал какой-то шорох. Его грубо втолкнули внутрь. Трое молодых парней прижали его к полу, один был вооружен пистолетом размером с собственную голову. Парень направил пистолет на Фрэнка, черный кружочек дула – единственная круглая

часть на квадратном рыле пистолета – танцевал прямо перед глазами. Весь мир съежился до размера этого кружочка. Кровь стучала в висках, тело окаменело. Лицо и руки покрылись потом.

– Не двигайся, – приказал один из парней. – Держись – ты покойник.

Крики отметили появление грабителей на верхних этажах. Послышался глухой стук останавливаемого кондиционера. В открытую дверь в дом проникало бормотание городских улиц. Прохожие удивленно заглядывали в нее и проходили мимо. Их было немного. Фрэнк старался дышать как можно чаще. Пот неимоверно жег правый глаз. Надо бы сопротивляться, но и жить тоже хотелось. Он будто смотрел на происходящее откуда-то сверху, с лестницы, покинув свое тело и все присущие ему эмоции. Все, кроме жуткого жжения в правом глазу.

Группа молодых людей, топая, спустилась по лестнице с генератором и кондиционером. Они вышли на улицу. Те, что держали Фрэнка, отпустили его. «Нам это нужнее, чем тебе», – объяснил один из них.

Парень с пистолетом ослабилась и напоследок ткнул стволом во Фрэнка еще раз. Хлопнула дверь, грабители ушли.

Фрэнк поднялся, потирая места, за которые его держали чужие руки. Сердце не желало успокаиваться. Накатила тошнота. Несколько человек спустились сверху, спросили о самочувствии. Они беспокоились о нем, переживали,

не пострадал ли он. Эта заботливость пронзила душу, Фрэнк вдруг ощутил мощный наплыв эмоций, с которым не мог совладать. Он сел на нижнюю ступеньку, спрятал лицо в ладони и разрыдался как ребенок. Почему-то от слез глаза жгло не так сильно.

Выплакавшись, Фрэнк встал.

– Надо идти к озеру. Там есть вода, там не так жарко. Прохладнее всего в воде и на тротуаре.

Многие женщины приуныли. Одна из них сказала:

– Возможно, вы правы, но там слишком много солнца. Надо дожждаться темноты.

– Разумно, – кивнул Фрэнк.

Он отправился в маленькую лавку с хозяином, ощущая нервную дрожь, головокружение и слабость. Духота, как в парилке, навалилась полной мерой, мешок с продуктами и бутылки с напитками, которые он нес в клинику, превратились в неимоверно тяжелый груз. И все-таки он сделал шесть ходок. Как бы плохо он себя ни чувствовал, у него, похоже, сохранилось больше сил, чем у кого-либо другого из его маленькой группы. В пути никто не разговаривал, даже не встречался с ним взглядом.

– Потом можно будет еще взять, – наконец объявил хозяин лавки.

Прошел день. Горестные вопли превратились в сдавленные стоны. Люди изнывали от зноя и жажды, не находя сил на волнение даже при виде смерти своих детей. Покраснев-

шие глаза на коричневых лицах сопровождали Фрэнка, ходившего между людьми, помогающего относить их мертвых родственников на крышу, где трупы нещадно жгло солнце. Может быть, покойников прокалит жарой и они просто высохнут, как мумии? В таком зное не выживали никакие запахи, все заглушала вонь перегретого пропаренного воздуха. Нет, не совсем. В нос пахнуло гниением плоти. Наверху никто долго не задерживался. Фрэнк насчитал четырнадцать свертков с трупами детей и взрослых. Выглянув за край парапета, он увидел, что другие заняты тем же – работают молча, торопливо, с отсутствующим видом, потупив взор. В отличие от него, никто не смотрел по сторонам.

Еда и вода в клинике закончились. Фрэнк сосчитал количество людей в здании, что было не так-то просто сделать. Получилось пятьдесят два человека. Он немного посидел на ступенях, потом сходил в кладовку и осмотрел имущество. Наполнил свой кувшин, от души напился, наполнил снова. Вода не успела сильно нагреться. Осталась одна канистра с бензином; трупы можно сжечь, если понадобится. В кладовке стоял еще один исправный генератор, но его не к чему было подключать. Спутниковый телефон по-прежнему заряжен, но некому звонить. Фрэнк прикинул, не позвонить ли маме. Привет, мама, я умираю. Нет уж.

День по секунде подполз к последнему часу. Фрэнк посоветовался с лавочником и его друзьями. Тихо бормоча, все поддерживали мысль: надо идти к озеру. Они подняли на ноги

людей, объяснили план, помогли тем, кто не мог встать сам и спуститься по лестнице. Таких набралось несколько человек, что вызвало заминку. Пара стариков заявили, что останутся с теми, кто в них нуждается, и придут к озеру позже. Люди прощались как обычно, словно уходили ненадолго, однако в глазах читалось иное. Многие, покидая клинику, не скрывали слез.

Шли к озеру, прячась в предвечерней тени. Жара палила пуще прежнего. На улицах и тротуарах ни души. Внутри зданий никто больше не стenal. Кое-где еще тарахтели генераторы, жужжали вентиляторы. Звуки словно оробели во взбесившемся воздухе.

На озере они застали сцену отчаяния. В воде сидело множество людей, вся ее поверхность вдоль берега была утыкана точками голов, головы были видны даже в той части озера, которая явно была глубже. Люди лежали, наполовину погруженные в воду, на самодельных плотиках. От поверхности озера, казалось, поднимались миазмы, в измученные ноздри шибал смрад смерти, запах гниющей плоти.

Посоветовавшись, решили, что лучше будет пока сесть на низком берегу – дорожке или скате, – свесив ноги в воду. В конце пешеходной дорожки нашлось свободное место; они дотаскились до него и сели всей группой в один ряд. Бетон под ними еще дышал дневным жаром. Все потели, за исключением некоторых, покрасневших до такой степени, что ярко выделялись на фоне наступающей темноты. Когда спусти-

лись сумерки, этих несчастных поддерживали в сидячем положении, чтобы им легче было умирать. Вода в озере была горячей, как в бане. Как показалось Фрэнку, заметно горячее температуры тела. И горячее, чем в прошлый раз. Что в целом логично. Он где-то читал, что если бы вся солнечная энергия, падающая на поверхность Земли, улавливалась, а не частично отражалась, то температура продолжала бы расти, пока не закипели бы океаны. Теперь он мог реально представить себе такую картину.

И все же после заката, когда торопливые сумерки сменились полной темнотой, все погрузилось в воду. Чутье подсказывало, что так лучше. Этого просил организм. Они опустились на дно в самой мелкой части озера, держа головы над водой, и продолжали терпеть. Рядом с Фрэнком сидел молодой парень, игравший роль витязя Карны в пьесе во время местной мелы. Туман безучастности снова пронзила молния, как в тот момент, когда Фрэнк осознал чужую заботу о себе. Он вспомнил сцену, в которой Арджуна лишил Карну силы, наложив проклятье, и был уже готов убить его. В это мгновение молодой актер воскликнул: «На то воля судьбы!» – и сумел напоследок сделать последний выпад, прежде чем пасть от неуязвимого меча Арджуны. А теперь этот молодой парень с глазами, округлившимися от тревожных предчувствий и горя, глотал озерную воду. Фрэнк заставил себя отвернуться.

Духота начала путать мысли. Тело Фрэнка изнемогало от

желания выскочить из слишком горячей бани, пробежать от воображаемой сауны к ледяному озеру – такие озера всегда есть наготове рядом с саунами, – ощутить блаженный, захватывающий дыхание холодный шок, который он однажды испытал в Финляндии. Местные советовали попробовать на собственном опыте резкую – до 100 градусов – смену температур за одну секунду.

Ход мыслей был сродни расцарапыванию зудящих ран. Он попробовал на вкус озерную воду, ощутил, как много в ней нечистот, органических и еще бог знает каких. Его мучила неутолимая жажда. Наличие горячей воды в желудке означало, что скраться больше негде, мир как внутри, так и снаружи стал выше температуры тела. Люди медленно варились в озере, как яйца-пашот. Фрэнк тайком напился из кувшина. Вода стала тепловатой, но пока не сильно нагрелась, а главное – она была чистой. Организм требовал еще, Фрэнк не выдержал и выпил всю воду до капли.

Прохладу невозможно было найти нигде. Все дети умерли, умерли все старики. Прежние горестные крики превратились в невнятное бормотание. Те, кто еще был способен двигаться, выталкивали мертвецов на берег или на середину озера, где они либо плавали, как бревна, либо опускались на дно.

Фрэнк смежил веки, стараясь не прислушиваться к голосам вокруг. Он полностью погрузился в мелкую воду, приклонившись затылком к бетонному краю пешеходной дорож-

ки и жидкой грязи под ним. Расслабил мышцы, пока тело не погрузилось в грязь, и только полголовы осталось на жгучем воздухе.

Прошла ночь. Видны были только самые яркие звезды – плавающие над головой размытые пятна. Безлунная ночь. Небо бороздили спутники – с востока на запад, с запада на восток, один даже пролетел с севера на юг. За ними кто-то наблюдал. Этот кто-то знал, что происходит. Знал, но ничего не предпринимал. Не мог не действовать, но не действовал. Ничего не поделаешь, что тут скажешь. Ночь, казалось, длилась несколько лет. Когда начало светать и небо посерело, возникло впечатление, что пришли тучи, но потом стало ясно, что в небе пусто и чисто. Фрэнк пошевелился. Кожа на пальцах сморщилась, как чернослив. Он сварился, превратился в рыхлую массу. Голову трудно было сдвинуть даже на пару сантиметров. Видимо, здесь он и утонет. Эта мысль заставила напрячь силы. Фрэнк уперся локтями и приподнялся. Мышцы – вареные макароны, облепившие кости, однако сами кости еще двигались без чужой помощи. Фрэнк, сидя, выпрямился. Воздух по-прежнему был горячее воды. Солнечный свет коснулся макушек деревьев на противоположном берегу – словно их воспламенив. Осторожно поводя головой на негнущейся шее, Фрэнк осмотрелся. Все вокруг были мертвы.

2

Я бог и в то же время не бог. В любом случае вы мое порождение. Вы живы только благодаря мне.

Внутри меня несказанно горячо, но моя поверхность еще горячее. Стоит мне прикоснуться к вам, и вы горите, хотя я нахожусь далеко за пределами вашего неба. В такт моим медленным, мощным вдохам и выдохам вы то замерзаете, то изнемогаете от зноя.

Наступит день, и я сожру вас. А пока что я вас кормлю. Проявляйте ко мне уважение. Никогда не смотрите на меня.

Статья 14 Парижского соглашения Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата призывала к периодическому учету выбросов углерода всеми подписавшими его странами, что в итоге позволило бы определить совокупное количество сожженного ископаемого топлива на планете за конкретный год. Первая «глобальная ревизия» была намечена на 2023 год с повторением каждые пять лет.

Первый блин вышел комом. Отчеты были противоречивы и куцы, но в то же время было совершенно ясно, что выбросы углерода намного превысили значения, которых стороны Соглашения обещали придерживаться, несмотря на спад 2020 года. Лишь немногие страны вышли на показатели, которые сами же для себя установили как легко достижимые. Осознав свое отставание еще до «ревизии» 2023 года, 108 стран пообещали нарастить обязательства, однако в их число входили лишь небольшие государства, на которые в целом приходилось примерно 15 процентов всеобщих выбросов.

Годом позже состоялась ежегодная Конференция сторон, на которой некоторые делегации указали на статью 16, пункт 4, определяющий, что Конференция сторон «регулярно рассматривает осуществление настоящего Соглашения и принимает в рамках своего мандата решения, необходимые для

содействия его эффективному осуществлению». Они также сослались на статью 18, пункт 1, позволяющий Конференции сторон создавать «вспомогательные органы по осуществлению настоящего Соглашения». Прежде такие вспомогательные органы понимались как комитеты, созываемые только на время ежегодных заседаний Конференции сторон, однако теперь некоторые делегаты, ссылаясь на всеобщее неисполнение Соглашения, заявили, что для запуска процесса назрела явная необходимость создать новый вспомогательный орган с постоянными полномочиями, обеспечив его необходимыми ресурсами.

Поэтому на 29-й Конференции ООН по изменению климата стороны Соглашения, согласно статьям 26 и 28, создали новый вспомогательный орган по осуществлению Соглашения, финансируемый с помощью протоколов, описанных в статье 8, обязывающих все стороны придерживаться Варшавского международного механизма по потерям и ущербу. В официальном сообщении говорилось:

«Будет принято решение о том, что настоящим учреждается Вспомогательный орган, уполномоченный двадцать девятой Конференцией сторон, действующий как совещательный орган сторон Парижского климатического соглашения (СМА), для работы с Межправительственной группой экспертов по изменению климата, всеми агентствами Организации Объединенных Наций и всеми правительствами, подписавшими Парижское соглашение, и для защиты интересов

будущих поколений граждан мира, права которых, как они определены во Всеобщей декларации прав человека, имеют такую же силу, как и наши собственные. Этот новый Вспомогательный орган, кроме того, отвечает за защиту всех живых существ настоящего и будущего, которые не могут говорить за себя, путем утверждения их правового статуса и содействия их физической защите».

Кто-то из журналистов окрестил новое агентство «Министерством будущего». Имя прижилось и стало популярным, все так и стали называть новое агентство. Оно было учреждено в Цюрихе в январе 2025 года.

Вскоре после этого в Индии разразилась великая жара.

Над студгородком Швейцарской высшей технической школы возвышается Цюрихберг – холм с лесопарком на вершине, по которому проходит восточная граница Цюриха. Сам город в основном расположен по обе стороны реки Лиммат, вытекающей из Цюрихского озера и пропадающей между двумя холмами на севере – восточным Цюрихбергом и западным Утлибергом. Территория между двумя холмами довольно плоская, во всяком случае по швейцарским понятиям; именно на ней обосновалась почти четверть всех жителей страны, построив компактный красивый город. Счастливики, живущие на склоне Цюрихберга, считают, что им досталось самое лучшее место с видом на крыши городского центра и большое озеро на юге, а изредка – на далекие Альпы. Ранним солнечным вечером эта смесь антропогенного и природного рельефов излучает светлый покой. Хорошее место. Гости нередко называют город скучным, но местные не обижаются.

На остановке трамвая «Церковь Флунтерн» примерно на полпути к макушке Цюрихберга можно выйти из голубого вагона и прогуляться в северном направлении по Хохштрассе, мимо старой церкви со шпилем и большим циферблатом. Часы отбивает церковный колокол. Офис учрежденного Парижским соглашением Министерства будущего находится

рядом с церковью, в двух шагах от технической школы, известной своим геотехническим опытом, чуть выше офисов крупных швейцарских банков, накопивших, несмотря на малые размеры Швейцарии, баснословный капитал. Эта близость не случайна: швейцарцы много столетий обеспечивали безопасность страны, проводя национальную политику, направленную на укрепление мира и процветание во всем мире. Похоже, в главный принцип здесь возведено «Никто не защищен, пока все не защищены», а для такого проекта и геотехнический опыт, и обилие денег очень даже полезны.

По этой причине и еще потому, что в Женеве уже располагались штаб-квартира Всемирной организации здравоохранения и других агентств ООН, когда Парижское соглашение создало свое собственное учреждение, власти Цюриха выкатили мощный аргумент: в Женеве и без того тесно и, как следствие, дорого, и после азартного перетягивания каната между кантонами победили в конкурсе на право принять у себя новое агентство. Предоставление здания на Хохштрассе и нескольких соседних корпусов технической школы, причем без арендной платы, несомненно, явилось одним из главных факторов победы на конкурсе.

Глава Министерства, Мэри Мерфи, ирландка сорока пяти лет, бывшая министр иностранных дел Республики Ирландия, а до того – профсоюзный адвокат, с ходу, как только вошла в свой кабинет, окунулась в новую драму, что ее ни кап-

ли не удивило. Все с ужасом следили за новостями об убийственной жаре в Индии, ответные шаги ожидались с минуты на минуту. Только что поступили первые сведения.

Начальник секретариата, невысокий щуплый мужчина по имени Бадим Бахадур, прошел за Мэри в ее кабинет и сказал.

– Ты, конечно, уже знаешь, что индийское правительство приступает к действиям по смягчению солнечного излучения.

– Да, видела сегодня утром. Они сообщали подробности своего плана?

– Сведения поступили полчаса назад. Наши геоинженеры говорят: если все пойдет по плану, то эффект будет сравним с извержением вулкана Пинатубо в 1991 году. Оно на год или два понизило глобальную температуру на один градус Фаренгейта. Эффект был вызван двуокисью серы в облаке пепла, которое вулкан выстрелил в стратосферу. Наши люди говорят, что для имитации такого же выброса двуокиси серы индийцам потребуется несколько месяцев.

– А сил и средств им хватит?

– Индийские ВВС, пожалуй, справятся. Попытка не пытка, самолетов и оборудования у них достаточно. По большей части метод представляет собой несложную доводку технологии дозаправки в воздухе. К тому же самолеты часто сбрасывают излишки горючего, в этом нет ничего нового. Главная проблема в том, чтобы подняться как можно выше, а это вопрос не только полезного веса, но и количества челове-

ко-вылетов. К гадалке не ходи – придется сделать как минимум несколько тысяч.

Мэри достала из кармана телефон, набрала номер Чандры. Главу индийской делегации Парижского соглашения Мэри хорошо знала. В Дели уже поздний час, но в это время они обычно и говорили.

Когда на другом конце ответили, Мэри спросила:

– Чандра, это Мэри, можно тебя на минутку?

– На минутку – да. Мы все здесь страшно заняты.

– Представляю. Что там с вашим планом устроить Пинтубо с помощью ВВС?

– Скорее даже двойной Пинтубо. Такова рекомендация нашей академии наук, премьер-министр уже отдал распоряжения.

– Но Соглашение... – Мэри опустилась в кресло, сосредоточилась на голосе коллеги. – Ты ведь знаешь, что в нем сказано. Никакого вмешательства в атмосферу без предварительных консультаций и договоренностей.

– Мы нарушим Соглашение, – отрезала Чандра.

– Результат никто не может предсказать!

– Он будет таким же, как в случае с Пинатубо, или в два раза мощнее. Именно то, что нам нужно.

– Не факт, что обойдется без побочных эффектов...

– Мэри! Прекрати, не надо. Я знаю, что ты скажешь до того, как ты откроешь рот. Нам в Индии ясно одно: погибли миллионы людей. Мы понятия не имеем, сколько точно, их

слишком много, чтобы всех сосчитать. Число умерших, возможно, достигло двадцати миллионов. Понимаешь, что это значит?

– Да.

– Нет, не понимаешь. Я приглашаю тебя приехать лично. Тебе действительно не мешало бы у нас побывать – быстрее поймешь.

Мэри заметила, что задержала дыхание. Сглотнула комок в горле.

– Я приеду, если ты хочешь.

Наступила длинная пауза. Наконец Чандра нарушила молчание и севшим, сдавленным голосом произнесла:

– За это – спасибо. Но у нас сейчас, пожалуй, слишком много хлопот, чтобы как следует подготовиться к такому визиту. В отчетах все изложено. Я тебе пришлю, как будут готовы. На данный момент достаточно сказать, что мы страшно напуганы и вне себя от гнева. Этот период жары устроили Европа, Америка и Китай, а не мы. Индия, конечно, сожгла за последние десятилетия немало угля, но его количество – мелочь по сравнению с Западом. Тем не менее мы подписали Соглашение, чтобы внести свой вклад. И мы его внесли. Однако, кроме нас, никто не выполнял обязательства, не платил развивающимся странам, а теперь еще эта жара. И через неделю может начаться новый жаркий период! Условия не изменились!

– Я знаю.

– Конечно, знаешь. Все знают. И никто не шевелится. Так что мы теперь берем дело в свои руки. Мы понизим глобальную температуру на несколько лет, от этого всем будет польза. И, может быть, новая массовая гибель людей не произойдет.

– Хорошо.

– Нам не требуется твое одобрение!

– Я не это имела в виду, – сказала Мэри, но на том конце уже повесили трубку.

Мы привезли цистерну горючего, цистерну воды и все такое. Все впустую. Без электричества насосы не работали, ничего не работало. Прежде чем что-то делать с трупами, пришлось сначала возвращать в строй электростанции. При виде мертвых коров, людей, собак кто-то вспомнил о тибетском «небесном погребении», когда трупы отдают на съедение стервятникам. Стервятников действительно налетело о-го-го сколько. Целые тучи стервятников и ворон. Временами вонь стояла нестерпимая, но стоило перейти на другое место или подуть ветерку, как она пропадала. Будто запахам не хватало воздуха, он был слишком горяч. В основном пахло гарью. Пожаров было о-го-го сколько. Когда включили электричество, восточнее Лакхнау часто происходили обрывы на линиях передачи, и начала гореть трава. На следующий день поднялся ветер, пожары разрослись и перекинулись на города, так что пришлось все бросить и бороться с огнем. Счетчик взвешенных частиц показывал 1500 ppm.

Недалеко от Лакхнау есть озеро, из которого можно качать воду. Оно было забито трупами – кошмар, но мы все равно закинули патрубок насоса, ведь нам без воды никак. Мы находились с подветренной стороны пожара, огонь наступал прямо на нас. Поэтому, когда насосы начали качать воду в цистерны, все повеселели.

Услышав посторонний шум, я сначала подумал, что в трубе что-то пищит. Но звук, похоже, доносился с берега озера, с того места, где пешеходная дорожка проходила у самой воды. Я пошел посмотреть. Мне показалась, что звук издает кто-то живой.

Человек лежал на дорожке, прислонившись к стене здания, голова замотана рубашкой. Я заметил, что он шевелится, и позвал остальных. Это был фиранги с коричневыми волосами, с него слезала кожа, как будто его обожгло огнем или ошпарило кипятком. На вид мертвец мертвецом, но еще шевелился. Веки настолько опухли, что глаза закрылись, однако я заметил, что он на меня смотрит. Когда мы начали ему помогать, он не произнес ни слова, не издал ни звука. Губы потрескались, из них текла кровь. Я подумал: «Может, он совсем сварился и потерял голос?» Мы напоили его водой с ложечки. Давать сразу много воды опасно. Когда мы сообщили в штаб, оттуда довольно быстро прислали медиков. Врачи забрали его, положили под капельницу. А он только смотрел. На нас, на озеро... Так и не сказал ничего. У него был совершенно безумный вид. Словно он перестал быть человеком и превратился в другое существо.

Состоявшееся после окончания периода жары в Индии экстренное заседание сторон, подписавших Парижское соглашение, выдалось бурным. Индийская делегация прибыла в полном составе, их лидер, Чандра Мукаджи, обрушила шквал критики на международное сообщество за полную несостоятельность в соблюдении условий соглашения, подписанного всеми странами мира. Нормы сокращения выбросов не выполняются, платежи в инвестиционные фонды для финансирования декарбонизации не вносятся, Соглашение всячески саботируется. Пустое притворство, издевательство, ложь. А расплачиваться приходится Индии. Во время периода жары умерло больше людей, чем за всю Первую мировую войну, причем лишь за одну неделю и в одном регионе мира. Клеймо от подобного преступления никогда не исчезнет, пребудет в веках.

Никто не осмелился напомнить, что Индия сама не выполняла взятые на себя нормативы по сокращению выбросов. И если уж суммировать все выбросы за исторический период, то Индия, как известно, оказалась бы далеко в хвосте развитых стран западного мира. Имея дело с нищетой, преследующей большую часть населения Индии, индийское правительство было вынуждено создавать энергетическую базу как можно быстрее, а так как жить приходилось в услови-

ях рынка, то еще и с минимальными расходами. В противном случае сторонние инвесторы отказались бы вкладывать средства, посчитав доходность слишком низкой. Поэтому да, приходилось жечь уголь. Точно так же всего несколько лет назад поступали все остальные. А теперь Индии предлагают прекратить сжигание угля, в то время как другие страны, покончившие с углем, успели сжечь его в количествах, позволивших накопить достаточный капитал для перехода на более чистые источники энергии. Индии же предписано исправляться без посторонней финансовой помощи. Затяните пояса потуже, смиритесь с жесткой экономией, станьте рабочим классом для буржуазии развитого мира и молча страдайте до лучших времен, да только лучшие времена больше не наступят, этот план окончательно провалился. Игра велась каплевыми картами. Она стоила жизни двадцати миллионам человек.

В большом зале цюрихского Дома конгрессов наступила тишина. Тишина была не похожа на затянувшуюся минуту молчания в память о погибших. Это молчание излучало стыд, растерянность, тревогу, ощущение вины. Индийская делегация закончила выступление, высказав все, что наболело. Настало время им ответить, но никто не торопился с ответом. Ни у кого не находилось слов. Катастрофа уже стала историей, кошмаром, от которого делегаты были не в силах очнуться.

Наконец на трибуну вышла избранная на этот год пре-

зидентом организации Парижского соглашения женщина из Зимбабве. Она быстро обняла Чандру, кивнула коллегам из Индии и подошла к микрофону.

– Совершенно очевидно, что мы делаем слишком мало, – начала она. – Парижское соглашение заключалось, чтобы предотвратить именно такие трагедии, как эта. Мы все – жители одной глобальной деревни. Мы пользуемся одним и тем же воздухом, одной и той же водой, а потому катастрофа произошла с нами всеми. Мы не можем вернуть мертвых, но мы должны каким-то образом обернуть это бедствие во благо, иначе преступление останется безнаказанным, и последуют новые катастрофы. А значит, пора действовать. Положение с климатом теперь придется воспринимать всерьез как данность, отодвигающую на задний план все остальные нужды. Действовать надо, отталкиваясь от известного.

Делегаты закивали. Хлопать в ладоши нельзя, не тот случай, однако можно кивать. Можно еще поднять сжатую в кулак руку, тем самым выражая свою солидарность.

Все это, конечно, хорошо. Момент важный и где-то даже памятный. Но очень скоро делегаты вернулись к привычному барышничеству вокруг национальных интересов и обязательств. Катастрофа произошла в Индии, причем в той ее части, куда редко заглядывают иностранцы. Говорят, там всегда жарко, многолюдно и полно нищих. Наверняка новые катастрофы, если они случатся, будут происходить именно в таких странах, расположенных между тропиками Рака и Ко-

зерога и на широтах чуть севернее и южнее этих двух параллелей. Между тридцатой на севере и тридцатой на юге находятся самые бедные страны мира. Севернее и южнее этих широт время от времени могут возникать периоды смертоносной жары, но вряд ли часто и вряд ли с такими же фатальными последствиями. А значит, в некотором роде это региональная проблема. У каждого региона есть свои проблемы. Поэтому, когда время похорон и жестов глубокого соболезнования закончилось, многие народы мира и их правительства вернулись к привычному порядку вещей. И выбросы CO₂ продолжались как ни в чем не бывало.

Некоторое время казалось, что отношение к великой жаре будет таким же, как к массовым убийствам в Соединенных Штатах – все попричитают, все их осудят и тут же забудут – до нового еще более серьезного случая, пока эти происшествия не станут частью шумного повседневно, новой нормальностью. Все подсказывало, что то же самое произойдет и с самой страшной неделей в истории человечества. Как долго она будет считаться самой страшной? И что с этим поделать? Проще вообразить конец света, чем конец капитализма, – старая поговорка отрастила зубки, приобрела буквальный, жестокий смысл.

Но только не в Индии. Прошли выборы, партию националистов и шовинистов БДП¹ вышвырнули вон, как не спра-

---

¹ «Бхаратия джаната парти» (Индийская народная партия). – *Здесь и далее*

вившуюся с обязанностями и отчасти виноватую в катастрофе тем, что она подчинила страну иностранным интересам, жгла уголь и разрушала ландшафт, неуклонно увеличивая неравенство между богатыми и бедными. РСС² был опозорен и дискредитирован как враждебная сила в индийском обществе.

Выборы выиграла новая смешанная партия, в которую вошли индийцы всех слоев, религий и каст, городская и сельская беднота, интеллигенция – катастрофа сплотила всех, придала решимости начать перемены. Правящая элита утратила легитимность и гегемонию, а зачатки разрозненного сопротивления жертв слились воедино в партию под названием «Авастхана», что на санскрите означает «возрождение». Крупнейшая демократия мира вступила на новый путь. Последние электрические компании Индии были национализированы, огромные силы были брошены на свертывание электростанций, работающих на угле, и создание агрегатов, использующих энергию ветра, солнца и рек без плотин, а также систем хранения электроэнергии без аккумуляторных батарей в дополнение к растущей эффективности аккумуляторов. Перемены начались сразу во многих сферах. Возобновились усилия по преодолению наихудших последствий кастовой системы; они предпринимались и раньше, но теперь им придали национальный приоритет, статус новой реально-

---

прим. пер.

² «Раштрия сваямसेвак сангх» (Союз добровольных слуг родины).

сти, и достаточно многие индийцы их поддерживали. Перемены происходили по всей Индии, на всех уровнях управления.

И наконец – хотя многие об этом потом пожалели, – наиболее радикальная часть нового политического устройства Индии направила миру послание: меняйтесь вместе с нами, меняйтесь немедленно, или вас настигнет кара богини Кали. Не будет перемен – дешевизне индийской рабочей силы конец, продажным сделкам конец, вообще всем сделкам конец. Если страны, подписавшие Парижское соглашение, а его подписали все страны мира, не изменят свою позицию, то данная часть Индии объявит их врагами, разорвет дипломатические отношения и пойдет на все, за исключением полномасштабной войны. Экономическая война? Запросто. Весь мир увидит, на что способна одна шестая часть населения планеты, ее бывший рабочий класс. Пора покончить с затянувшейся постколониальной подчиненностью. Для Индии настало время выйти на мировую сцену, как уже было однажды, в самом начале истории, и потребовать для себя лучшей доли. А потом сделать требование реальностью.

Было неясно, считать ли эту агрессивную позу истинным общенациональным мнением или фразерством радикальной фракции. Все зависело, по мнению многих, от того, как далеко зайдет новое правительство Индии в своей поддержке группы Кали, спустит ли оно радикалов с поводка. Война в эпоху интернета, глобальной деревни, дронов, синтетиче-

ской биологии и рукотворных пандемий была уже не та, что раньше. Если индийцы настроены серьезно, это может плохо кончиться. Собственно, даже если в индийском правительстве серьезно настроена лишь одна фракция Кали, дело может принять крайне неприятный оборот.

Однако в такие игры могут играть и остальные, причем не только 195 государств, подписавших Парижское соглашение, но и всякого рода негосударственные образования вплоть до отдельных индивидуумов.

Наступили тревожные времена.

Когда ему становилось жарко, начинался приступ паники, а от приступа паники его еще больше бросало в жар. Обратная связь в действии. Состояние спасенного стабилизировалось, и мы перевезли его в Глазго. Пациент упоминал, что провел в этом городе один год, мы прикинули, что в привычном окружении он почувствует себя лучше. Он не захотел возвращаться в Штаты. Поэтому мы выбрали Глазго, прохладное место, где вечерами гуляли с ним по окрестностям. Стоял октябрь с обычными дождями и свежим ветром с моря. Такая погода, похоже, приносила ему успокоение.

Однажды вечером я гулял с пациентом по улицам, позволив ему самостоятельно выбирать маршрут. Он обычно молчит всю дорогу, и я не мешаю. Но в тот вечер он немного разговорился. Показывал мне места, где учился, театры, в которых бывал. Оказывается, его раньше интересовал театр, он даже поработал рабочим сцены, отвечал за освещение, декорации, костюмы. Когда мы вышли на Клайд-стрит, пациент захотел перейти по пешеходному мосту на южный берег реки.

Отсюда район сити в темноте выглядел огромным квадратом. Центр Глазго невысок, мало изменился за последние сто, а то и двести лет. Мистика, вылитый город из какого-нибудь мрачного фэнтези. Мой спутник стоял, положив локти

на перила, и смотрел вниз на черную воду.

Мы говорили о разных вещах. В какой-то момент я спросил его, вернется ли он домой.

«Нет, – резко ответил он. – Ни за что не вернусь». Угрюмое я его еще не видел. «Никогда», – добавил он.

Я не стал обострять. Не хотел лезть с вопросами. Мы просто стояли, облокотившись на перила. Казалось, что город медленно плывет к холмам.

«Почему я выжил? – неожиданно спросил он. – Почему один я, а все прочие люди умерли?»

Я даже опешил. «Выжил, и все, – ответил я. – Может, у тебя здоровье оказалось крепче. Или ты крупнее. Откуда мне знать. Ну, крупным тебя не назовешь, но, может, ты крупнее индийцев».

Пациент пожал плечами. Мол, вряд ли.

– Даже небольшая разница в массе тела способна помочь. Главное, поддерживать внутреннюю температуру тела на уровне ниже 40 градусов. Отсутствие избыточного веса тоже помогает. А еще – с детства хорошие питание и медицина. Ты, кажется, бегал?

– Плавал.

– Возможно, это тоже пригодилось. Крепкое сердце, жидкая кровь. И все такое. В конечном итоге ты оказался среди них самым сильным, а выживают только самые сильные.

– Я сомневаюсь, что был там самым сильным.

– Ну, может, в твоём организме сохранилось больше вла-

ги? Или ты дольше других просидел в воде? Тебя, говорят, нашли на берегу озера.

– Да.

Что-то в моих словах его задело. Он сказал: «Я до последнего сидел в погруженном состоянии. Одно лицо наружу, чтобы дышать, и так всю ночь. Но то же самое делали многие другие».

– Это помогло тебе выжить. Ты выкарабкался. Тебе повезло.

– Не говори так.

– Повезло не в том смысле. Во всем есть элемент случайности.

Пациент посмотрел на невысокий темный город с блестками огней ночного освещения. «На то воля судьбы», – сказал он и уткнулся лбом в перила моста.

Я положил руку ему на плечо. «Да, это судьба», – согласился я.

8

Люди за год сжигают около 40 гигатонн (одна гигатонна равняется миллиарду тонн) ископаемого углерода. Ученые подсчитали, что можно сжечь еще 500 гигатонн, прежде чем средняя глобальная температура поднимется на два градуса Цельсия выше уровня, на котором она находилась до начала индустриальной революции. Это тот безопасный максимум, выше которого в большинстве биорегионов Земли, то есть местах, поставляющих продовольствие, начнутся всяческие опасные последствия.

Некоторые сомневались в реальной опасности этих последствий. Однако земная система уже примерно на 0,7 ватта на квадратный метр своей поверхности поглощает солнечной энергии больше, чем отражает. В итоге средние температуры неотвратимо растут. Температура в 35 градусов по влажному термометру³ смертельна для человека, даже если сидеть в тени совершенно голым. Сочетание избытка тепла и влажности препятствует потоотделению, и вскоре наступит смерть от перегрева. Начиная с 1990 года температура по влажному термометру в 34 градуса была зарегистрирована всего один раз – в Чикаго. Так что опасность, казалось бы, вполне очевидна.

---

³ Температура, измеренная термометром, покрытым пропитанным водой материалом.

Вот откуда взялась цифра в 500 гигатонн. В то же время добытчиками разведано в недрах по крайней мере еще 3000 гигатонн ископаемого топлива. Все запасы углеводородов внесены на баланс разведавших их корпораций в виде активов и рассматриваются как национальный ресурс теми государствами, на чьей территории они обнаружены. На долю частных компаний приходится всего около четверти этих богатств, остальное принадлежит различным государствам. Наричательная стоимость недобытых 2500 гигатонн углеводородов в пересчете на нынешнюю цену нефти составляет порядка 1500 триллионов долларов США.

Вполне возможно, что в будущем эти 2500 гигатонн будут считаться «невостребованными активами», но пока что люди, пользуясь возможностью, будут пытаться продать либо сжечь ту долю, которой они владеют либо управляют. Сделаем еще триллиончик или два, и тогда уж всё, убеждают они себя. Ничего страшного, не помрем, отщипнем-ка еще чуть-чуть напоследок. Да и люди ведь просят.

В число девятнадцати крупнейших организаций, ведущих себя подобным образом, в порядке убывания по размеру войдут саудовская «Арамко», «Шеврон», «Газпром», «Экксон-Мобил», «Национальная иранская нефтяная компания», «Бритиш Петролеум», «Ройял Датч Шелл», «Пемекс», «Петролеос де Венесуэла», «Петрочайна», «Пибоди Энерджи», «Конокофилипс», «Национальная нефтяная компания Абу-Даби», «Нефтяная корпорация Кувейта», «Ирак-

ская национальная нефтяная компания», «Тоталь», «Сонатраш», «Би-Эйч-Пи Биллитон» и «Петробрас».

Ответственные решения в этих организациях принимают около пятисот человек. По отдельности они хорошие люди. Патриотичные политики, озабоченные участием своих дорогих сограждан, добросовестные, усердные корпоративные управленцы, выполняющие свои обязательства перед советом директоров и акционерами. По большей части – мужчины, в основном семейные, высокообразованные и благонамеренные. Столпы общества. Спонсоры-филантропы. Вечером на концерте в филармонии их сердца трепещут от торжественного величия четвертой симфонии Брамса. Они желают лучшего будущего для своих детей.

В Нидердорфе, средневековом районе Цюриха, граничащем с правым берегом реки Лиммат, под сенью башни Гроссмюнстера лепились несколько маленьких баров, слишком непритязательных, чтобы привлекать туристов. К тому же в ноябре туристов в Цюрихе вообще немного. Дождь сменился мокрым снегом, черные камни мостовой стали скользкими. На улице, ведущей к реке, стоял строительный кран. Не кран даже, а произведение искусства – стеб скульптора на тему обилия строительных кранов в Цюрихе. Город постоянно перестраивался.

Мэри вошла в маленький бар и присела рядом с Бадимом Бахадуром, начальником ее секретариата. Бадим склонился над телефоном за бокалом виски. Угрюмо кивнул, помещивая лед.

– Что слышно из Дели? – поинтересовалась Мэри.

– Завтра начинают.

Министр кивком подозвала официанта и указала на бокал Бадима, попросив принести то же самое.

– И какова реакция?

– Ничего хорошего, – пожал плечами Бадим. – Не исключено, что нас начнет бомбить Пакистан, мы ответим, и наступит ядерная зима. На планету вернется приятная прохлада.

– Уж кто-кто, а пакистанцы, я надеялась, вас поддержат.

Если подобная жара случится в Пакистане, там мало кто уцелеет.

– Они это понимают. Просто создают геморрой. Китай туда же. Мы теперь парии всего мира, хотя действуем в общих интересах. Нас убивают за то, что мы сами чуть не сдохли.

– Так всегда бывает.

– Разве? – Бадим посмотрел в окно. – Я не вижу, чтобы Европа очень страдала.

– Здесь Швейцария, а не Европа. Швейцарцы обходят такое дерьмо стороной. И всегда обходили. Результат налицо.

– Неужели они так сильно отличаются от остальной Европы?

– Грецию доби́ли за то, что она подыхала, не забыл? В других странах на юге Европы положение не лучше. Кстати, в Ирландии тоже. Британцы убивали нас веками. Примерно четверть всех ирландцев умерли от голода, почти столько же эмигрировали. Это не мелочи.

– Постколониализм.

– Да. Причем в исполнении одной и той же империи. Просто удивительно, как Англии удастся избегать расплаты за преступления.

– Расплачиваются не преступники, расплачиваются жертвы.

Принесли виски. Мэри залпом осушила половину бокала.

– Мы должны придумать, как это изменить.

– Если такой способ вообще есть.

– Через правосудие?

Бадим скорчил скептическую мину.

– Что за штука такая?

– Ладно, давай без цинизма.

– Нет, я вполне серьезно. Взять хотя бы греческую богиню правосудия. Бронзовая баба в тоге с повязкой на глазах – чтобы правильно судила. Взвешивает на весах преступление и наказание, не поддаваясь постороннему влиянию. Однако чаши весов никогда не уравниваются. Ну, если только по принципу «око за око». Тогда конечно. В случае убийства метод уже не действует. Убийцу всего лишь оштрафуют или дадут пожизненное – разве это справедливое возмездие? Нет.

– Ты намекаешь, что нужна смертная казнь?

– Которую все считают варварством. Ибо если убийство – зло, то это зло не исправишь еще одним злом. Насилие порождает насилие. Ты ищешь эквивалент, а его просто нет. Поэтому чаши весов никогда не приходят в равновесие. Особенно когда одна нация истребляет другую триста лет, забирает себе все ее добро, а потом говорит: «Ой, извините, мы плохо себя вели. Ничего, сейчас прекратим, и все будет хорошо». Нет, не будет.

– Может, теперь Англия хотя бы заплатит Индии за потряхнутую пыль.

– Странно, почему не все поддерживают эту идею. Эффект будет действовать максимум три-четыре года, что даст

время его изучить и понять, стоит ли делать второй заход.

– Многие опасаются цепной реакции последствий.

– Каких именно?

– Ты о них знаешь не хуже моего. Если из-за распыления прекратятся муссоны, станет хуже вдвойне.

– Мы не боимся рисковать! В конце концов, это наше личное дело.

– Но последствия скажутся на всем мире.

– Снижения температур хотят все.

– Кроме России.

– Не уверен. Морской лед и вечная мерзлота тают, а это половина их территории. Если реки в Сибири перестанут замерзать, русские на девять месяцев в году лишатся дорог. Они рождены жить в холоде.

– Холод бывает разный.

– Такого, как у них, еще поискать! Нет, русские, как все, просто нагнетают обстановку. Кто-то берет быка за рога, хватает волка за уши – а ему в спину втыкают нож. Как это уже достало.

Мэри сделала еще один глоток.

– Добро пожаловать в наш мир.

– Гори он... – Бадим залпом допил виски. – Итак, что нам делать? Мы Министерство будущего. От нас требуют определенной позиции.

– Знаю. Посмотрим, что скажут ученые.

Бадим смерил собеседницу ироническим взглядом.

– Будут влиять до последнего?

– Ну, им пока не хватает сведений, чтобы принять обоснованное решение. Скорее всего, скажут: эксперимент хороший, давайте его проведем и подождем еще десять лет, посмотрим, что получится.

– Как всегда!

– Что ты хочешь от ученых?

– Обычных шагов теперь мало!

– Так и заявим. И я уверена: в конце концов мы поддержим Индию.

– Деньгами?

– Ага, десятью евро! Деньги на бочку!

Бадим непроизвольно рассмеялся. Но его мина быстро померкла.

– Этого мало, – сказал он. – Поверь, что бы мы ни делали в своем Министерстве, этого будет мало.

Мэри внимательно посмотрела на коллегу. Камешек прилетел в ее огород. Бадим отвел взгляд.

– Пойдем прогуляемся, – предложила она. – Я весь день провела сидя.

Бадим не возражал. Они расплатились и вышли в сумерки. Под статуей крана в каменном ложе текла Лиммат, черное полотно воды катилось, комкая отражения огней противоположного берега. Мэри и Бадим прошли вверх по реке мимо куба старой ратуши – Мэри привычно поразились, каким образом в такое маленькое здание втиснули всю город-

скую управу. Потом мимо «Одеона» по большому мосту над истоком, через крохотный парк на другом берегу, где стояла статуя Ганимеда с отведенной назад рукой, словно поддерживающей луну над Цюрихским озером. Мэри часто сюда приходила. Что-то в облике статуи, озера и далеких Альп на юге необъяснимым образом волновало и тревожило ее. Что именно, Цюрих или жизнь как таковая, она не могла определить. В этом месте мир ощущался бесконечно огромным.

– Слушай, – обратилась она к Бадиму, – возможно, ты прав, и справедливости в виде реального воздаяния за дурные проступки не существует. «Око за око» не работает, что бы там ни говорили. Особенно когда речь идет об истории или климате. Однако мы должны попытаться хотя бы в грубых чертах создать некий режим справедливости. Для этого наше министерство и создавалось. Мы должны заложить фундамент, чтобы хотя бы в далеком будущем появилось нечто напоминающее справедливость. Долговременный реестр, в котором добрые дела возьмут верх над злом. Склонить дугу⁴ и все такое. Дела прошлого не отменяют нашу задачу.

---

⁴ Название документального фильма о благотворительной организации врачей «Партнеры по здоровью», в свою очередь взятое из выступления американского abolitionиста Теодора Паркера: «Я не претендую на понимание моральной вселенной; дуга длинна, мой взгляд далеко не достает. Я не могу рассчитать кривую и дополнить фигуру зрительным восприятием. Я могу угадать ее с помощью совести. Исходя из того, что я вижу, я уверен, что дуга эта склоняется к справедливости».

Мэри указала на статую Ганимеда с поднятой рукой. Луна покоилась прямо на ладони юноши, как будто он собирался зашвырнуть лунный диск в небо.

— Знаю, — вздохнул Бадим. — Для этого я сюда и приехал.

Взгляд коллеги — отчужденный, проницательный, расчетливый, холодный — говорил, что он не шутит. От этого взгляда по коже Мэри поползли мурашки.

Гораздо более непринужденные и где-то даже разбитные отношения связывали Мэри с Татьяной Вознесенской, начальником юридического отдела Министерства. У них сложилась привычка встречаться по утрам в купальне Утоквай. Если было достаточно тепло, они переодевались в купальники и парой плавали по озеру вольным стилем, потом переходили на брасс и немного болтали, нарезая круги, глядя на город под необычным ракурсом — с воды на берег, после чего возвращались в душевые и сидели в кафе купальни с чашкой чего-нибудь горячего. Татьяна, высокая брюнетка, отличалась броскими, типично русскими чертами — голубыми глазами, высокими, как у манекенщицы, скулами, сумрачно-бодрым расположением духа и чувством черного, как сажа, юмора. Она довольно высоко поднялась в российском МИДе, пока не обломала зубы об одну из властных группировок и не решила сбежать в какое-нибудь заграничное учреждение. В России она специализировалась на международном договорном праве, знание которого теперь ис-

пользовала для поиска союзников и законных средств в деле защиты будущих поколений. Для Татьяны это в основном сводилось к созданию таких условий, в которых будущие поколения имели бы правовой статус, чтобы дать адвокатам нынешнего дня возможность возбуждать иски и выступать в судах. Это была непростая задача ввиду неохоты, с которой суды соглашались допускать правоспособность кого-либо или чего-либо, выходящую за пределы магического круга писанных законов. Однако Татьяна поднаторела в обращении с международными судами и теперь сотрудничала с Сетью учреждений поколений будущего, Детским фондом и многими другими организациями, делая все ради того, чтобы эффективнее использовать полномочия, данные Министерству Парижским соглашением. Мэри иногда казалось, что возглавить министерство следовало не ей, а Татьяне, что ее собственный опыт работы в Ирландии и ООН жидковат в сравнении с нелегкой карьерой Вознесенской.

Когда Мэри высказала эту мысль в очередной раз за выпивкой, Татьяна замахала руками.

– Что ты! Что ты! Ты идеально подходишь! Красивая ирландская девочка, все тебя любят. На твоём месте я бы сразу устроила погром, как головорез из КГБ. Кстати, я им и являюсь, – добавила Татьяна с опасным блеском в глазах.

– Не верю.

– Правильно, что не веришь. Но погром я бы устроила. Ты нужна наверху – отпирать двери. Это на самом деле очень

похоже на борьбу за правовой статус. Меньше формальностей, но не менее важно. Сначала заставляешь людей прислушаться, доказываешь после. Вся суть твоей работы в том, чтобы заставить людей слушать. А уж потом настает наш черед подключиться к работе.

– Надеюсь, ты не ошибаешься. Думаешь, у нас получится сделать субъектами права еще не родившихся людей?

– Трудно сказать. С одной стороны, сфера правоспособности исторически постоянно расширяется, что как бы создает прецедент. Все больше разных групп людей получают правовой статус, в Эквадоре его присвоили даже экологии. Складывается определенный порядок, и, с точки зрения логики, он выдерживает критику. Но даже если мы одержим успех в этой области, все еще остается вторая проблема, возможно, еще бо́льшая, – повальная неомощность международных судов.

– Неужели они настолько слабы?

Татьяна метнула в Мэри острый взгляд, словно говоря «шутить изволишь».

– Государства принимают решения международных судов, только когда с ними согласны. Однако любое решение всегда выносится в пользу той или иной стороны, поэтому проигравшие всегда недовольны. А всемирного судебного исполнителя не существует. Поэтому США творят что хотят. Все остальные поступают точно так же. Суды эффективны только в тех случаях, когда на удочку попадает какой-ни-

будь мелкий военный преступник, и все стороны соглашаются поиграть в добродетель.

Мэри грустно кивнула. Свежий пример – пренебрежение к Парижскому соглашению Индии с ее геоинженерными новшествами – юридически мало чем отличался от всеобщего наплевательского отношения к сокращению выбросов.

– Что мы, по-твоему, способны сделать, чтобы улучшить положение?

– Примат закона – наше все, – насупившись, пожалала плечами Татьяна. – Так мы говорим людям, а потом пытаемся заставить их поверить.

– Как заставить?

– Если на планете рванет, то поверят. Вот почему после Второй мировой войны возник новый международный порядок.

– И теперь его мало?

– Ну, всегда хочется большего. Кое-как выкручиваемся. – Лицо Татьяны просветлело, Мэри заметила лукавый взгляд как предвестие шутки. – Нам нужно придумать новую религию! Что-то вроде культа Земли, мы все одна семья, все люди братья, тра-та-та.

– Все люди – сестры, – поправила Мэри. – Матушка Земля – женского пола.

– Точно, – расхохоталась Татьяна.

Они подняли тост за идею.

– Наметь подходящие законопроекты, – предложила Мэ-

ри. — Чтобы были под рукой в нужную минуту.

— Разумеется. Весь свод законов у меня вот здесь. — Татьяна постучала себя пальцем по лбу.

Мы совершали полеты из Бихты, Дарбханга, с базы ВМС «Гаруда», из Гандхинегара. Летали в основном на «ИЛ-78», закупленных в стародавние времена у Советского Союза. Несколько заправщиков «Боинг» и «Эйрбас» у нас тоже были. Самолеты старые, на высоте внутри дикий колотун. Костюмы тоже старые, негнущиеся и почти без теплоизоляции. В воздухе мы очень мерзли, хотя стандартный вылет длился недолго.

Поднимались на высоту в восемнадцать километров, выше самолеты просто не вытягивали. Чем выше, конечно, тем лучше, но не с нашей техникой. Каждый полет занимал пару часов, летали с полной загрузкой. Два самолета на максимальной высоте угодили в опасный режим и свалились в штопор, один из экипажей не смог из него выйти.

Набрав нужную высоту, мы выпускали топливопровод и распыляли аэрозоль в воздухе. На первый взгляд облако выглядело как сброшенное горючее, на самом деле это была взвесь из твердых частиц, нам сказали, что в ней присутствовала двуокись серы и еще какие-то химикаты, как в вулкане. Пепла, как при вулканическом извержении, не было – только эта смесь. Распыленная в воздухе, она должна отражать солнечный свет. Смесь делали в Бхопале и других городах Индии.

Чаще всего мы летали над Аравийским морем, дующие там в конце лета господствующие ветры уносили аэрозоль в сторону Индии – как мы и планировали. Делалось это ради своих, к тому же так было легче избежать критики. Увы, вскоре выяснилось, что ветры разносят смесь по всей стратосфере, в основном в северном направлении, но и в другие тоже. И она повсюду отражала солнечный свет.

В небе самой Индии с виду ничего не менялось. Мы всю жизнь провели под АКО, Азиатским коричневым облаком, и привыкли к тому, что небо всегда грязное. Операция прибавила немного яркости дневному свету, а закаты стали чуть краснее, чем прежде. Порой это очень красиво. Однако по большей части ничего не изменилось. Доля отраженного нашими усилиями света составила всего одну пятую процента от общего количества. Якобы это чрезвычайно важно, но заметить такую крохотную разницу невооруженным глазом невозможно.

Общий эффект был как в 1991 году от Пинтубо или в два раза больше. Чтобы насытить стратосферу нужным количеством аэрозоля, потребовалось несколько тысяч самолетовылетов. У нас имелись всего двести самолетов, так что каждому экипажу приходилось постоянно летать туда-сюда, и так несколько месяцев подряд. Очень много работы.

Мы слышали, что наша затея страшно не понравилась китайцам. Пакистану, конечно, тоже. Хотя полеты выполнялись только в то время, когда струйные течения шли на во-

сток или северо-восток, время от времени рассеивание накрывало соседей. Со всего мира посыпались жалобы: мол, аэрозоль нарушит озоновый слой, пострадают все на свете. Как-то раз по нам выстрелили ракетой с инфракрасной головкой самонаведения. Викрам в последний момент выполнил маневр, самолет замяукал, как кошка. Кто стрелял, мы так и не узнали. Нам все было нипочем. У нас был приказ, и мы выполняли его с радостью. Во время великой жары у всех кто-нибудь умер. Даже если никто не умер, мы делали это ради Индии. Жара могла повториться в любом районе нашей страны, правительство постоянно об этом напоминало. Период жары мог наступить даже в северных широтах. В Европе жара однажды убила семьдесят тысяч человек, а ведь Европа расположена намного севернее. Опасность угрожала больше чем половине населения Земли. Выходит, старались мы для всех.

Работали семь месяцев без выходных. Если учитывать техобслуживание, заправку топливом и наполнение баков смесью, то круглыми сутками. Мы изнемогали, но постепенно вошли в ритм. Экипажей хватало, чтобы летать в три смены. В разгар операции казалось, что ей нет конца и края, что всю оставшуюся жизнь мы не будем заниматься ничем другим. Мы верили, что спасаем Индию, спасаем весь мир. Однако в первую очередь, конечно, думали о своей стране. Жили надеждой, что смертельная жара больше не наступит. Очень волнительное было время.

Теперь, посещая другие страны и слыша, как кто-нибудь нас критикует, я сразу встаю на дыбы. Вы ничего не знаете, говорю я им. Пострадали-то не вы, поэтому вам все было до лампочки. А мы знаем, и нам не все равно. Кстати, с тех пор периодов сильной жары больше не случилось. Конечно, зарекаться на будущее нельзя, однако мы сделали все, что было в наших силах. Мы делали доброе дело. Должен признать, что иногда повышаю голос на людей, когда они говорят обратное. Гореть им в аду. Индия там уже побывала. Поэтому я терпеть не могу, когда кто-то критикует наши действия. Они понятия не имеют, о чем толкуют. Не знают, что такое ад, а мы его видели своими глазами.

Идеология (*сущ.*) – мысленное отношение к действительности.

В общем смысле это то, что представляет себе другой человек, особенно вследствие систематического искажения фактов. Однако мы склоняемся к тому, что идеология является необходимым свойством познания, и если кто-либо лишен ее полностью, что вряд ли возможно, то такое лицо является практически неполноценным. Существует действительность, которую невозможно отрицать, но она слишком велика, чтобы индивидуум мог познать ее полностью, поэтому нам приходится конструировать наше понимание с помощью воображения. Следовательно, идеология есть у каждого, и это хорошо. В разум поступает столько разных данных – начиная с сигналов органов чувств и заканчивая дискурсивной и опосредованной информацией всякого рода, – что возникает потребность в некоей личной организующей системе, которая все расставляет по местам, дабы можно было принимать решения и предпринимать действия. Мировоззрение, философия, религия – все это синонимы вышеприведенного определения идеологии. То же самое можно сказать о науке, хотя она отличается тем, что непрерывно перепроверяет факты, сравнивая их с действительностью, постепенно сужая фокус. Эта черта несомненно ставит науку

в центр очень интересного проекта по изобретению, совершенствованию и запуску в действие такой идеологии, которая связно и с пользой для дела могла бы объяснить бешеный поток мировых событий. Человеку от идеологии требуется ясность и широта анализа, а еще – сила. Пусть читатели в качестве задания сами представят доказательства.

Если на время отложить в сторону мысленное отношение, то как выглядит действительность? Разумеется, как сказано выше, она в целом непознаваема. Однако возьмем ее отдельные аспекты.

К недавно вымершим видам относятся саудовская газель, нетопырь с острова Рождества, рифовая мозаичнохвостая крыса, калифорнийская морская свинья, алагоасский филидор, скрытый древесный гончар, голубой ара, пооули, северный белый носорог, горный тапир, гаитянский щелезуб, гигантская выдра, луговой тетерев, пиренейская рысь, месопотамская лань, красноногий ибис, аравийский орикс, рокселланов ринопитек, цейлонский слон, индри, колобус Кирка, горная горилла, белогрудый филандер, эфиопский горный козел, руконожка, викунья, гигантская панда, филиппинская гарпия и примерно еще двести видов млекопитающих, семьсот видов птиц, четыреста видов рептилий, шестьсот видов земноводных и четыре тысячи видов растений.

Нынешний уровень вымирания в несколько тысяч раз выше геологической нормы, что ставит его на шестое место в истории Земли и наиболее точно демаркирует начало антропоцена. Другими словами, мы переживаем катастрофу биосферы, которая оставит четкий след в палеонтологической летописи до скончания Земли. Кроме того, массовое выми-

вание – один из наиболее очевидных примеров человеческих действий, не поддающихся исправлению вопреки всем экспериментам по воскрешению вымерших видов и характерной живучести земной флоры и фауны. Закисление и обескислороживание океанов – еще один пример человеческих действий, которые невозможно исправить. Связь между закислением и обескислороживанием океанов и массовым вымиранием вскоре зайдет так далеко, что первое придаст колоссальное ускорение второму.

Разумеется, эволюция в будущем заполнит опустевшие экологические ниши новыми видами. Утраченное богатое видообразование восстановится всего через каких-нибудь двадцать миллионов лет.

Стоило Фрэнку вспотеть, как сердце начинало неистово колотиться, и вскоре он уже бился в агонии панического припадка. Пульс – 150 ударов в минуту или выше. Знание, что ему ничего не грозит и что приступ паники связан с давним событием, не помогало. Не помогало и то, что он теперь жил в Глазго и работал на мясокомбинате, где мог в любое время зайти в холодильную камеру, в которой температура не превышала нескольких градусов выше нуля. Когда начинался приступ, что-то делать было поздно, разум и тело мгновенно захлестывал жуткий ураган биохимических реакций, бьющийся в венах метамфетаминовым параноидным кошмаром.

Такое состояние люди называли посттравматическим стрессовым расстройством. Фрэнк это знал, слышал множество раз. ПТСР – бич нашего времени. Один из терапевтов объяснил, что определяющей характеристикой синдрома является то, что человек, даже понимая, что происходит, все равно не способен остановить приступ. В этом смысле, признал терапевт, название выбрано не очень удачно. Диагноз необходим, но одного диагноза мало. А что нужно еще, никто не знает. Есть разные подходы. Ни одна терапия не зарекомендовала себя полностью эффективной, большинство из них все еще находятся в стадии экспериментов.

Воссоздание события, вызвавшего расстройство? Не работало.

Фрэнк испытал этот метод во время поездки в Кению, провел целый день под воздействием температур, которые постепенно подползали близко к уровню, несовместимому с жизнью. В итоге приступы паники стали повторяться каждый день, пришлось прервать поездку и вернуться в Глазго.

Виртуальная среда, в которой можно изучать аспекты события? Не работало. Он играл в компьютерные игры, заставляющие переживать этапы события, не теряя контроля, однако игры были сделаны так же ублюдочно, как «фильмы для взрослых». Приступы происходили часто, хоть с играми, хоть без.

Мысленная проработка: Фрэнк составлял описание события, накачанный бета-адеоблокаторами. Полусонная из-за блокаторов память снова и снова выдавала: «Я пытался завести людей в дом. У меня был в кладовке бак с водой. Я это скрыл. Дуло пистолета похоже на черный кружок. Никто не выжил».

Не катит. Приступов безотчетной конвульсивной паники и кошмаров стало только больше.

Почти через раз, заснув, Фрэнк просыпался от кошмара в холодном поту. Подчас образы были жестоки до садизма. Очнувшись от подобного сна, он пытался согреться, чтобы снова зашевелились окоченевшие пальцы ног, ворочался с боку на бок, старался позабыть кошмар и вновь заснуть; ино-

гда эти попытки отнимали несколько часов, а иногда не помогали вообще. Следующий день он проводил как заторможенный зомби, тупо выполнял работу или играл в компьютерные игры, в основном такие, где можно перепрыгивать из одной точки в другую в условиях низкой силы притяжения. С астероида на астероид.

Терапевты рассуждали о событиях-триггерах, о том, как их избегать. Этой удобной метафорой прикрывался факт, что вся жизнь есть, по сути, длинная череда событий-триггеров. Что сознание тоже триггер. Стоило проснуться, вспомнить, кто ты, и пожалуйста – приступ паники. Преодолев его, Фрэнк старался кое-как дожить день до конца. Если отдать себе мысленный приказ не думать о чем-то, то заведомо будешь думать именно об этом. Надо вытеснить, забыть; но он так и не научился забывать. Постоянно отвлекать разум невозможно.

Лучшим способом противостоять ПТСР считалась когнитивно-поведенческая терапия. КПТ давалась с трудом. Фрэнк относился к ней как к религиозному откровению, узенькой дорожке над пропастью. Когда он произнес эту фразу, один из психотерапевтов заметил, что по узкой дорожке над пропастью ходят абсолютно все, такова суть жизни. Фрэнк возразил: моя жизнь – натянутый канат, постоянно приходится следить за равновесием. В этом смысле отвлекаться – только себе вредить. Если слишком сильно отвлечься, один неверный шаг – и ты свалишься в пропасть. Нужна постоян-

ная бдительность, а ведь она тоже вредна, это лишь еще один способ помнить о проблеме, уделять ей внимание. Сверхбдительность – часть расстройства. Выхода нет. Кроме сна без сновидений. Или смерти.

Медикаменты. Транквилизаторы не то же самое, что антидепрессанты. Первые предназначены для того, чтобы нарушить восприятие мозгом стимулов типа «бей или беги», дать сознанию чуть больше времени, чтобы сделать вывод об отсутствии реальной угрозы и успокоить организм. Разумеется, у этих медикаментов есть побочные эффекты. Например, эмоциональное безразличие. Такой эффект даже где-то полезен. Если задушить все эмоции, то вместе с положительными неизбежно уйдут и негативные и потом уже вряд ли возникнут, даже если сначала подавляли все остальные. Допустим, эмоционального безразличия удалось достичь. Что дальше? Идти по жизни как бездушный робот, вот что. Принимать пищу словно заправляешь старое авто. Морить себя физическими упражнениями в надежде, что усталость поможет безмятежно проспать всю ночь. Стараться ни о чем не думать, ничего не чувствовать.

Прожив в таком режиме несколько месяцев и лет, Фрэнк вернулся в Индию.

Он жаждал увидеть, поможет ли возвращение. Не попробовав, не узнаешь. Такая поездка – разновидность терапии, использующей негативные раздражители или, скорее, эф-

фект личного присутствия. Пациент возвращается на место преступления. Помимо этого он одержим идеей. У него есть план.

Фрэнк самолетом прилетел в Дели, поездом доехал до Лакхнау, вышел на вокзале и сел в переполненный загородный автобус. Зрительные образы, запахи, жара, влажность – все это триггеры. Но так как реальным триггером было сознание, он собрался с духом и стал смотреть в пыльное автобусное окно, ощущая, как из пор выступает пот, как ходит в легких воздух, как, словно пытающийся вырваться из неволи ребенок, бьется сердце. Прими! Не сдавайся!

Фрэнк сошел с автобуса на центральной площади. Постоял, осмотрелся. Люди были повсюду, всех возрастов, индусы и мусульмане, все как прежде, одни от других мало чем отличались, а иногда не отличались совсем, однако привычный глаз выхватывал всякие мелочи – тилак, круглую шапочку особого покроя. Обычная пестрота, характерная для этого города со времен Акбара, если не раньше. Как будто за четыре года ничего не изменилось. Никаких следов былой трагедии.

Несомненно, где-то должен быть хотя бы мемориал. Фрэнк спустился к реке с бешено стучащим сердцем, пылающей кожей. Одежда пропиталась потом, он пил воду из бутылки, которую принес с собой в рюкзаке, медленно, один маленький глоток за другим, и все равно бутылка быстро опустела. В нем все пульсировало, глаза ел пот, из-под спортивных

солнечных очков неудержимо текли слезы. Поляризация стекол мало сдерживала врезающиеся в сетчатку сполохи яркого света. Куда ни глянь, в глазные яблоки иглами втыкались знакомые виды.

Озеро не изменилось. Как оно могло оставаться прежним, почему его не осушили, не построили на его месте какой-нибудь мавзолей или храм, на худой конец – многоэтажный жилой дом или базар?

С другой стороны, кто из очевидцев выжил и мог вспомнить, что происходило в ту неделю? Здесь уцелевших просто нет. А что касается тех, кто приехал очистить город от трупов, то для них озеро было одним из многих мест, похожих друг на друга как две капли воды. Что толку заикливаться на каком-то одном? Нет, Фрэнк был единственным оставшимся в живых. Никто из свидетелей не уцелел, чтобы сохранить память. В глазах прохожих, толпой идущих по узкой дорожке, жалкому подобию тропинки над обрывом, она всегда выглядела как сегодня. О прошлом не напоминает даже табличка, не говоря уже о памятнике, сравнимом с отданием воинских почестей.

Фрэнк вернулся на автобусную остановку. Немного подумав и купив пару новых бутылок воды с прилавка под открытым небом, он решил посетить свой бывший офис. Здание никуда не делось. Помещения занимали адвокаты, бухгалтеры и стоматолог. По соседству открылся непальский ресторан. Здание как здание. Но то, что происходило в его сте-

нах...

Фрэнк почувствовал резкий приступ слабости и опустился на бордюр. Его прошибала дрожь, он обхватил голову руками. Прошрое по-прежнему сидело в голове – каждый час, каждая минута. Водяной бак в кладовке.

Он поднялся и пошел обратно к автовокзалу, сел в первый же автобус до Лакхнау. Оттуда позвонил по номеру, который ему дали. Ответил мужской голос на хинди. На ломаном хинди Фрэнк спросил, нельзя ли перейти на английский. Мужчина ответил: «Да. Что надо?»

– Я был там, – ответил Фрэнк. – Я был там во время великой жары. Я американец. Работал с гуманитарной группой, мы занимались проектами развития. Я видел, что здесь было. Теперь вот вернулся.

– Зачем?

– У меня есть друг. Он рассказал мне о вашей группе.

– Какой группе?

– Мне говорили, что она называется «Хватит» и практикует «прямые акции».

На том конце воцарилось молчание.

– Я хочу помочь. Я должен что-то делать.

Снова молчание. Наконец человек спросил: «Где ты сейчас находишься?»

Мучаясь от жары, Фрэнк просидел возле железнодорожного вокзала целый час. Когда уже казалось, что организм

высохнет и рассыплется, у бордюра остановилась машина, из которой выскочили двое молодых парней.

– Ты тот фиранги, что звонил нам?

– Да.

Один из парней поводил вокруг Фрэнка продолговатым устройством, второй быстро его обыскал.

– Хорошо, садись.

Как только Фрэнк опустился на переднее пассажирское сиденье, машина, взвизгнув покрывками, рванула с места. Парни на заднем сиденье завязали ему глаза.

– Мы не хотим, чтобы ты знал, куда мы тебя везем. Тебя не тронут, если ты тот, за кого себя выдаешь.

– Тот, тот, – заверил Фрэнк, не возражая против повязки. – Хотел бы я, чтобы это было не так, но я тот самый.

Парни промолчали. Автомобиль сделал несколько резких поворотов, Фрэнк то упирался плечом в дверь, то кренился набок, удерживаемый ремнем безопасности. Небольшой автомобиль с электроприводом производил совсем мало шума, однако ускорялся и тормозил очень сноровисто.

Наконец машина остановилась, Фрэнка куда-то повели по ступеням. В какое-то здание. Повязку сняли. Он очутился в комнате, заполненной молодыми людьми. Среди дюжины мужчин он заметил одну женщину. Все смотрели на гостя с любопытством.

Фрэнк рассказал свою историю. Собравшиеся время от времени угрюмо кивали, сверля рассказчика сверкающими

глазами. Ему ни разу в жизни не приходилось выдерживать столь пристальных взглядов.

Когда он закончил свой рассказ, собравшиеся переглянулись. Наконец слово взяла женщина:

– И чего ты хочешь теперь?

– Присоединиться к вам. Заняться чем-то полезным.

Группа начала переговариваться на хинди – слишком быстро, чтобы он мог уследить. А может, на другом языке – бенгали или маратхи. Фрэнк не разобрал ни единого слова.

– Ты не можешь к нам присоединиться, – заявила женщина, когда группа закончила совещаться. – Ты нам не нужен. Знай ты все, чем мы занимаемся, возможно, и сам бы передумал. Мы дети Кали, так что ты не можешь стать одним из нас, хотя и находился здесь во время катастрофы. Но кое-какую помощь ты способен оказать: передай наше послание миру. Кто знает, вдруг это принесет пользу. По крайней мере, хотя бы попробуешь. Скажи им: пусть изменяют свои привычки. Если они этого не сделают, мы будем их убивать.

– Сделаю, – пообещал Фрэнк. – Но я хочу большего.

– На здоровье. Мы тебе не запрещаем. Только не с нами.

Фрэнк кивнул, уставившись в пол. Этим людям не объяснишь. Никому не объяснишь.

– Хорошо. Я сделаю все, что могу.

Настало время бежать. Медлить дальше было слишком опасно.

Я работал врачом, руководил небольшой клиникой с помощником и тремя медсестрами, еще пара человек вели дела в офисе. Жена – учитель фортепиано, дети ходили в школу. Потом в наш район пришли повстанцы, начались бои с правительственными войсками, солдаты наводнили город, людей убивали прямо на улицах. Даже нескольких детей в школе, где учились мои дети, убили. Клинику взорвали. Когда я пришел туда и смог заглянуть через руины во внутреннюю часть процедурного кабинета, сразу понял: надо уходить. Мы почему-то попали в разряд врагов.

Я спросил друга, который до войны работал журналистом, не мог ли бы он свести меня с контрабандистом, чтобы тот переправил нас в какое-нибудь безопасное место. Я даже не представлял себе, куда именно. Любое место было надежнее нашего. Когда мой друг понял, о чем я прошу, он вышел из-за стола и обнял меня. «Мне очень жаль, что мы до такого докатились, – сказал он. – Я буду скучать по тебе». Его слова ножом ударили мне в сердце. Мой друг сразу понял, что означало это путешествие. Я сам еще не успел понять, а он уже понял. Прочитав это понимание на его лице, я рухнул на стул, как подстреленный. У меня подогнулись колени. Эта

метафора очень точно передает, что происходит в момент шока. В организме идет какая-то физиологическая реакция, но я не знаю, как ее описать.

Контрабандист запросил очень много, столько, что его услуги могли позволить себе только люди с приличными сбережениями. Большинство горожан никуда не могли уехать. Мы смогли себе это позволить. Однажды мой друг позвал меня прийти вечером в кафе и привел с собой нужного человека. Незнакомец был вежлив, но холоден. Настоящий профессионал. Попросил показать деньги, спросил, сколько человек в моей семье, когда я буду готов, все в таком духе. Сказал, что сможет переправить нас в Турцию, потом в Болгарию, а оттуда – в Швейцарию или Германию. Я сходил в банк, снял деньги, вернулся домой, все рассказал жене, вместе мы сказали детям, чтобы уложили каждый по чемодану, мол, отправляемся в путешествие. В тот же вечер, в полночь, у нашего дома остановилась машина, мы спустились, сложили чемоданы в багажник, сами загрузились в салон. Когда мы отъезжали, я посмотрел из окна на нашу квартиру и понял, что больше никогда ее не увижу. Прошлая жизнь закончилась. У меня сложились свои привычки, я любил после работы или поздно вечером, когда спадала жара, посидеть в кафе, выпить кофе, сыграть партию в триктрак, поболтать с друзьями. Мы с женой подружились с другими парами, вместе готовили, присматривали за детьми. Хорошо знали хозяев продуктовой лавки, местных магазинчиков. Все у нас бы-

ло не хуже, чем у других. Я до сих пор это помню. Но уже плохо.

Я веду протокол для Бадима с регулярной – каждый понедельник – встречи управленческой группы министерства. Потом подчищу и отправлю.

Мэри Мерфи проводит совещание в конференц-зале рядом с офисом на Хохштрассе. Надо было перед совещанием сходить в туалет.

Бадим сидит по левую руку от Мэри, за столом – тринадцать начальников отделов, остальные за их спинами, у стены. Джордж уже клюет носом.

Татьяна В. Юрист. Сегодня утром Международный суд отказался принять иск по Индии. Мечет молнии.

Имбени Халле, инфраструктура, ее переманили из «Нам-кора».

Юрген Атцген, местный, из Цюриха. Ездит на работу из дома у озера. Страхование и перестрахование. Ветеран «Свисс Ре».

Боб Уортон, юннат. Эколог из Америки. Снижение рисков и адаптация.

Главная по климату, Адель Элья. Француженка, координирует науку о климате. Начинала гляциологом, терпеть не может совещания. Сама однажды так сказала во время встречи. Говорит, восемь лет провела на ледниках. Хочет вернуться. Криосфера между делом продолжает таять.

Хо Ка-Мин, эколог из Гонконга. Изучение биосферы, восстановление естественной среды, создание резерватов, защита животных, возрождение дикой природы, сокращение выбросов углерода биологическими методами, сохранение водоразделов, восполнение запасов подземных вод, общинное землевладение, проект «Половина Земли». Все тянет в одиночку.

Эстебан Эскобар, чилиец. Океаны. Склонен впадать в отчаяние.

Елена Куинтеро, сельское хозяйство. Из Буэнос-Айреса. Они с Эстебаном часто шутят о соперничестве Аргентины и Чили. Помогает Эстебану не вешать нос.

Индра Далит, Джакарта. Геоинженерия. Работает с Бобом и Юргеном.

Дик Босуорт, австралиец, экономист. Козырь в нашей колоде. Налоги и политическая экономия. Спускает нас с облаков на землю.

Янус-Афина, ИИ, интернет, все цифровое. Сама тоже очень цифровая.

Эсмери Зайед. Иорданская палестинка. Беженцы, связи с УВКБ ООН.

Ребекка Толлхорз, Канада. Защита прав коренных народов.

Мэри начинает совещание с вопроса о новых событиях. Имбени: занята планами переориентации добывающих ископаемое горючее компаний на проекты по декарбониза-

ции. Техническая база, как ни странно, адекватна. Процессы извлечения и закачивания используют одну ту же технологию, просто их надо поменять местами. Персонал, капитал, оборудование, мощности – все это можно использовать как для извлечения, так и для закачивания, либо через сотрудничество, либо под давлением закона. Нефтяные компании смогут продолжать работу, но при этом будут приносить пользу.

Татьяна проявляет интерес. Остальные настроены скептически. Улавливание углерода и закачивание его в пустые нефтяные скважины – сомнительная затея с точки зрения осуществимости.

Мэри: собери побольше сведений. Надо провести расчеты, какие объемы можно охватить естественным путем.

Юрген: страховые компании в панике по подводу отчетов за прошлый год. Выплаты составили около ста миллиардов долларов США за год и быстро растут, график напоминает хоккейную клюшку. Страховщиков прикрывают перестраховщики. Они остались с носом (или с клюшкой?). У них нет возможности требовать страховые взносы в размерах, покрывающих выплаты, да и никто не способен их потянуть. Из-за непрогнозируемости страховые компании, как в случае с войнами и политическими беспорядками, попросту отказываются страховать экологические катастрофы. Фактически страхованию пришел конец. Все действуют на свой страх и риск. Государство – плательщик последней инстан-

ции, однако большинство государств увязло в долгах финансистам, тем же перестраховочным компаниям. Никто не отступится, не рискуя обрушить доверие к деньгам. Вся система висит на волоске.

Мэри: а если волосок оборвется?

Юрген: тогда деньги перестанут быть деньгами.

В зале наступает тишина. Юрген добавляет: теперь вам должно быть ясно, почему перестраховщики надеются на снижение климатических рисков! Нельзя допустить конец света!.. Никто не смеется.

Боб Уортон: какие-то риски можно снизить, а какие-то нет. К чему-то можно адаптироваться, а к чему-то нет. К тому же невозможно адаптироваться к рискам, которые сейчас не получается снизить. Надо сначала все расставить по местам. В первую очередь сказать приспособленцам, что у них дерьмо в башке. Эта свора экономистов и гуманитариев понятия не имеет, о чем они рассуждают. Адаптация – это бред.

Мэри ловко останавливает словоизвержение Боба. Сочувственно косится, в то же время рассекает воздух ладонью. Типа и ежу понятно. Переходит к Адели и остальным.

Адель: думаете, это самое плохое? Шутка вызывает смех. В крупных антарктических ледниковых бассейнах, в основном Виктории и Тоттене, лед сползает вниз все быстрее и быстрее. Скоро в море обрушатся несколько тысяч кубометров льда. Похоже, что процесс займет всего несколько де-

сятилетий. Уровень океана гарантированно поднимется на два метра, а может быть, и больше (на шесть!). Прибрежные города, пляжи, марши, коралловые рифы и многие виды рыбного промысла ждет гибель. Десять процентов населения мира будут вынуждены мигрировать, пропадут двадцать процентов продовольственных ресурсов. Как нокаутирующий удар в лицо поплавшего боксера. Цивилизации – капут.

Юрген вскидывает руки. Такие убытки невозможно подсчитать!

Все равно подсчитай, приказывает Мэри.

Юрген хмурится, представляя себе общую картину. Квадрильон? Запросто. Тысяча триллионов, не меньше. А может, и все пять квадрильонов.

Дик: проще сказать – бесконечность.

Адель: Число видов, находящихся под угрозой, сравнимо с Пермским периодом. (Нагнетает?) На Пермский период пришлось самое массовое вымирание. Мы скоро его догоним.

Ка-Мин: девяносто девять процентов всего мяса поставляют люди и их домашние животные – крупный рогатый скот, свиньи, овцы, козы. Живые дикие животные составляют всего один процент от общего количества мяса. Их все меньше. Многие виды скоро исчезнут.

М: как скоро?

К: лет через тридцать.

Эстебан: на дикую рыбу сейчас приходится всего двадцать процентов океанских рыбных запасов.

Мэри прекращает прения. Смотрит на коллег. Говорит не торопясь.

Бюджет МБ 60 млрд долл. США в год. Это много. Всемирный ВВП – 100 триллионов в год. Половина ВМП приходится на т. н. потребительские расходы зажиточных людей, то есть покупку второстепенных товаров, портящих биосферу. Корабль идет ко дну. Паразит убивает носителя. Даже производительная часть ВМП – продовольствие, здравоохранение и жилье – выжигает мир. Короче – жопа.

Коллеги смотрят букой.

Итак, пора определиться, в каких точках следует потратить министерские шестьдесят миллиардов, чтобы получить максимальную отдачу.

Дик: денег министерства не хватит, чтобы что-то изменить. Менять надо законы – вот где точка максимальной отдачи.

Татьяне понравилось.

Имбени: критическая инфраструктура тоже нуждается в финансировании.

Елена: новые методы с/х.

Мэри обрубает дебаты. Раз, два, три! Хватит. Надо проталкивать перемены, время не ждет. Любыми средствами.

Бадима последняя фраза насторожила. Непонятно почему. Он удивленно смотрит на Мэри.

Вероятно, часть двух процентов богатейших людей Земли решила махнуть рукой и больше не делать вид, что «прогресса», «развития» или «процветания» способны достигнуть все восемь миллиардов обитателей планеты. Довольно долгое время, век или два, «процветание для всех» оставалось официальным девизом; считалось, что, несмотря на существование неравенства, если поддержать программу и не раскачивать лодку, то прилив поднимет с мели всех на ней застрявших, даже последних доходяг. Однако в начале двадцать первого века выяснилось, что Земля не способна поддерживать западный уровень жизни для всех и каждого, после чего богачи удалились в свои особняки-крепости, подкупили либо связали по рукам политиков, чтобы те их не трогали, и, закрыв двери на засов, стали ждать наступления непонятно откуда лучших времен, что, по сути, сводилось к максиме – на наш век и, если повезет, на век наших детей хватит, а потом *après moi le déluge*⁵.

Рациональная реакция на непреодолимую проблему? Так, да не так. Наука нашла доказательства: если имеющиеся в наличии ресурсы Земли разделить поровну между восемью миллиардами ее обитателей, то внакладе никто не останется.

---

⁵ После меня хоть потоп (*фр.*).

Все будут жить в достатке. Наука твердо поддерживает аргумент в пользу того, что достаток, когда люди уверены в его постоянстве (это критический момент), делает их здоровее и счастливее богачей. То есть главный итог равного распределения в том, что оно улучшит жизнь каждого.

Богатые нередко фыркают, услышав об этом исследовании, а после не могут заснуть, переживая за свою охрану, налоговых адвокатов, риск судебного преследования. Дети одержимы зазнайством, здесь даже не пахнет любовью. Как правило, богатые страдают от переедания и всяческих излишеств, из-за этого проблемы со здоровьем, томление духа и экзистенциальная тоска, короче, тычок невыспавшейся мордой в откровение, что наука в какой уже раз оказалась права: здоровье, любовь или счастье не купишь за деньги. Следует все же добавить, что устойчивый денежный достаток действительно необходим как подпорка для всех названных благ. Согласно социологическому анализу, золотой серединой, зоной уюта является личный доход на уровне 100 000 долларов США в год или примерно то самое количество денег, которое получает большинство научных работников, — что выглядит по многим основаниям подозрительно, однако таковы их выкладки.

Подсчитать каждый может сам. «Общество 2000 ватт», созданное в Швейцарии в 1998 году, рассчитало, что, если всю энергию, потребляемую домохозяйствами, поделить на число живущих сейчас людей, то на каждого придется при-

мерно по 2000 ватт энергии или по 48 киловатт-часов в сутки. После чего члены общества решили жить, не превышая этот уровень потребления, и посмотреть, что из этого получится. Оказалось, не так страшен черт, как его малюют. За расходом энергии пришлось следить, но жизнь отнюдь не напоминала череду страданий. Более того, участники сообщали, что эксперимент придал их жизни новый образ и смысл.

Выходит, энергии должно хватить на всех? Да. Хватит ли на всех пищи? Да. А жилья? Вполне. Реальных препятствий для этого нет. То же самое относится к одежде. Хватит ли на всех услуг здравоохранения? Пока нет, но в будущем, возможно, хватит. Это – вопрос обучения людей и производства небольших технологичных предметов; для такого производства нет серьезных преград в любой точке планеты. Точно так же обстоит дело с образованием. Все необходимое для жизни уже имеется в достаточном количестве для всех – пища, вода, кров, одежда, медицина, образование.

А хватит ли всем безопасности? Безопасность – это чувство уверенности, что все, что у вас есть, все вышеперечисленные блага, у вас и ваших детей не отберут. То есть одно вытекает из другого. Безопасности хватит на всех, но только если все будут уверены в завтрашнем дне.

Когда один процент живущих управляет трудом всех остальных, забирая себе намного больше личной доли благ, производимых этим трудом, притом всячески тормозя проекты равенства и самодостаточности, то этот замысел значи-

тельно труднее осуществить. Это понятно без объяснений, хотя объяснения все равно необходимы.

Итог: всем всего хватит. Никто не должен жить в бедности. Миллиардеров тоже не должно быть. Достаточность должна быть правом человека, тем уровнем, ниже которого никто не должен упасть, а также потолком, выше которого никто не мог бы прыгнуть. Достаточность – это то добро, от которого добра не ищут.

Задание для читателя: как такое устроить?

Сегодня мы собрались, чтобы уяснить, кто приводит мировую экономику в движение. Кто те люди, которые, образно говоря, заставляют мир вертеться? Очевидно, они в меньшинстве, ибо часто повторяют, что большинство сегодня активно приветствует перестройку системы.

Такое может заявить только глупый человек.

Ну, так только что сказал я.

Да.

Однако вернемся к вопросу: кто на самом деле приводит рынок в движение? То есть кто его теоретически объясняет, внедряет, обслуживает, защищает?

Полиция, закон.

Можно ли предположить, что люди, принимающие законы, тоже тесно с этим связаны?

Да.

Однако законодатели часто являются юристами, у которых нет собственных идей. Можно ли предположить, что идеи законов им подсказывает кто-то еще?

Да.

И кто же эти «кто-то еще»?

Мозговые тресты. Профессура.

То есть люди, имеющие степень по бизнес-администрации?

Университетские преподаватели любого типа. К ним быстро присоединяются студенты.

Экономических факультетов?

Всемирная торговая организация. Фондовые рынки. Все законы, а также обслуживающие эти законы политики и бюрократы. Принуждающие к исполнению законов полиция и армия.

Ну и, полагаю, директора компаний.

Банки. Ассоциации акционеров, пенсионные фонды, индивидуальные акционеры, хедж-фонды, финансовые фирмы.

И главное место во всем этом занимают центральные банки, не так ли?

Да.

Кто еще?

Страховые компании, перестраховочные компании, крупные инвесторы.

А также их алгоритмы, правильно? Значит, и математики тоже?

Математика – примитив.

Тем не менее примитивная математика требует наличия математиков, ведь мы с вами совершенные болваны.

Да.

Кроме того, я полагаю, сюда же надо отнести обычные цены, процентные ставки и тому подобное. То есть саму систему.

Но вы спрашивали насчет людей.

Да, мы имеем дело с сетью акторов. Однако некоторые акторы сети не являются людьми.

Вздор.

Как? Вы не верите в существование сетей акторов?

Нет, сети акторов существуют, однако решения о каких-либо изменениях могут принимать только те акторы, у кого для этого имеются возможности. Вы говорили о них.

Хорошо. Как насчет денег?

Что насчет денег?

На мой взгляд, деньги ведут себя подобно силе земного тяготения: чем больше у вас накапливается денег, тем сильнее становится их притягательная сила. Все как в случае с массой и гравитационным притяжением.

Изящно.

Главное, что система велика и хорошо отточена!

Очень глубокая мысль.

Ладно, вернемся к тем, кто является, по сути, администраторами нашей экономической системы, учат других, как с ней обращаться, и совершенно не случайно больше прочих извлекают из нее выгоду. Как вы думаете, сколько таких наберется?

Около восьми миллионов.

Вы уверены?

Нет.

То есть примерно один из тысячи ныне живущих.

Молодец.

Спасибо! И еще программы, которые они написали.

Не отвлекайтесь от людей.

Что если нечеловеческие элементы системы выйдут из строя?

Не отвлекайтесь от людей. Вас стало почти интересно слушать.

Кто самые важные среди этих восьми миллионов?

Государственные законодатели.

Неудачная мысль.

Отнюдь. Почему вы так говорите?

Коррупция, глупость...

Верховенство закона.

Но...

Никаких «но». Верховенство закона.

Вы держитесь за крайне хлипкую камышинку.

Да.

А где выход?

Держаться покрепче.

В моделировании ПТСР используется понятие «триггер» или «спусковой механизм», отражающее мгновенность стрессовой реакции и то, что ее способно запустить некое событие, аналог небольшого металлического предмета с закругленной головкой, с виду безобидного, если только не зарядить его в пистолет. Больного учат не нажимать на спуск.

Освоение когнитивно-поведенческой терапии – нелегкая штука. Один из подходов предлагает различать приходящие в голову мысли, выявляя среди них контрпродуктивные и травматические, а затем переключать разум на положительные размышления. Этот подход часто не срабатывает. Ты знаешь, что происходит, знаешь, что это тебе вредит, но процесс остановить не можешь. Ладони потеют, сердце мечется в груди, как попавший в западню ребенок, из этой животной реальности невозможно вырваться, приказать себе: стой, опасности нет, бояться нечего, ты в кафе за столиком, сейчас полдень, легкий ветерок, низкие облака, все хорошо, пожалуйста, не кричи, не вскакивай, не беги, успокой трясущиеся руки, возьми свою чашку кофе и...

Нажатие на спуск все равно происходит – и вот уже в лицо нацелен ствол пистолета.

Когда это случилось достаточное количество раз, то вид направленного на тебя настоящего пистолета с собственным

большим пальцем на спуске – не указательным, потому как ты приставил дуло к своей груди и на спуск удобнее нажимать большим пальцем, – способен принести огромное облегчение, надежду, что страх скоро отпустит. Такие мысли приходят постоянно. Приходят так часто, что один из методов лечения ПТСР предлагает: не заморачивайся, если все будет и дальше так плохо, всегда можно покончить с собой. Некоторым страдальцам эта мысль действительно приносит разгрузку, даже становится отправной точкой на пути к исцелению. Всегда можно покончить с мучениями суицидом, так почему бы не прожить еще один день, вдруг что-то изменится?

Не бояться трудно. Не всегда получается. Сколько ни пытайся, как горячо ни желай, ты не властен над происходящим, хотя все это происходит у тебя в голове, или именно потому, что происходит у тебя в голове. Разум – странное создание. Если бы все мысли были осознанными, или умей мы контролировать осознанные мысли, или если бы бессознательные мысли были осознанными и настроения подчинялись нашим желаниям... то когнитивно-поведенческая психотерапия и вся затея возврата к норме, возможно, работала бы. Захотел – и получил!

Ан нет. Ты посредине реки. Неподвластная тебе быстрина влечет тебя в океан. Тебя снова тащит течение, которое ты не в силах преодолеть. Ты можешь утонуть.

Фрэнк тонул. Как и утопающему, ему не хватало воздуха. Терапия всего лишь наглядно продемонстрировала, что его никто никогда не вылечит.

В некотором роде это само по себе прогресс. Оставь надежду всяк сюда входящий. Можно ли жить без надежды? В какой-то книге он вычитал японскую пословицу: живи, словно ты уже мертв. Но что именно значит этот девиз, чем он способен воодушевить? Или речь идет вовсе не о воодушевлении? По меньшей мере в нем есть загадка, двойное дно; сначала приглашение жить, потом «словно ты уже мертв». Как прийти к такому состоянию? Или это взято из кодекса самурая, кому предписано, защищая хозяина, не считаться с собственной жизнью? Эдакий лакейский стоицизм? Быть живым щитом, орудием в чужих руках? Может, и так. В любом случае надежды приходится сначала втискивать в нужное русло.

А потому надежды на исцеление, возврат к нормальной жизни нет. На то, что случившееся на самом деле не случилось. Все это следует выбросить из головы. Терапия показала, что подобные надежды несбыточны. Надежду нужно искать в чем-то простом, в том, например, чтобы делать добро, как бы хреново тебе ни было.

Эту мысль стоило записать на клочке бумаги корявыми печатными буквами и прилепить бумажку на зеркало в ванной комнате рядом с прочими ободряющими высказываниями и картинками. Вид зеркала вызывал ассоциации с ло-

говом сумасшедшего, но Фрэнк все равно решил прилепить новую записку.

«СТАРАЙСЯ ДЕЛАТЬ ДОБРО,
КАК БЫ ХРЕНОВО
ТЕБЕ НИ БЫЛО».

Всякий раз, когда он заставлял себя почистить зубы или побриться – что случалось все реже и реже, – его взгляд упирался в памятку, и он принимался думать о том, что мог бы сделать. Такие мысли только сбивали с толку. Но, похоже, импульс, побуждающий искать выход в действии, сидел глубоко внутри и временами был так силен, что вызывал изжогу. Даже когда Фрэнк мучился бессонницей либо тупел от избытка сна, этот призыв внезапно обжигал его, волнами распространяясь изнутри. Он *должен* что-то делать. Дети Кали его отвергли, ладно. Стать кем-то еще? Их дальним соратником? Борцом за правое дело? Воином-одиночкой?

За завтраком, успокаивая желудок маленьким стаканчиком йогурта, он размышлял, как это можно устроить. Один человек обладает одной восьмимиллиардной долей всей силы человечества. Если, конечно, сделать допущение, что силы у всех равные, что неправда, но для его умственных построений сгодится и так. Одна восьмимиллиардная доля – это очень мало; с другой стороны, существуют яды, миллиардные доли которых вызывают смерть, так что нельзя ска-

зять, что столь малая величина не способна ничего изменить.

Фрэнк бродил по улицам Глазго, погруженный в мысли. Вверх и вниз по холмам на восток, на север, по дорожкам такой крутизны, что местами в них были вставлены лестничные марши. Прогулки по улицам Глазго хорошо помогали освободиться от стресса, виды города постоянно менялись вместе с изменчивой погодой, откликаясь в душе то бурей, то страхом, то внезапными вспышками восторга, то чернотой бездонной скорби. Или прекрасными видениями мира, в котором победило добро. С кем поделиться? Кому передать? Как поступал святой Франциск Ассизский? Пожертвуй собой, отрекись от себя, отдай все, что у тебя есть. Выпусти на волю птиц, помогай людям. Польза от таких действий очевидна. Надо вести себя как святой Франциск. Помогать людям.

Фрэнку этого было мало. Внутренности жгло желание убивать. Карать тех, кто был в ответе за страшную жару, но не всех, зажиточные народы – да, старые империи – определенно, все они заслуживали наказания, однако имелись еще и конкретные люди, многие из них до сих живут и в ус не дуют, потратили всю жизнь на отрицание изменений климата, в защиту ископаемых видов горючего, продолжают разорять биомы, толкать к вымиранию другие виды. Зло стало для этих людей делом всей жизни, попутно они нажили большие состояния, купались в роскоши, самодовольно разрушая мир, мня себя сверхчеловеками, попирая слабых.

Фрэнк жаждал истребить таких людей под корень. Если не получится всех, то хотя бы нескольких. Жажда возмездия выжигала внутренности. С таким уровнем стресса долго не протянуть, он чувствовал это так же отчетливо, как высокое давление крови в сонной артерии. Да, он еще и страдал гипертонией. Кровь была готова вырваться наружу. Рано или поздно организм в чем-нибудь даст слабину. Но пока еще есть время для действий. Мести? Для нее тоже. Надо сыграть на опережение. Нанести упреждающий удар. Помочь остановить эскалацию зла.

Психотерапевт принимала его дважды в неделю. Милая женщина среднего возраста, интеллигентная и опытная, спокойная и внимательная. Сострадательная. Фрэнк чувствовал, что вызывает у нее интерес. Может быть, интерес вызывали у нее все клиенты. Но к Фрэнку она была точно неравнодушна.

Врач расспрашивала Фрэнка, как у него идут дела, как он себя чувствует. О жажде возмездия он помалкивал, зато об остальном рассказывал без утайки. В начале недели приступ паники вызвало облачко пара, вырвавшееся из кофейной машины в торговом зале. Ему пришлось сесть, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце.

Психотерапевт кивнула.

– Вы пробовали шевелить глазами, как мы договорились раньше?

– Нет. – Фрэнк не сомневался, что предложенная терапия

яйца выеденного не стоит, но, по правде говоря, в горячке момента просто позабыл о ней. – Я забыл. В следующий раз попробую.

– Может статься, сработает. А может, и нет. Вы ничего не потеряете, если попробуете.

Он кивнул.

– Хотите, я прямо сейчас?

– Нет, это следует делать во время реакции на какое-то событие. Не хочу причинять вам лишние болезненные переживания, но вы помните, как описывали для меня случившееся с разных точек зрения? Если вы сейчас в настроении, мы могли бы попробовать проделать это еще раз, и, пока будете рассказывать, поворачивайте глазами. Прием помогает закрепить ассоциации.

Фрэнк пожал плечами.

– Если вы считаете, что будет прок...

– Я не знаю, будет или нет, однако попытка точно не повредит. Если она вас слишком расстроит, всегда можно остановиться – в любую минуту, как только захотите.

– Хорошо.

Он начал рассказывать о том, как впервые приехал в индийский город, как сперва все думали, что новый период жары похож на предыдущие. Говоря, Фрэнк двигал глазами, разумеется, обоими одновременно, иначе он не умел, туда-сюда, отводя взгляд до отказа влево, на нечеткие очертания книжных полок, потом с максимально возможной быстротой

вправо, на такие же нечеткие цветы в вазе на окне, выходящем во двор. Сознательное усилие заставило его сосредоточиться, уделять движению глаз определенное внимание и в то же время не прерывать рассказ, который стал сбивчивым и бессвязным, не похожим на то, что он рассказывал раньше и рассказал бы опять, попроси его терапевт повторить сказанное. Очевидно, это было одним из преимуществ упражнения.

– Я приехал туда зимой, в это время там не очень жарко... но и не холодно, нет. В Гималаях, да, холодно, в ясные дни даже можно увидеть снежные вершины на севере, однако по большей части дни были... неясными. Воздух грязный почти все время. И так практически везде. Я обустроился, брал уроки хинди, работал... в клинике работал. Потом наступил период жары. Стало намного жарче, чем прежде, но все... все говорили, что это нормально, что накануне муссонов всегда очень жарко. Тем не менее жара нарастала. Потом все стало происходить очень быстро. В один день зной стал настолько сильным, что даже местные испугались... На следующую ночь умерли несколько стариков и младенцев. Потрясенные, люди решили, что хуже, пожалуй, уже не будет. Они ошиблись. Отрубили электричество, остановились кондиционеры... стало не хватать воды. Люди паниковали, и не зря. Зной превысил способность человеческого организма к сопротивлению. У этого явления есть название – гипертермия. Невозможно дышать. Прекращает выделяться пот. Ты

зажариваешься, как кусок мяса в духовке, и сам это чувствуешь. Под конец многие спустились к озеру, где температура воды была как в бане. Вода... ее нельзя было пить. Там умерли очень многие.

Фрэнк замолчал, позволив глазам отдохнуть. Он чувствовал, как мускулы за глазными яблоками сокращаются от непривычных усилий. Как любым другим мышцам, им требовался отдых.

– Я заметила, что на этот раз вы почти не говорили о себе.

– Вот как? Мне казалось, что говорил.

– Вы постоянно вели речь о других. Они делали то, с ними случилось се.

– Ну, я ведь тоже был там, среди них.

– В то время вы считали себя одним из них?

– Н-нет. То есть они это они, а я это я. Наблюдал за ними, с некоторыми разговаривал. Обычное дело.

– Разумеется. А рассказ о себе вы могли бы повторить, одновременно двигая глазами?

– Не знаю.

– Не хотите попробовать?

– Нет.

– Хорошо. Как-нибудь в другой раз. Мы также можем попробовать установить двусторонний контакт с помощью маленьких звонков, которые вы будете держать в руках. Помните, я вам их показывала? В ходе рассказа следует нажимать поочередно левый, потом правый, и так все время.

Это легче, чем водить глазами туда-сюда.

– Я не хочу этим сейчас заниматься.

– Тогда в следующий раз?

– Я не знаю, когда он будет.

– Вы не хотите?

– Нет. С чего бы мне хотеть?

– Согласно теории, рассказывая свою историю, вы в определенной степени формируете память о событиях, облекая ее в слова. Если рассказывать, одновременно водя глазами или нажимая на звонки, это предположительно создает некую внутреннюю отстраненность между вами и вашей памятью о событии, которая и приводит к переживанию события заново, выступает спонтанным триггером нового приступа. Поэтому, когда это случается и вам требуется облегчение, можно, пошевелив глазами, вспомнить вашу устную версию события, что, по идее, должно предотвратить переживание события заново. Если я доходчиво объясняю.

– Да. Я понял. Не уверен, что в это верю, но понять понял.

– Вот и хорошо. Стоит попробовать?

– Может быть.

Осенью Фрэнк принял приглашение одной знакомой поработать в Антарктиде. Знакомая состояла главным исследователем в небольшой группе ученых, отправлявшейся в Сухие долины для изучения водного потока, ненадолго возникшего там каждое лето, – реки Оникс. В команде нашлось

место для ассистента, к тому же знакомая искренне хотела помочь Фрэнку. Раз он не переносит жару, рассудила она, то в Антарктиде ему самое место.

Неплохо, прикинул Фрэнк. У него кончались деньги, оставленные в наследство бабушкой, а он все еще не желал просить о помощи родителей или свою организацию в Америке, так что лишний заработок не помешал бы. И вот в ту же осень Фрэнк самолетом прибыл в Денвер, прошел собеседования, подправил резюме, выбросив из него индийский эпизод, был принят на работу и отправлен сначала в Окленд, потом в Крайстчерч, оттуда дальше на юг, на антарктическую станцию Мак-Мердо, остров Росса. Сухие долины располагались по другую сторону пролива Росса между хребтом Ройял-Сосайети и покрытым льдами морем. Холод стоял даже в салоне самолета, напоминавшем интерьер длинного складского ангара. Точно так же дело обстояло с постройками в Мак-Мердо, как старыми, так и новыми, похожими на пакгаузы или служебные здания – ни одно из них не прогревалось выше 15–16 градусов. Даже от очереди на раздачу в столовой веяло холодком. Фрэнка все это устраивало.

С другой стороны, в их домике у Сухих долин, где они принимали пищу, было тепло, но не так чтобы очень. В спальнях домиках было немного жарко и душно, зато разрешалось спать в индивидуальной палатке. В палатке стояла такая холодина, что подходящий спальный мешок весил почти пять килограммов – вот сколько гусиного пуха требова-

лось, чтобы человек не замерз насмерть. Фрэнк дышал, высовывая нос из мешка; периодическое вторжение ледяного воздуха напоминало, насколько низка внешняя температура, хотя солнце не прекращало светить ни минуты. Круглосуточный солнечный свет поначалу смущал, потом Фрэнк к нему привык.

Лютый холод почему-то постоянно наводил на мысли о температуре как таковой; чтобы отогреть замерзшие на полевых работах руки, ученые довольно основательно нагревали домик-столовую, от чего в помещении возникала парная духота, что вызывало у Фрэнка ощущение бесконтрольного скольжения вниз по ледяному склону. В полном отрыве от источников помощи рецидив обернулся бы по меньшей мере большим неудобством, а по большей – катастрофой. Коллеги упоминали, что эвакуация вертолетом – большая редкость и дорого стоит. Поэтому Фрэнк избегал тепла. И все-таки порой ничего не оставалось, кроме как скрыть приступ и надеяться, что он не повторится. Временами Фрэнк вращал глазами, словно наблюдал за партией в пинг-понг.

На стоянке имелась сауна. Сам он, естественно, никогда в нее не заглядывал, но однажды ночью, возвращаясь к своей палатке под яркими лучами солнца, Фрэнк поравнялся с домиком-сауной именно в тот момент, когда из нее выскочила ватага полуголых ученых в купальных костюмах, визжащих от удовольствия и резкой смены температур. Тела, окутанные облаком пара, напоминали розовые хлопушки, гото-

вые вот-вот взорваться. Безобидная сцена и крики восторга, так похожие на крики боли, немедленно нажали на «спуск». Сердце Фрэнка застучало так часто и с такой силой, что все поплыло перед глазами, колени внезапно подогнулись, и он рухнул лицом в снег. Вид розовых тел-хлопушек заставил сердце сорваться в галоп, и вот уже Фрэнк лежит на жестком ледяном насте. Упал в обморок у всех на виду. Купальщички, разумеется, бросились на помощь, один из них измерил пульс и встревоженно воскликнул: «Боже мой, да у него тахикардия!» Говорят, пульс бился с частотой 240 ударов в минуту. Двумя часами позже уже шумел винтами присланный за Фрэнком медицинский вертолет. После эвакуации в Мак-Мердо, когда начальство Государственного научного фонда получило полную информацию о недуге и причинах, которые его вызвали, Фрэнка обвинили в фальсификации анкетных данных и отправили домой.

Мы проторчали в море что-то около восьми лет. Распла- титься с нами обещали, когда мы где-нибудь пристанем, но все понимали, что этого никогда не случится. Нам не запла- тят, мы не пристанем. Мы рабы. Когда отказываемся рабо- тать, нас запирают в каюте и не кормят. И мы снова выходим на работу.

Кормежка – отбросы, рыбы головы и кишки из улова, хо- чешь – ешь, хочешь – подыхай. Мы ели. И работали – как не работать? Закидывали ярусные канаты, вертели катуш- ки, стараясь, чтобы не отхватило пальцы или всю руку. Это не всегда получалось. В южной Атлантике часто штормит, в центре Атлантического океана еще хуже. Несчастные слу- чаи происходили постоянно. Иногда парни просто переки- дывались за борт. Один даже помахал на прощанье, прежде чем его накрыло волной. Все понимали, почему они так де- лают. Смерть, возможно, самый лучший выход, но она тре- бует смелости. Пока ты жив, можно помечтать о каком-ни- будь неожиданном событии, которое все изменит.

И однажды оно произошло. На горизонте появился ко- рабль – в этом как раз не было ничего необычного, такое происходило постоянно. Приходили не только рыболовные суда, как наше, с невольниками или без, но также транспор- ты, забиравшие улов и доставлявшие припасы, чтобы нам са-

мим не заходить в порт. Так у них было устроено. Мы понятия не имели, из каких стран эти корабли.

Поэтому все, даже капитан с помощниками, подумали, что к нам приближается очередной транспорт. Видимо, люди на том корабле знали какие-то условные сигналы и обманули капитана. Когда судно поравнялось с нашим ярусоловом и мы зацепили его гаком, через борт прыгнули какие-то люди и направили на нас автоматы. Мы вскинули руки вверх – как в кино, да только кино получилось смешное, потому что почти все улыбались до ушей. Я тоже улыбался, чтобы не заорать от радости.

Нас заперли в каюте. Когда незнакомцы снова появились и начали задавать вопросы, мы с готовностью отвечали. Может, это были пираты, которые собирались заставить нас работать на кого-то еще или даже убить, однако каждый из нас все равно рассказал, как он сюда попал, кто капитан, а кто все остальные. Сначала нас держали в каюте, потом позвали наверх. Перелезайте на наш корабль, говорят. Мы подчинились, хотя и не ведали, что нас ждет. Все восемь рабов поднялись по веревочной лестнице на чужой корабль. Капитана с его людьми оставили на ярусолове. Пятерых. Они что-то говорили, но люди с автоматами не обращали на них внимания.

Когда мы отошли метров на сто, я заметил, что люди на борту чужого корабля ведут съемку нашего рыболовного судна. Вдруг нос нашей шхуны развернуло взрывом – пря-

мо над ватерлинией. Хотя грохнуло негромко, весь нос оторвало. Что-то загорелось, однако в пробоину хлынула вода и потушила огонь. Через пятнадцать минут судно накренилось и начало тонуть. Второй взрыв на корме закончил дело. Обломки быстро пошли на дно. Капитан и его команда влезли на крышу рубки и что-то оттуда кричали. Ни один человек на борту корабля наших спасителей не произнес ни слова. Все лишь молча наблюдали.

– Вы решили их убить? – спросили мы стоящего рядом матроса.

– Разве на их корабле нет спасательных плотов? – ответил он.

– Мы не знаем. Надувных, что ли?

– Ну да.

– Наверное, есть.

– Значит, они либо надуют их и сбросят на воду, либо не надуют. Если не надуют, то поделом – они свое заслужили. Мы опубликуем фильм на веб-сайтах, где его увидят другие рыбаки. Если у этих есть плот, они попытаются доплыть до суши. Доплывут, значит, расскажут, что с ними произошло, всем, кто захочет слушать. Так или иначе люди узнают.

Мы смекнули, что чужаки, видимо, не полиция. Нам стало не по себе, однако спасителей не выбирают.

– О чем узнают? – спросили мы.

– О том, что рыбной ловле наступил конец.

– И слава богу, – сказали мы.

Коэффициент Джини, разработанный итальянским социологом Коррадо Джини в 1912 году, используется для измерения разрыва в доходах и имущественного неравенства населения конкретной страны. Как правило, он исчисляется десятичной дробью в промежутке между 0 и 1 и легок для понимания, ибо ноль соответствует положению, когда все владеют одинаковой долей имущества, а единица – такому состоянию, когда все принадлежит одному человеку, а всем остальным не принадлежит ничего. В реальном мире двадцать первого века страны с низким коэффициентом Джини, например, под управлением социал-демократов, обычно находятся на уровне ниже 0,3, в то время как страны с высоким уровнем неравенства – чуть выше 0,6. В неолиберальную эпоху в США, Китае и многих других странах коэффициент Джини подскочил с 0,3–0,4 до 0,5–0,6, причем люди, больше всех пострадавшие от роста неравенства, даже не пискнули, более того – зачастую продолжали голосовать за политиков, которые стояли за относительным обнищанием. Вот вам влияние гегемонии: пусть мы бедные, зато патриоты! Зато самодостаточны и можем за себя постоять! И так далее до раннего схода в могилу, ведь средняя продолжительность жизни у бедных граждан намного короче, чем у богатых. Поэтому всеобщая средняя продолжительность

жизни впервые, начиная с восемнадцатого века, тоже начала снижаться.

Не следует думать, что положение можно описать с помощью одного коэффициента Джини. Подобная точка зрения сводилась бы к монокаузотаксофилии, предпочтению все объяснять единственной причиной, одной из наиболее распространенных когнитивных ошибок человечества. Коэффициент Джини для Бангладеш и Голландии примерно одинаков – 0,31, вот только среднегодовой доход жителя Бангладеш составляет около 2000 долларов, а жителя Голландии – 50 000. Степень расслоения на богатых и бедных важный показатель, однако если все, кто находится внутри этого промежутка, относительно состоятельны, то ситуация в корне отличается от той, когда все в промежутке бедны.

Поэтому в анализ неравенства были включены новые оценочные элементы. Один из самых лучших – индекс человеческого развития с учетом неравенства, что неудивительно, так как индекс человеческого развития уже сам по себе мощный инструмент. В то же время он, взятый по отдельности, не вскрывает внутреннее расслоение на добро и зло в изучаемой стране, поэтому понадобилась поправка на неравенство, позволяющая составить более точную картину положения, в котором находится население страны.

В дискуссиях о неравенстве следует помнить, что коэффициент Джини для всего населения земного шара выше, чем для населения любой отдельно взятой страны, потому

как в мире настолько больше бедных, чем богатых, что в совокупности глобальный показатель вырастает примерно до 0,7.

Кроме того, существуют различные способы индексации неравенства по неофициальным данным (другими словами, с субъективной точки зрения). Три самых богатых человека мира имеют в своей собственности больше финансовых активов, чем население сорока восьми самых бедных стран вместе взятых. В руках верхнего одного процента населения Земли сосредоточено больше богатства, чем в руках нижних семидесяти процентов.

К тому же имущественный разрыв с 1980 года и до наших дней непрерывно рос, что является одной из определяющих характеристик неолиберализма. Неравенство ныне достигло уровня, невиданного со времен так называемого «позолоченного века» 1890–1900-х годов. Есть свидетельства, что сегодняшнее несоответствие между имущими и неимущими наиболее высокое в истории, даже выше, чем при феодализме или в эпоху ранних государств с их делением на воинов, жрецов и крестьян. Два миллиарда самых бедных людей планеты по-прежнему не имеют доступа к самому необходимому – туалетам, жилью, продовольствию, охране здоровья, образованию и так далее. То есть целая четверть населения земного шара страдает от уровня нищеты, не знакомого беднякам феодальной эпохи или верхнего палеолита.

И такое неравенство существует в наше время! Чем оно

вызвано? Политической нестабильностью? Разве что в помещенных на тотальном контроле военных режимах, а так нет. Моралью? Но мораль – вопрос идеологии, осмысления действительности, многим проще вообразить, что вы получаете то, что заслужили, и так далее. Так что мораль – скользкая штука.

Поэтому неравенство часто считают чисто экономической проблемой. Якобы высокая степень неравенства замедляет рост и инновации. Вот до чего скукожилось наше мышление – до неолиберального анализа неолиберальной же ситуации. Таково преобладающее ощущение нашего времени: мы разучились думать иначе, как экономическими категориями, наша этика должна выражаться цифрами и оцениваться степенью воздействия наших поступков на ВВП. Нас убеждают, что это единственная сфера, в которой все могут найти общий язык. Хотя, как правило, так говорят именно экономисты.

Таков наш сегодняшний мир. Поэтому люди, пытаясь ухватить суть вопроса, изобретают все новые индексы. В последнее время их расплодилось целая куча.

Вспомним, что ВВП или валовой внутренний продукт, главное мерило экономики с начала прошлого века, сочетает в себе потребление, частные инвестиции, государственные расходы плюс экспорт за вычетом импорта. ВВП часто критикуют, потому что он охватывает как положительные экономические показатели, так и деструктивные действия и

не учитывает множество внешних негативных феноменов, а также вопросы здоровья, общественного воспроизводства, удовлетворенности граждан и многое другое.

К альтернативным методам измерения, восполняющим эти пробелы, относятся следующие:

- индикатор подлинного прогресса, рассчитываемый на основании учета двадцать шести различных переменных величин;

- индекс человеческого развития ООН, разработанный пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком в 1990 году, учитывающий долголетие, образовательный уровень и валовый национальный доход на душу населения (позднее ООН ввели в оборот ИЧР с поправкой на неравенство);

- отчет ООН о совокупном богатстве, объединяющий производственный, человеческий и природный капитал с поправкой на различные коэффициенты, в том числе на углеродные выбросы;

- международный индекс счастья, созданный Фондом новой экономики, учитывающий субъективную удовлетворенность граждан жизнью, ожидаемую продолжительность жизни и неравенство результатов, поделенные на экологический след (по этому показателю США набирают 20,1 балла из 100, занимая 108-е место среди 140 стран в списке);

- индекс устойчивости питания, разработанный Центром по вопросам продовольствия и питания компании «Барилла»; индекс использует пятьдесят восемь показателей для

оценки безопасности продовольствия, социальной обеспеченности и экологической устойчивости;

– экологический след, разработанный Глобальной сетью экологического следа, который рассчитывает, какая площадь территории требуется для устойчивой поддержки существующего образа жизни города или страны; величина следа всегда значительно выше оценок политических режимов, за исключением Кубы и малого числа других стран;

– наконец, знаменитое Валовое национальное счастье Бутана, индекс, использующий тридцать три показателя измерения номинального качества жизни в количественном выражении.

Все эти индексы – попытка нарисовать портрет цивилизации нашего времени, пользуясь терминологией господствующего дискурса, другими словами – экономики, нередко в попытке применить дзюдоистский прием к самой экономической науке, чтобы изменить ее, сделать более человечной, более созвучной биосфере и далее в таком же духе. Неплохое начинание!

Однако важно иногда перевести вопрос из области вычислений обратно в сферу человеческого и общественного бытия, вспомнить о том, для чего это делается, присмотреться к аксиомам, по которым мы все согласились жить, осознать, что другие люди и сама планета реально существуют, заглянуть в лица этих людей, выйти из кабинета и посмотреть по сторонам.

Мы устроили сходняк в Бриссаго на лужайке поместья Чинции, чуть выше узенького парка между ее владениями и озером, на швейцарском берегу Лаго-Маджоре. Чинция наняла джаз-банд с духовыми инструментами, фейерверкеров и знаменитого повара – он жарил всякую хрень на больших сковородах. Сходняк что надо, народ с перевесом в сторону молодых, как нравилось Чинции, все веселились от души.

Узкая полоска травы между лужайкой и озером принадлежит общественному парку, на ней вдруг возник какой-то чувак, просто стоял там и тарасил zenки. Типичный пляжный забулдыга с подобранным на берегу древьем. Охранники Чинции сказали, что его нельзя трогать. Они, конечно, могли бы, но если докапываться до кого-то только за то, что он стоит на общественном пляже, местная полиция по головке не погладит. Так сказал кто-то из охраны, когда мы попросили прогнать этого типа. Худющий, занюханный чел стоял и пялился, нам даже не по себе стало. Эдакий библейский пророк, явившийся учить нас, как правильно жить.

В конце концов несколько наших спустились туда, чтобы сделать то, чего побоялась делать охрана, и выгнать бродягу в шею. Первым, как всегда, выдернулся Эдмунд, мы – следом, потому что на Эдмунда прикольно смотреть, когда он злится.

Чувак видел, что мы идем к нему, но не отступил ни на сантиметр. Стремно как-то, я почуял неладное.

Эдмунд подошел к нему вплотную и сказал, чтобы он валил отсюда.

Бродяга ответил Эдмунду что-то вроде: «Вы, уроды, весь мир спалите своими дурацкими играми».

Эдмунд рассмеялся и ответил: «Такт, сударь мой, мы в наших песнях соблюдали. Ну тебя в петлю!»⁶

Все засмеялись, но тут бродяга ударил Эдмунда поленом, да так быстро, что никто не успел даже дернуться. Эдмунд свалился как подкошенный. Даже руки не вскинул, хлоп и все. Мгновенный вырубон.

Чувак пригрозил поленом нам, мы застыли на месте. Потом он швырнул дровягу в нашу сторону, а сам зашел в воду и уплыл в темноту. Мы растерялись, никто не собирался гнаться за этим сумасшедшим, да еще ночью, кроме того, мы переживали за Эдмунда. То, как он упал, не предвещало ничего хорошего, – как срубленное дерево. Наконец поднялись охранники Чинции, они согласились охранять периметр, а преследовать чувака тоже не стали. Пощупав пульс у Эдмунда, мы сразу схватились за телефоны. Через пять минут за ним приехала «Скорая». Новость объявили лишь через несколько часов. Мы не поверили своим ушам: Эдмунд был мертв.

---

⁶ Цитата из пьесы У. Шекспира «Двенадцатая ночь» (пер. М. Л. Лозинского).

Адель Элия и Боб Уортон приехали на заседание Научного комитета по изучению Антарктики – международной организации, созданной для координации антарктических исследований после проведения Международного геофизического года в 1956 году и подписания Договора об Антарктике в 1959 году. С годами НКИА вместе с Национальным научным фондом США и программами исследования Антарктики Великобритании и других стран, в особенности Аргентины и Чили, превратился в фактическое правительство Антарктиды. Ежегодное заседание НКИА проводилось на этот раз в Женеве; Адели и Бобу, которые подружились за время работы в министерстве, достаточно было сесть утром на поезд.

Теперь они сидели в баре на втором этаже отеля, где проводилась встреча, и смотрели на озеро. Их столик стоял у окна, в которое был виден бьющий из озера фонтан. На юге над Монбланом висели грозовые облака, плотностью не уступающие мраморным столешницам в баре. От напитков и грандиозного вида Адель и Боба отвлек американский гляциолог Пит Гриффен. Гриффен привел за руку другого, незнакомого им человека, которого представил как еще одного гляциолога по имени Славек. Адель и Славек читали научные работы друг друга, присутствовали на тех же самых заседаниях.

ях Американского геофизического союза, однако до сих пор лично не встречались.

Пришел официант с подносом напитков, заказанных Гриффеном: четырьмя суженными кверху бокалами драмбуи, графином воды и пустыми стаканами. «А-а, драмчик!» – воскликнула Адель с тонкой галльской улыбкой. Этот ликер постоянно пили киви⁷ в Сухих долинах, сообщили гости Бобу, когда все сделали по глотку. Боб, попробовав, скривился. Гриффен объяснил, что в давние времена корабль, набитый ящиками с какой-то странной сладкой фигней, после банкротства судоходной компании застрял в Литлтоне, ящики несколько лет кочевали по складам и в конце концов были по дешевке проданы в южные графства. Коллеги выпили, чокнувшись, за Сухие долины и снова опустились в кресла.

Славек, отвечая на вопрос, сказал, что провел в Сухих долинах пять лет. Адель парировала, заявив, что проработала на ледниках восемь лет. Пит с ухмылкой побил все ставки – его стаж на льду равнялся двенадцати годам. Остальные немедленно возразили, что Пит старше, а потому имел фору, с чем он безоговорочно согласился. Славек признался, что стал гляциологом, потому что эта работа не мешала ему оставаться нелюдимом.

– Среди нас много таких, – согласилась Адель.

– Но только не я! – воскликнул Пит. – Я люблю оторваться. И самые лучшие гулянки бывают на льду. – Он направил

---

⁷ Прозвище жителей Новой Зеландии.

палец на друга, словно призывая его к ответу: – Давай, Слаvek, расскажи этим ребятам свой замысел. По-моему, с ними стоит поделиться.

Тот стеснительно нахмурился.

– Вы все сегодня слышали последние данные.

Собравшиеся закивали.

– Уровень океана поднимается слишком быстро, миру наступает пипец.

Никто не возражал. Данные говорили сами за себя.

– Итак, – подбодрил Пит коллегу, – я слышал, что кое-кто предложил закачать талую воду обратно в полярное плато, верно?

Боб покачал головой. Идея не нова, возразил он, ей одно время занимался Потсдамский институт, сделав неутешительные выводы: чтобы закачать такое количество воды в ледяной покров восточной Антарктики, потребуется примерно семь процентов объема электроэнергии, произведенного за все время существования глобальной цивилизации. «Слишком накладно», – подвел итог Боб.

Слаvek фыркнул.

– Энергия – наименьшая из забот. Раз уж один процент всей электроэнергии уходит только на эмиссию биткоинов, о семи процентах ради снижения уровня океана можно договориться. Препоной являются проблемы физического свойства. Вы проверяли цифирь?

– Нет.

– Скажем, уровень океана повысился на один сантиметр. Это равняется трем тысячам шестистам кубическим километрам воды.

Адель и Боб удивленно переглянулись. Гриффен молча улыбался.

– Во-от. Это в шестьсот раз больше ежегодно добываемого объема нефти. Строительство нужной инфраструктуры экономически не оправданно. Причем энергия должна быть чистой, иначе придется сжигать еще больше углеводородов. В Потсдаме подсчитали, что для такого количества чистой энергии пришлось бы построить десять миллионов ветряков. Воду придется качать по трубам, их потребуется больше, чем было произведено за всю историю человечества. Последнее и одновременно худшее – то то, что доставленная в нужную точку вода должна замерзнуть. Скажем, пластом толщиной в один метр за год. Больше вряд ли получится. И так по всей восточной Антарктиде.

– Слишком много всего нужно, куда ни глянь, – резюмировала Адель.

Четверо погрузились в раздумья.

– Не молчи, Славек, – подтолкнул Гриффен коллегу. – Объясни свою идею. Расскажи им.

Славек кивнул.

– Реальная проблема в том, что ледники сползают в океан в десять раз быстрее прежнего.

– Да.

– Из-за глобального потепления на поверхности льда каждое лето скапливается все больше талой воды. Вода просачивается по колодцам и трещинам в самый низ ледника, где ей некуда деваться. За счет этого ледник немного приподнимается над ложем. Вода играет роль смазки. Прежде лед был сцеплен – по крайней мере в определенных местах, а часто во многих – со скальной породой. Ледник давил своим весом все, что попадалось на пути. Лед плотно оседал на скалах. Толщина в километр дает огромную массу. Итак, ледник выскребал каменное ложе подчистую, не оставляя зазора между льдом и скалами. Иногда даже примерзал к скалам. Стопорился. В таких случаях движение ледника в его низовьях приводило вместо сползания льда к его существенной вязкой деформации.

Адель и Боб согласно кивали. Адель выглядела задумчивой, Пит же улыбался до ушей.

– Ну и? – спросил Боб.

Славек засмутился.

Гриффен ободряюще воскликнул:

– Валяй!

– Хорошо. Выкачиваем из-под ледника воду. Буравим лед, как для проверки уровня подледных озер или толщины ледяного шельфа. Технология хорошо освоена и довольно проста. Достаточно пробурить и поставить насос, подледная вода сама поднимется по скважине под давлением массы льда – процентов на девяносто. На оставшееся расстояние ее

можно поднять насосами и направить по трубам на устойчивый лед по соседству.

– И много наберется воды? – поинтересовался Боб.

– Если сложить все ледники вместе, то около шестидесяти кубических километров. Это, конечно, много, но до трех тысяч шестисот далеко.

– Или до трех тысяч и шестисот тысяч! – воскликнула Адель. – Что соответствует подъему уровня океана всего на один метр.

– Правильно. Кроме того, талая вода под ледниками на самом деле имеет тройное происхождение. Поверхностная вода, просачивающаяся через вертикальные трещины, – новое явление. Геотермальная энергия тоже немного подтопляет ледник снизу. Третий источник – тепло, выделяемое в результате трения при сползании ледника. Геотермальная энергия в большинстве точек поднимает температуру самой нижней части ледника выше нуля, в то время как на поверхности она может составлять минус сорок. Поэтому тепло из геотермальных источников обычно рассеивается в толще льда, улетучивается, и ледник остается примерзшим к ложу. Теперь же вода, поступающая из вертикальных трещин, действует как смазка, движение ледника вниз ускоряется, из-за чего вырабатывается больше теплоты трения, что вызывает дальнейшее таяние и ускорение движения. Но если снизу выкачать воду и затормозить ледник, трение тоже уменьшится, а вместе с ним и таяние. Ледник остынет, ляжет на

ложе, примерзнет к скалам, и скорость его движения вернется к прежней. Достаточно откачать около тридцати кубических километров из-под крупнейших ледников Антарктиды и Гренландии.

– На скольких?

– Скажем, на сотне самых крупных. Не так страшно.

– Сколько на один ледник потребуется насосов?

– Кто знает? Я уверен, что количество везде будет разным.

Это – эксперимент, придется работать методом тыка.

– К тому же дорогой, – кивнул Боб.

– В сравнении с чем? – вскинулся Пит.

Адель рассмеялась.

– Юрген называл цифру в квадрильон долларов.

Славик, надув губы, торжественно кивнул.

– Наш план дешевле.

Все рассмеялись.

– Славек, – спросила Адель, – почему ты не предложил его на сегодняшнем заседании? Ведь оно было посвящено ускорению сползания ледников.

Гляциолог замотал головой.

– Это не для меня. Когда ученый лезет в геоинжинирию, он перестает быть ученым и становится политиком. Посыплются сообщения с проклятиями, полетят камни в окна, люди перестанут воспринимать твои работы всерьез и все такое. Я всего лишь хочу вернуться на лед, пока еще способен выдержать проверку.

– А как же судьба цивилизации? – спросил Боб.

Славек пожал плечами.

– Это разве не по твоей части? Поэтому я и решил рассказать. Вернее, Пит за меня решил.

– Спасибо, Славек, – ответил Пит. – Ты настоящий гляциолог.

– Так и есть.

– Пожалуй, за это стоит выпить.

– Согласен.

Много времени занял поиск огнестрельного оружия. Наконец Фрэнку удалось похитить винтовку и боеприпасы из шкафа у их швейцарского владельца, мужчины в Швейцарии нередко держат в таких шкафах оружие. Кража сошла с рук до нелепости легко, жизнь в стране была настолько безопасна, что лишь немногие запирали двери. Разумеется, от швейцарских мужчин требовалось держать штатные автоматы под замком, и все они так и делали, однако охотничье оружие кое-кто хранил халатно. Фрэнку попался именно такой хозяин.

Теперь можно действовать.

Фрэнк изучил подходящих фигурантов. Один из них должен был через месяц присутствовать на конференции в Дюбендорфе.

Фрэнк спрятал винтовку в рюкзак – по частям – и отнес ее в парковочный гараж конференц-центра в Дюбендорфе на другом склоне Цюрихберга. Он поднялся по лестнице до верхнего этажа, оттуда вышел на крышу. Оценил вид с крыши на вход в конференц-центр. Собрав винтовку, Фрэнк положил ее на деревянную подставку, которую сам и смастерил, и посмотрел на вход через прицел.

Объект, поднимаясь по широким ступеням ко входу, обернулся и что-то сказал ассистенту. Синий костюм, белая

рубашка, красный галстук. Похоже, отпустил какую-то шутку.

Фрэнк рассмотрел человека в перекрестие прицела. Сглотнув ком в горле, снова прицелился. Лицо быстро горячело, ладони и ступни тоже. Человек скрылся в здании.

Фрэнк сложил части винтовки обратно в рюкзак и спустился по лестнице. В лесу на холме, отделяющем центр города от окрестностей, бросил оружие на землю под деревом. Повернулся и пошел вниз по склону к своему сараю.

В перекрестии прицела находился негодяй сродни военному преступнику. Климатический преступник. Редкому военному преступнику удастся погубить столько душ, скольких погубит этот тип. И все-таки Фрэнк не нажал на спуск. Не смог. Перед ним был объект, посвятивший всю жизнь уничтожению видов, обрекающий на смерть миллионы людей, а Фрэнк не смог пересилить себя.

Может, он не настолько безумен, как ему казалось? Или оторвался от реальности. Либо просто струсил. Он уже не знал, что и думать. Его тошнило, трясло. Как будто на него летел автобус, а он чудом успел отскочить. Мысль разозлила Фрэнка пуще прежнего. Желание убить одного из тех, кто губит планету, ощутить себя одним из детей Кали, их западным соратником, еще не прошло.

Фрэнк видел, как умирают люди, и столкновение со смертью надломило его. Возможно, новыми смертями делу не поможешь. Один из психотерапевтов сказал: травмирован-

ные люди травмируют других людей. Несомненная правда. Но слишком уж общая, слишком простая. Не приложимая к каждому отдельному случаю. То, что он хотел кого-то или что-то уничтожить, тоже правда. Как, например, этого нефтяного магната или того дебила, которого он свалил поленом, — выдающихся людей, беспечных говнюков, которые могли совмещать в себе оба качества. Вероятно, они однажды заплатят жизнью за свои преступления, чего вполне заслуживают. Однако сделает это не Фрэнк. Он не жалел, что ударил того парня, и все-таки нападение произошло спонтанно. Застрелить человека не то же самое, что дать в морду засранцу. Несмотря на непреходящую жажду с кем-нибудь расправиться, Фрэнк не мог не признать: придется искать другой путь.

Все люди, ввиду природы наших органов чувств и физической реальности, подвержены ошибкам восприятия. Мы также подвержены некоторым когнитивным искажениям, застрявшим в наших мозгах в период человеческой эволюции. Отдавая себе в этом отчет, мы все равно не способны их избежать.

Сенсорные иллюзии легко объяснимы. Существуют определенные черно-белые повторяющиеся фигуры, которые, если их напечатать на бумажном круге и вращать этот круг на палочке, воспринимаются органами зрения человека как цветные вспышки. Достаточно замедлить скорость вращения круга, как сразу становится ясно, что перед нами черно-белые фигуры. Если скорость вращения увеличить, у нас на глазах они превращаются в цветные пятна. Так устроен мир.

Ракурсное сокращение – еще одно искажение восприятия, которое мы не способны корректировать. Когда вы стоите под отвесной скалой в горах, ее высота всегда выглядит одинаковой, скажем, примерно триста метров. Даже если вы стоите под северной стеной Айгера и вам известно, что ее высота 1800 метров, она все равно выглядит не выше трехсот метров. Колоссальные размеры северной стены Айгера становятся заметны, только если отойти от нее на несколько ки-

лометров, например, к берегу озера Тун. С близкого расстояния их невозможно оценить.

С существованием оптических иллюзий соглашаются все – достаточно демонстрации. А вот для выявления когнитивных искажений требуются тесты. Когнитивисты, логики и экономисты-бихевиористы лишь недавно начали сортировать и придумывать названия когнитивным искажениям, споры идут по сей день. Однако тест за тестом выявляет неизбежные ошибки, порождая новые и новые названия вроде «эффекта привязки» (человек предпочитает держаться первичной оценки либо услышанного в самом начале) или «эффекта простоты изложения» (человек считает более правдивым то объяснение, что доступнее его пониманию). Им несть числа. По интернету гуляет превосходная диаграмма в виде круга – колесо ошибок, распределяющее искажения по категориям, куда входят закон малых чисел, ошибка базового процента, эвристика доступности, иллюзия асимметричной проницательности, иллюзия оценки вероятности, эффект фрейминга, контекстуальная сегрегация, асимметричность выигрыша и потерь, ошибка конъюнкции, закон типичности, ошибка казуальной атрибуции, асимметрия причин и следствий, эффект достоверности, синдром иррационального благоразумия, диктат невозвратных издержек, иллюзорные корреляции, неоправданная самоуверенность – график представляет собой прекрасный экземпляр последней, претендуя на истинность знаний о том, как мы

мыслим и что должно считаться нормой.

Как и в случае с сенсорными иллюзиями, знание того, что когнитивные искажения существуют, не помогает нам избегать их при столкновении с новой проблемой. Наоборот. Искажения эти постоянны, встречаются у всех тестируемых, имеют одинаковые тенденции, не зависят от личностных факторов испытуемых и не поддаются исправлению, потому как знание о них не позволяет их избежать либо усомниться в выводах, которые мы делаем в новой ситуации. Мы всегда более уверены в своих заключениях, чем следует. Самоуверенность – не только экспертов, но всех и каждого – воистину одна из наиболее распространенных иллюзий. Данный анализ, несомненно, дает еще один пример: насколько мы действительно во всем этом разобрались?

Батюшки! Что тогда означают последние открытия когнитивной науки? Одни говорят, что они не более чем демонстрация статистической безграмотности простых людей. Другие утверждают, что по своему значению они могут сравниться с открытием подсознания.

Вернемся-ка к идеологии, без которой невозможно упорядочить огромный поток проливающейся на нас информации. Может ли идеология быть еще одной когнитивной иллюзией, полезным вымыслом?

Да, конечно. Мы не способны функционировать, не генерируя и не применяя идеологию. Эту работу мы выполняем путем мышления, которое подвержено целому ряду си-

стемных, если не сказать фактических ошибок. Люди никогда не вели себя рационально. Возможно, наука сама по себе – это попытка обрести рациональность. И философия тоже. Разумеется, философия нередко доказывает, что мы лишены способности все додумывать до конца, заставляя логику работать в виде замкнутой системы и так далее.

Еще не следует забывать, что дискуссию эту мы ведем о нормальном, здоровом разуме. Если, начав со столь шаткой исходной позиции, потерять по дороге здравость мысли, вся дискуссия зайдет неизвестно куда. Достаточно сказать, что ничем хорошим это не кончится.

Зимой Цюрих часто окутан туманом и низкой облачностью. Господствующие северные ветры прижимают сформировавшиеся над Атлантикой облака к стенке Альп, откуда им некуда деться. Один серый день за другим серым днем в сером городе у серого озера, разделенном надвое серой рекой. Нередко в такие дни поездка на поезде на расстояние меньше ста километров способна вывести из тумана к альпийскому солнцу. С другой стороны, лучшего времени года для работы не придумать.

Мэри работала. Читала отчеты, проводила встречи, обсуждала проекты со множеством людей по всему миру, выдвигала законодательные инициативы по принятию более жестких национальных законов, закрепляющих юридический статус людей будущего и прочих бесправных тварей. Каждый день был насыщен. Вечера она часто проводила с Бадимом и остальными членами команды. Они обычно пешком спускались в Нидердорф и либо переходили по мосту на другую сторону к ресторану «Цойгхаускеллер», либо оставались на своем берегу в темном переулке около собора Гросс-мюнстер и сидели за длинным столом в глубине «Каса Бар».

В тот день сквозь облака проглянуло солнце, и поэтому они спустились на трамвае до площади Бюрклиплатц, доехали еще одним трамваем до остановки «Тифенбруннен» и се-

ли ужинать в «Трес Килос», где обычно отмечали только дни рождения и другие важные события. Тот день этого заслуживал. 19 февраля – первый солнечный день, что для Цюриха отнюдь не рекорд, как грустно заметил Юрген. В Швейцарии обожают вести учет рекордных погодных явлений.

К тому времени, как они прибыли в ресторан, давно стемнело. Лампочки в форме стручков чили, висящие над входом, пылали, как языки пламени. Внутри кто-то что-то уже отмечал, свет вдруг погас, и в зал под звуки песни «С днем рожденья» Стиви Уандера вошла официантка с тортом, рассыпающим искры бенгальских огней. Гости присоединились к поздравляющим, допели с ними песню и сели около кухни, где всегда сидели, если места раньше них не занимали другие. Мэри, сидя рядом с Эстеваном и Имени, прислушивалась к их игривой перебранке. В ней не было ничего нового, пара словно застряла на стадии ворчливого флирта.

– Мы Министерство будущего, – наседал Эстеван, – а не министерство для решения всевозможных текущих проблем. Надо тщательно выбирать свои сражения, иначе полем битвы станет все вокруг.

– Но ведь в будущем все на свете будет представлять собой проблему, – отвечала Имени. – Как ты можешь это отрицать? Твоя разборчивость означает, что мы изменяем своей миссии. Что, кстати, гарантирует говенное будущее.

– И все же необходимо выделять приоритеты. Времени в обрез.

– Это и есть наш приоритет! Кроме того, нас много, и время у нас есть.

– У тебя, может быть.

Имени толкнула соседа локтем и наполнила оба бокала из только что принесенного нового кувшина с «маргаритой». Разговор перешел на сегодняшние новости из Мауна-Кеа: там был зарегистрирован уровень углекислого газа в 447 частей на миллион – самый высокий в истории для зимы. И все это несмотря на индивидуальные отчеты стран, демонстрирующие значительное сокращение выбросов – даже в США, Китае, Индии. Даже в Бразилии и России. Из всех стран с высоким уровнем выбросов сообщали об их сокращении, а в итоге все равно происходил совокупный рост. Либо были выявлены не все источники, либо ввали отчеты. Мнения за столом разделились. Возможно, причина была двойкой.

– Когда люди лгут, они знают, что неправы. Но если есть какие-то вторичные выбросы, о которых никто не знает, то дело обстоит еще хуже. Будем надеяться, что люди просто врут.

– Чего тут надеяться, конечно, врут!

– Ладно, не будь циником.

– Я не циник, я реалист. С каких пор люди начали говорить правду по этому конкретному вопросу?

– Люди? Кого ты имеешь в виду, ученых или политиков?

– Политиков, разумеется! Ученые не люди.

– Я думала, что наоборот!

– Ни те, ни другие не люди.

– Эй, полегче. Мэри – политик, а я ученый.

– Нет, вы оба технократы.

– Получается, мы научные политики?

– Или политические ученые. Точнее, политизированные ученые, потому что политическая наука – это из другой оперы.

– Политическая наука – фальшивка, если желаешь знать мое мнение. Или по крайней мере не заслуживает своего названия. Что в ней от науки?

– Статистика?

– Нет. Им просто хочется солидно выглядеть. В лучшем случае это история, в худшем – экономика.

– Слышу стон несчастного обладателя диплома по политологии.

– В точку!

Хохот за столом. Еще один заход на «маргариту». Счет принесут астрономический, «Трес Килос», как и все рестораны Цюриха – или всего мира? – делали главную выручку, чудовищно накручивая цены на выпивку. Коллеги, вероятно, рассчитывали, что сегодняшний вечер оплатит министерство. Они не ошибались. Мэри со вздохом позволила снова наполнить бокалы.

Министр обвела собравшихся взглядом, прислушалась к флирту Эстевана и Имени. Прощупывают друг друга, но с оглядкой – они здесь не одни. Служебные романы редко до-

водят до добра и все-таки случаются снова и снова. Никто не собирается работать в министерстве всю жизнь, как и на любой другой работе. Так почему бы и не пофлиртовать? Где еще людям встречаться? Поэтому такие романы – данность. Ее тоже однажды зацепило – давным-давно. Мэри помнила, как точно так же болтала с Мартином, еще в Лондоне. Мэри и Марти! Двое ирландцев в Лондоне, протестантка и католик, изучающие систему в надежде запустить в нее когти. Мартина нет в живых уже больше двадцати лет.

Мэри быстро и решительно переключила внимание на текущий момент. Эстебан и Имени крайне оживились. Мэри без труда различала, что именно притягивает их друг к дружке, несмотря на различия. Хотя... Их треп слишком ломкий, немного натянутый. Причина, по которой людей тянет друг к другу, в принципе непознаваема. Кто знает, может, они уже были любовниками, потом разошлись и теперь договариваются о перемирии? Трудно судить со стороны, особенно если ты их начальница.

В конце долгого застолья Мэри поднялась на ноги, прикидывая уровень своего опьянения. Министр осторожничала, понимая, что окружена коллегами, подчиненными, плохо, если они увидят тебя в непотребном виде. К тому же молодость ее кое-чему научила, а заодно выработала довольно высокую сопротивляемость алкоголю. Все шло хорошо, Мэри могла дойти в компании с остальными до ближайшей остановки голубого трамвая, сделать пересадку на Бюрк-

липлатц и, попрощавшись с Бобом и Бадимом, продолжить путь с Эстеваном и Имени. Потом она выйдет на остановке «Церковь Флунтерн», помашет рукой двум молодым попутчикам, гадая о состоянии их отношений, но на самом деле будет думать совсем о другом: чашке чая, постели, угрозе бессонницы.

Мэри шла по Хохштрассе, как вдруг мужчина, шедший по другой стороне улицы, резко свернул и пристроился рядом. Она бросила на него слегка испуганный взгляд. Незнакомец смотрел на нее бешеными глазами.

– Не останавливайтесь, – скомандовал он низким сдавленным голосом. – Теперь вы моя пленница.

– Что? – Мэри остановилась как вкопанная.

Мужчина защелкнул на ее кисти какой-то зажим, а другой рукой показал спрятанный в ладони короткоствольный пистолет. Зажим на руке оказался половинкой наручников из прозрачного пластика, вторая половина была пристегнута к запястью мужчины.

– Пошли, – скомандовал он и первым двинулся вперед, увлекая Мэри за собой. – Я хочу с вами поговорить. Если пойдете со мной, я ничего вам не сделаю. Не пойдете, пристрелю на месте.

– Вы не посмеете, – слабо возразила Мэри. Тем не менее она против воли уже шла за ним.

– Посмею. – Мужчина бросил на нее еще один пылающий взгляд. – Мне на все наплевать.

Мэри сглотнула комок в горле. Сердце бешено колотилось. Выпитый алкоголь побежал по жилам, как огонь, она едва не спотыкалась.

Незнакомец, к полной неожиданности Мэри, подвел ее ко входу в ее собственный дом.

– Заходите. Быстрее.

Мэри ввела код и открыла наружную дверь. Поднялась по лестнице до своей квартиры. Отперла и открыла дверь. Вошла. Обстановка из-за того, что хозяйку сделали пленницей в собственной квартире, стала вдруг чужой.

– Телефон, – потребовал мужчина. – Выключите его и положите на стол. – Он указал на маленький столик у входной двери, где она действительно часто его оставляла.

Мэри вынула мобильник из сумочки, отключила и опустила на столик.

– У вас есть с собой какие-то еще устройства GPS?

– Что?

– Микрочипы? GPS вам выдавали?

– Нет. Не думаю.

Незнакомец бросил на нее пыливый, неодобрительный взгляд. Он достал из кармана, где держал пистолет, маленькую черную коробочку, повернул выключатель и обвел ею вокруг фигуры Мэри. Посмотрев на экран, удовлетворенно кивнул.

– Хорошо, пошли.

– Но я не...

– Пошли! Здесь недалеко, за углом.

– Вы же хотели просто поговорить!

– Правильно.

– Так говорите здесь! Если снимете наручники, я согласна на разговор. Но если потащите меня отсюда, я упаду, как только нас кто-то заметит, и стану звать на помощь. Если вам нужно всего лишь поговорить, то удобнее всего это сделать в моей квартире. Здесь я чувствую себя увереннее. Внимательнее буду слушать.

Несколько секунд незнакомец сверлил ее взглядом.

– Ладно, почему бы и нет, – сказал он, с растерянным видом покачивая головой.

Мэри это заметила и подумала: «У него с мозгами не все в порядке». Эта мысль напугала ее еще больше. Мужчина растегнул кольцо наручников. Мэри потеряла запястье рукой, лихорадочно обдумывая положение.

– Мне нужно в туалет.

Опять этот взгляд.

– Я сначала проверю.

Они вместе подошли к санузлу, мужчина заглянул в туалетную комнату, за шторку душевой кабины. Видимо, подумал, что у нее там установлена какая-нибудь система защиты от нападений, сигнализация или есть другой телефон. Если бы! Закончив осмотр, он вышел наружу, оставив дверь открытой. Мэри зашла в ванную комнату и в нерешительности остановилась. Дверь толкнули, она почти полностью закры-

лась. Какой вежливый сумасшедший. Ну, это уже кое-что. Она села на унитаз пописать и заодно обдумать свое положение. Ничего путного в голову не приходило. Мэри спустила воду и вышла к своему обидчику.

– Хотите чаю? – спросила она.

– Нет.

– А я хочу.

– Валяйте. С этого и начнем.

Мэри вскипятила воду в чайнике и заварила чай. Она немного успокоилась. Мужчина, наблюдая за ее действиями, повторно отказался от чая. После этого они уселись друг напротив друга за маленький кухонный стол.

Незнакомец был молод. Около тридцати плюс-минус пара лет, такой возраст с трудом поддается определению. Худое, осунувшееся лицо, черные круги под глазами. Поджарый, как хищник. Похоже, слегка напуган собственной дерзостью. Это объяснимо, однако бешенство, промелькнувшее в его глазах в момент захвата, говорило о безразличии к последствиям. На такой поступок мог пойти только надломленный человек. Очевидно, с ним в прошлом что-то случилось.

– Что вам от меня нужно? – спросила Мэри.

– Поговорить.

– Зачем тогда все это?

Незнакомец криво улыбнулся.

– Чтобы вы меня выслушали.

– Я выслушиваю людей каждый день.

Похититель энергично тряхнул головой.

– Не таких, как я.

– Что вы имеете в виду? Почему не таких?

– Я никто. Я мертвец. Меня убили.

По спине Мэри пробежал холодок. Наконец, не зная еще, умно ли об этом спрашивать, она произнесла:

– Каким образом?

Мужчина словно не услышал вопроса.

– Ожидалось, что я восстановлюсь... Увы. Я на самом деле мертв. Вы глава крупного агентства ООН, у вас важные встречи повсюду в мире, каждый час, каждые сутки. Вам недосуг выслушивать мертвецов.

– О чем вы? – переспросила Мэри, стараясь не выдать степень своей тревоги. – Как вы умерли?

– Во время великой жары.

Вот оно что.

Взгляд мужчины застрял на чашке с чаем. Мэри поднесла ее к губам и отхлебнула. Глаза незнакомца так и не оторвались от точки на столе, где до этого стояла чашка. Его лицо покраснело, на глазах у Мэри кожа на щеках и лбу похитителя превратилась из бледно-белой в ярко-алую. На лбу и тыльной стороне напряженных рук выступили капельки пота. Мэри при виде этой метаморфозы почувствовала, как к горлу подкатывает новый ком.

– Извиняюсь, – сказала она. – Видимо, вам сильно доста-

лось.

Мужчина кивнул. Вскочил на ноги, начал расхаживать по маленькой кухне, не поворачиваясь к хозяйке лицом. Ночь за окном была черна, огни на склоне Цюрихберга расплывались в темном тумане. Мужчина тяжело дышал, словно после быстрой пробежки или попытки подавить рыдания.

Мэри прислушалась к частому глубокому дыханию. А что, если он заряжается энергией, чтобы что-нибудь с ней сделать?

Через несколько минут он вновь уселся напротив.

– Да, досталось. Все умерли. Я тоже умер. Но меня вернули к жизни.

– Вы выздоровели?

– Нет! – гневно воскликнул он. – Какой там выздоровел!

– Я имела в виду в физическом плане.

– Нет! И физически тоже! Ни в каком плане! – Он затряс головой, словно пытаясь выбросить из нее мешающие мысли.

– Извиняюсь, – повторила Мэри. Отпила еще чаю. – Итак, вы хотели поговорить со мной. Об этом самом, я полагаю?

Мужчина покачал головой.

– Нет, не об этом. Это лишь начало. Возможно, оно вызвало желание поговорить с вами, но то, что я хотел сказать, совсем о другом. А сказать я вам хотел вот что. – Он заглянул Мэри в глаза. – Жара еще вернется.

Мэри чуть не поперхнулась.

– Почему вы так думаете?

– Потому что ничего не изменилось!

Незнакомец в возбуждении вскочил. Алое лицо приобрело багровый оттенок. Брови насуплены. Он наклонился над Мэри и низким, сдавленным голосом произнес:

– Зачем вы делаете вид, будто не понимаете?

– Я не делаю вид. Я действительно не понимаю.

Мужчина покачал головой, сверля ее взглядом.

– Именно поэтому я и пришел. Вы все прекрасно понимаете. А делаете вид, что это не так. Вы все притворяетесь. Вы стоите во главе Министерства будущего Объединенных Наций, а делаете вид, будто вам неизвестно, что нас ожидает.

– Этого никто не знает. – Мэри выдержала взгляд незнакомца. – И должна вас поправить: министерство было создано под эгидой Парижского соглашения. ООН напрямую не участвовала.

– Но Министерство будущего – это вы.

– Да, я его возглавляю.

Мужчина смерил ее долгим взглядом, сел на стул по другую сторону стола. Подался вперед.

– Тогда что вы и ваше министерство знаете о будущем?

– Мы способны лишь моделировать различные сценарии. Отслеживаем происходящее, составляем графики развития поддающихся измерению событий, из чего делаем выводы, останутся ли события прежними, будут нарастать или пойдут на убыль.

– Такие вещи, как температура или рождаемость?

– Да.

– То есть вы все знаете! Допускаете ли вы вообще такой сценарий, при котором новый период жары не убьет еще несколько миллионов человек?

– Да.

Вопрос смутил Мэри. Вероятность того, о чем говорил незнакомец, не давала ей спать по ночам. Благоприятные сценарии будущего без новых инцидентов с массовой гибелью людей были исключительной редкостью. Они требовали от народов действий, на которые те не хотели идти. Слова мужчины до боли напоминали ее собственные страхи – словно она нечаянно забрела наяву в один из ночных кошмаров и теперь не могла из него выбраться.

– Ха! – воскликнул похититель, прочитав мысли на ее лице.

Стараясь скрыть их, Мэри скорчила гримасу.

– Вы все понимаете. *Будущее для вас не тайна.* – Кажется, что его голос вот-вот надломится, он с трудом удерживался, чтобы не сорваться на крик. Мужчина закашлялся, затряс головой. – Но ничего не предпринимаете. Даже у себя на работе.

Мужчина снова вскочил, взял из сушилки для посуды стакан, налил воды из крана, выпил. Снова сел за стол, прихватив стакан с собой.

– Мы делаем все, что в наших силах, – возразила Мэри.

– Нет, не делаете. Вы не делаете всего, что в ваших силах, а того, что делаете, мало. – Он наклонился вперед, поймал ее взгляд. Голубые глаза с застывшим в них выражением мук чуть не выскакивали из потного, алеющего лица. – Признайтесь!

Мэри вздохнула. Попыталась подобрать слова для ответа. Взгляд незнакомца ее напугал. Уж не собирается ли он убить ее, чтобы место министра занял кто-нибудь порасторопнее? Такой ход мыслей не исключен. И обстановка подходящая. Похитил и привел в ее же квартиру. Когда такое случалось с другими женщинами, они нередко погибали.

Наконец с бьющимся сердцем Мэри пожала плечами.

– Мы пытаемся.

Они долго сидели и молча смотрели друг на друга. У Мэри возникло впечатление, что незнакомец дает ей время обдумать то, что она сказала, повариться в соку ощущения безнадёжности.

Наконец он произнес:

– Ваши попытки не работают. Этого мало. Вы терпите неудачу. Вы и ваша организация не справляетесь со своей миссией, обрекая на смерть миллионы людей. Вы постоянно, каждый день их подводите. Обрекаете их на смерть.

– Мы делаем все возможное, исходя из наличных ресурсов, – вздохнула Мэри.

– Неправда.

Лицо незнакомца снова покраснело, он вскочил с места.

Тяжело дыша, забегал по кухне, как пойманное животное. «Сейчас все и произойдет», – подумала Мэри. Ее сердце тоже неистово колотилось.

Мужчина остановился перед ней. Опять навис сверху. Заговорил низким сдавленным голосом, как будто другие интонации были ему неподвластны:

– Поэтому я и пришел. Вам пора перестать думать, будто вы делаете все возможное. Потому что это неправда. Вы могли бы делать намного больше.

– Например?

Мужчина пронзил ее взглядом, сел напротив, закрыл лицо руками. Наконец, отняв руки, откинулся на спинку стула. Посмотрел Мэри прямо в глаза. Только сейчас она разглядела в нем реальную личность. Попавшего в тяжелое положение молодого человека. Нездорового и напуганного.

– Я вернулся в Индию. Попытался примкнуть к группе, о которой мне говорили, – «Дети Кали». Вы о ней слышали?

– Да, но это группа террористов.

Мужчина покачал головой, не отрывая от Мэри взгляда.

– Нет. Кончайте мыслить вашими устаревшими буржуазными категориями. Ставки слишком высоки, чтобы прятаться за прежними ценностями. Идет уничтожение планеты – людей, животных, всего на свете. Мы живем в период массового вымирания, и есть люди, которые пытаются что-то с этим делать. Вы называете их террористами, а на самом деле террористы – это те, на кого вы работаете. Неужели не пони-

маете?

– Я стараюсь избегать насилия. Такова моя работа.

– Не вы ли говорили, что ваша работа – предотвращать массовую гибель?!

– Когда я так говорила?

– Ну, не знаю. А что тогда вы говорили? И что говорите сейчас? Не надо до меня докапываться, я нашел вас не для того, чтобы отвечать на придирки! Вы убиваете планету и еще хотите, чтобы я запоминал слова, которыми вы прикрываете свою задницу? Говорите напрямую! В чем задача Министерства гребаного будущего?

Мэри нервно сглотнула слюну. Отхлебнула чаю. Чай остыл. Она попыталась сосредоточиться на ответе. Имеет ли смысл вступать в дебаты со взбалмошным молодым человеком, который все больше и больше распаляется? А разве у нее есть выбор?

– Министерство было создано после парижской встречи 2024 года. Участники сочли целесообразным создание агентства, которое представляло бы интересы будущих поколений. А также представляло бы интересы тех субъектов, которые не могут постоять сами за себя, вроде животного мира или речных бассейнов.

Молодой человек пренебрежительно махнул рукой. Это шаблонное определение он уже слышал.

– И что? Как вы защитите их интересы?

– У нас есть отделы, которые занимаются различными ас-

пектами проблемы – правовыми, финансовыми, физическими и так далее. Мы устанавливаем приоритеты, согласно которым распределяем выделенный нам бюджет, и делаем то, что в наших силах.

– А если этого мало?

– Что значит мало?

– Этого мало! Ваши усилия даже не замедляют ущерб. Не создают нужное количество заплат. И вы это видите, потому что это видят все. Ничего не меняется, мы по-прежнему катимся к массовой гибели, она уже началась. Вот что я имею в виду, говоря «мало». Так почему бы вам не делать больше?

– Мы и так уже делаем все, что только можно вообразить.

– Значит, ваше воображение либо не идет дальше определенных вещей, либо вы об этих вещах думали, но решили, что они не для вас.

– Например?

– Например, выявление самых злостных преступников, виноватых в массовом вымирании, и их преследование.

– Мы это уже делаем.

– С помощью судебных исков?

– Да, судебных исков, санкций, кампаний в прессе...

– Как насчет выборочного отстрела?

– Разумеется, никак!

– Почему же «разумеется»? Некоторые из этих гадов совершают преступления, из-за которых погибнут миллионы! Они всю жизнь упорно работают над закреплением системы,

ведущей к массовой гибели.

– Насилие порождает насилие. Цикл насилия бесконечен. Таково наше отношение.

– Это – отношение побежденных. Нет, правда: насилие в виде сжигания углеводородов убьет больше народу, чем смертные приговоры за всю историю мира. Так что ваша мораль – по сути, мораль капитулянтов.

– Я верю в верховенство закона, – пожала плечами Мэри.

– Что было бы прекрасно, будь законы справедливы. Но фактически они допускают то самое насилие, с которым вы якобы боретесь!

– Следовательно, надо менять законы.

– Как насчет насилия против тех, кто сжигает углеводороды? Если взорвать угольную электростанцию, это слишком много насилия, на ваш взгляд?

– Мы действуем в рамках закона. Так реальнее добиться изменений.

– Скорость изменений недостаточна. – Мужчина постарался взять себя в руки. – Если вы относитесь к своей работе всерьез, то должны искать способы ускорить перемены. Пусть некоторые шаги будут противозаконны; в данном случае сам закон не прав. Помнится, принцип был закреплен еще в Нюрнберге: исполнение негодных законов само по себе противозаконно.

– Мы много работаем над выявлением проблем, создаваемых нынешним правовым режимом, и предложением по-

правок.

– Впустую.

Мэри уныло пожала плечами, отвела взгляд в сторону:

– Процесс идет.

Мужчина покачал головой.

– При серьезном отношении к делу вы создали бы действующий вне закона и подстегивающий перемены отдел тайных операций.

– Будь у нас такой отдел, я бы вам о нем не сказала.

Молодой человек недоуменно посмотрел на Мэри.

– Я не верю, что он у вас есть. А если и есть, то не справляется с задачей. По земле расхаживает около сотни человек, которые, если судить о них с точки зрения будущего, как вы и должны делать, являются массовыми убийцами. Если они начнут подыхать, если некоторая их часть будет ликвидирована, остальные, возможно, занервничают и пойдут на попятную.

– Убийство порождает убийство, – покачала головой Мэри.

– Тогда изгнание. Посадка в созданные с вашей подачи тюрьмы. Каково проснуться в один прекрасный день и обнаружить, что все твои активы тю-тю? Это сильно умерило бы способность к истреблению будущих поколений.

– Сомневаюсь.

– Если этого не сделаете вы, то сделает кто-то другой.

– Что ж, пусть другие делают свое дело, мы будем делать

свое.

– Ваше дело не дает результата. Если вместо вас им займутся другие, их самих начнут убивать, в то время как в вашем случае вы бы просто выполняли свои обязанности.

– Мы не смогли бы оправдать такие действия.

– А вы о них никому не говорите! Мировая история по большей части вершится в тени. Иначе никаких шансов.

Мэри отхлебнула чаю.

– Ну, не знаю.

– Вы даже *не пытаетесь* узнать! Вы предпочитаете не знать!

Новый глоток из чашки.

Мужчина вдруг снова вскочил. Он едва сдерживался, подергивался, поворачивался туда-сюда, делал шаг, потом останавливался. Озирался по сторонам, словно забыл, где находится.

– Что у вас тут? – обвел он жестом кухню. – Вы замужем?

– Нет.

– Разведены?

– Нет. Мой муж умер.

– От чего?

– Я не намерена рассказывать вам подробности личной жизни. – Мэри ощутила внезапный прилив отвращения. – Оставьте меня в покое.

Молодой человек посмотрел на нее с укором.

– Неприкосновенность личного пространства?

Мэри кивнула, потупившись в чашку.

– Послушайте, – сказал Фрэнк, – живи вы на самом деле в будущем и знай, что по земле расхаживали люди, сопротивлявшиеся переменам, убивавшие ваших детей, да и своих тоже, то вы взяли бы свое поколение под защиту. Вы убили бы захватчика ради защиты своего дома, жизни, семьи.

– Захватчика вроде вас?

– Точно. Если ваша организация действительно представляет людей, которые рождаются после нас, это тяжкая ноша! Реальная ответственность! Вы должны думать как они! Поступать – как поступили бы они на нашем месте.

– Убийство они бы не одобрили.

– Еще как одобрили бы! – воскликнул мужчина, заставив Мэри отшатнуться. Он дрожал мелкой дрожью, обхватив голову руками, словно боясь, что она взорвется. Глаза вылезали из орбит. Незнакомец отвернулся от Мэри, пнул дверь холодильника, подошел к окну, выглянул на улицу, шипя и клокоча. «Я гребаный ходячий мертвец», – прошептал он себе под нос. Положив ладони на подоконник, прислонился лбом к стеклу. Через некоторое время стал дышать ровнее, вновь повернулся к Мэри. Опять сел напротив.

– Послушайте, – сказал он, беря себя в руки, – люди *постоянно* убивают других людей в состоянии самообороны. Поступать иначе сродни суициду. Поэтому люди согласны убивать. В настоящую минуту на них совершается покушение. На людей будущего.

Мэри тяжело вздохнула, не отрывая взгляда от чашки.

– Вы просто хотите, чтобы вместо вас это делал кто-то другой, – продолжал незнакомец. – Кто-то, у кого нет такого же прикрытия, и кто пострадает гораздо больше вашего. А вы тем временем сохраните приятную жизнь, уютную кухню – пусть удар принимают на себя отчаявшиеся люди, попытавшиеся что-то изменить. Те самые, которых вы обязаны защищать.

– Не знаю.

– Зато я знаю. Я таких встречал в Индии. Хотел примкнуть, да меня не взяли. Они будут делать вашу работу вместо вас. Будут убивать и гибнуть сами, устраивать мелкие акты саботажа, гнить в тюрьме до скончания жизни – и все потому, что делали вашу работу вместо вас.

– Говорите, что не примкнули к ним?

– Меня не приняли.

Лицо незнакомца исказила судорога. Он вел рукопашную с памятью.

– Они увидели во мне очередного фиранги. Чиновника империи прежних времен. Чужака, лезущего с советами, как им жить. Возможно, они правы. Я ведь тоже думал, что делал все, что в моих силах. Как вы сейчас. Я мог погибнуть из-за того, что помогал в маленькой клинике. Я действительно умер, но по какой-то неведомой причине мой организм до сих пор жив. И вот он, я, все еще пытаюсь что-то предпринимать. Я был глуп. Они обойдутся без моей помощи. Мо-

жет быть, они правы. «Дети Кали» сделают то, чего не желает делать ваше агентство. Выйдя за пределы Индии, они столкнутся с трудностями и будут нести потери. Поэтому я пытаюсь продолжать их дело здесь, где я могу передвигаться свободнее, чем они.

– Вы уже кого-то убили?

– Да. – Молодой человек сглотнул ком в горле, задумался. – Меня в конце концов поймают.

– Почему вы это сделали?

– Я жажду справедливости!

– Справедливый самосуд обычно сводится к банальной мести.

Мужчина отмахнулся.

– Месть тоже сойдет. Главное, что я пытаюсь предотвратить великую жару и аналогичные вещи.

– Мы все этого хотим.

Лицо незнакомца вновь покраснело.

– А значит, должны делать больше.

В дверь позвонили.

Время далеко за полночь. У Мэри не было никого, кто бы мог потревожить ее в столь поздний час.

Мужчина прочитал эту мысль по выражению ее лица и придвинулся вплотную. Оба машинально вскочили с места.

– Вы меня выдали! – прозвучал испуганный голос в паре сантиметров от лица Мэри.

– Неправда!

Сознание собственной правоты помогло выдержать неистовый буравящий взгляд. На секунду оба застыли, охваченные паникой, молча таращась друг на друга.

– Здесь повсюду камеры, – догадалась Мэри. – Видимо, нас заметили на улице.

– Выйдите и скажите, что с вами все в порядке. – Незнакомец опустил руку в карман с пистолетом.

– Хорошо.

С быющим пуце прежнего сердцем Мэри спустилась по лестнице до уличной двери на первом этаже. Она открыла ее, не снимая цепочку.

Двое офицеров полиции или охранников.

– Министр Мерфи?

– Да, в чем дело?

– Нам сообщили, что вы вошли в здание с каким-то мужчиной.

– Да, – ответила она, лихорадочно соображая. – Это мой друг, никаких проблем.

– Его нет в списке ваших знакомых.

– Мне не нравятся ваши намеки, – отрезала Мэри. – Но специально для вас могу уточнить, что он сын моего одноклассника из Ирландии. Уверяю вас, никаких проблем нет. Спасибо, что присматриваете за мной.

Мэри закрыла дверь перед носом у полицейских и поднялась вверх.

В квартире никого не было.

Она обошла все комнаты. Никого. Наконец проверила дверь, ведущую на маленький балкон, нависающий над стоянкой во дворе. Балконная дверь была приоткрыта. Внизу кромешная тьма. Голые ветви гигантской липы черными пятнами закрывали часть звезд на ночном небе. Мэри выглянула за перила. По одному из квадратных пилонов, подпирающих балкон, пожалуй, можно спуститься на землю. Сама она не решилась бы, но вид молодого человека предполагал, что спуск на один этаж был ему по силам.

— Я сказала им, что вы мой друг, — сердито бросила она в темноту.

Мэри сердилась и на незнакомца, и на себя. В голове все перепуталось. Ее подташнивало. Понадобилась целая минута, прежде чем она перебрала все варианты и решила, как правильно поступить. Тогда она бегом пересекла квартиру и спустилась по лестнице до входной двери. Выбежала на улицу с криками: «Полиция! Полиция! Вернитесь! Вернитесь!»

Прибежавшие назад полицейские посматривали на нее с любопытством. Мэри объяснила, что сказала неправду, лишь бы человек в квартире не перестрелял всех троих. Он похитил ее на улице, угрожая пистолетом. Пока она разговаривала с полицейскими, преступник скрылся. Все это было правдой, хотя и неполной. Уже давая показания, Мэри поняла, что никогда никому не расскажет всю историю до конца. Есть вещи, о которых не говорят вслух.

Полицейские по радиации предупредили коллег. Вынув оружие, они поднялись вслед за Мэри в ее квартиру. Министр присела на кухонный стул, отдышалась. Руки дрожали. Ночь закончится не скоро.

Спрятаться можно, убежать нельзя.

Что правда, то правда: кругом камеры. На общественном транспорте, в магазинах, на улицах. Когда Фрэнку требовалось купить еды, он проходил мимо камер наблюдения несколько раз, какой бы маршрут ни выбрал. На выезде из страны подстерегает паспортный контроль. В Европе он есть не везде, однако летучие проверки не исключены. Если менять места обитания, в конце концов нарвешься. У беглеца имелся фальшивый паспорт, но козырять им в его положении было опасно. Фрэнк застрял. Застрял в одной из самых поднадзорных стран мира.

Хорошо еще, что успел научиться, как и где прятаться. Свое убежище он выбрал на высоком склоне Цюрихберга, с видом на город, где располагались несколько участков товарищества садоводов. Террасированные ухоженные наделы пестрели небольшими деревянными сарайчиками, в которых хранились инструменты, удобрения, пестициды и прочее. У одной из будок Фрэнк отодрал боковую панель; пробравшись внутрь, он вставлял ее назад и спал на полу в спальном мешке. На рассвете тайный жилец бесследно исчезал. Фрэнк сделал сарай своей базой.

Фальшивый паспорт был выдан в Штатах на имя умершего; в документ вставили фотографию Фрэнка, и он стал

другим человеком – Джейкобом Залцманом. Срок действия истекал через три года. На это же имя Фрэнк получил кредитную карту, положив на счет кое-какие деньги, а остаток сбережений разменял на бумажки по пятьдесят евро. Виза в паспорте позволяла ему не уезжать из Швейцарии еще год, дома в Америке у него якобы имелась работа, в Цюрихе на имя владельца паспорта была снята квартира. Система хорошо работала больше года. Разумеется, на доме, где находилась квартира Залцмана, тоже были установлены камеры наблюдения, но у черного входа, ведущего к уплотнителю мусора, их не было, поэтому Фрэнк иногда приходил сюда принять душ. Залцман еще и значился членом плавательного клуба на озере, и Фрэнк мог вдобавок пользоваться клубными удобствами.

Он научился бродить, не привлекая к себе внимания. Покупал еду в уличных ларьках, где не было камер наблюдения, остальные продукты – в «Мигросе», большую часть дня проводил в парках, где камеры были редки. Таким образом, он вел внесистемную жизнь, почти не оставляя следов, хотя совсем автономной ее нельзя было назвать. Скорее, жизнь в тени. Хотя после похищения министра ООН, незаконного вторжения в ее квартиру и ночных споров с ней полиция как пить дать объявила его в розыск. Не говоря уже о происшествии на озере Маджоре. От личности Залцмана вскоре придется отказаться. Но пока что Фрэнк мог прятаться всего в километре или около того от квартиры министра. Так он и

делал.

Мэри столкнулась с новой проблемой – круглосуточной полицейской опекой.

Разумеется, бывают проблемы похуже. Она сама поражалась, почему наблюдение так ее бесило, пока не поняла: у нее отняли личную жизнь. Или по крайней мере привычки и личное пространство. Вместо них – пустота и ощущение горечи.

После того как полиция закончила принимать показания, Мэри легла в постель и попыталась заснуть. Где там. Полицейские сидели у нее на кухне и дежурили внизу, у входной двери. Такой порядок, видимо, будет продолжаться не один день. Мэри прокляла своего похитителя миллион раз, ненавидя его все больше и больше, стоило ей вспомнить о происшествии.

Обида обидой, но слова незнакомца не давали ей покоя. Один мысленный вид его лица выводил ее из равновесия. Какая бешеная убежденность в своей правоте! Обычно Мэри недолюбливала таких типов и не доверяла им, однако этот, следовало признать, был не похож на других. Жуткая уверенность была навязана ему против воли. Встреча со смертью лишила беднягу рассудка. Если разобраться, молодой человек всего лишь накричал на нее. Похитил, чтобы поспорить? Ну, вдобавок резко хлопнул туалетной дверью. По-

хититель по-своему старался не выйти из себя, действовать одним убеждением. Слова вместо ударов кулаком по лицу. Слова как бумажные пули разума. Стоило их вспомнить, как сердце Мэри начинало бешено колотиться. Память обжигала лицо.

Из-за этого утром в офис она явилась в дурном настроении. Ей пообещали, что будут держать в курсе расследования, однако Мэри сомневалась, что услышит что-либо важное или вовремя. Молодой человек был уверен в своем умении прятаться. Это само по себе выглядело странно. Завидная уверенность, тем более в Швейцарии! Мэри предположила, что у похитителя в Цюрихе или где-то рядом было некое убежище, где он мог быстро залечь на дно, не отправляясь в бега.

Рано или поздно все выяснится. А может, и нет. Тем временем министра на каждом шагу сопровождали телохранители – вежливый швейцарец или швейцарка, а иногда целых три постоянно сидели у нее в квартире. Черт, черт, черт! Проклятый остопоп, убить его мало.

В офисе Мэри толпой окружили сотрудники, выражали сочувствие и все такое. Министр отправила их по рабочим местам и связалась с Бадимом. Секретарь ехал поездом из Женевы, прислал по телефону соболезнующее сообщение: ему только сейчас передали, он будет у нее, как только доберется до министерства. Бадим выразил надежду на совмест-

ный обед. Предложение было кстати – неплохо бы покинуть офис и открыто поговорить в таком месте, где их не услышат. А телохранителям можно сказать, чтобы держались на приличном расстоянии.

Сразу же после полудня Бадим вошел в кабинет министра, подошел к Мэри, подержал ее руки в своих, внимательно посмотрел на нее и жестом изобразил объятия. Они вместе дошли до трамвайной остановки, купили сэндвичи, шоколадки и кофе и двинулись в маленький парк с видом на позеленевшие медные крыши высшей технической школы и город, раскинувшийся на западном берегу реки. Присели на одну из парковых скамей. Телохранители Мэри заняли место поодаль, оставив несколько скамей свободными, хотя даже не пытались скрывать свое присутствие.

Мэри пришлось хорошенько подумать, насколько довериться Бадиму, и это усилие, как все остальные утренние усилия, из-за усталости вызвало шквал противоречивых мыслей в голове. Что-то в душе сопротивлялось тому, чтобы рассказывать всю историю до конца. Но и полностью избежать рассказа она не могла.

– Вчера выдалась сумасшедшая ночь, – начала Мэри.

– Мне очень жаль. Ты в порядке?

– Я-то в порядке. Надо думать, за мной наблюдали? Полиция увидела, как я вхожу в дом с женщиной, и пришла проверить. Часом позже, должна заметить. Видимо, камеры засекли, они просмотрели запись и только тогда приехали.

Пока я ходила открывать, похититель сбежал.

– Я уже слышал. Рад, что с тобой ничего не случилось. Или случилось?

– Нет!

– Извини.

Они некоторое время молча жевали. Город – обычная серая каменная масса с торчащими из нее кранами. Реки с их скамьи не было видно, и только на юге маячил узкий серп озера с длинным холмом, упирающимся в Утлиберг.

– Я много думала о нашем положении, – сказала Мэри, утолив голод. – Нашей заставке.

– Какой именно?

– Нам вменили в обязанность представлять интересы людей и животных будущего, по сути, спасти для них биосферу, но мы не справляемся. У нас ничего не получается, потому что наш инструментарий слишком слаб. Ты говорил что-то в этом духе во время нашей прогулки у озера. Мир катится в пропасть, а мы не успеваем отклонить его движение, чтобы он не разбился вдребезги.

Бадим некоторое время продолжал жевать сэндвич.

– Согласен.

– И что нам с этим делать?

– Не знаю.

Мэри посмотрела на коллегу. Невысокий темнокожий мужчина, очень умный и спокойный. Много повидал. Работал на индийское правительство и правительство Непала, со-

зданное на базе революционной организации маоистов. Служил в «Интерполе». Мэри решила пустить пробный шар.

– Мне кажется, нам нужен отдел тайных операций.

Бадим опешил. Посмотрел на Мэри долгим взглядом, несколько раз моргнул и спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Мне кажется, мы должны создать в министерстве секретный отдел, который продвигал бы наше дело тайными методами.

Бадим немного подумал.

– Какими именно?

– Не знаю, – Мэри, жуя, на минуту погрузилась в мысли. О неистовом взгляде похитителя. О пережитом страхе. – Я не сторонница насилия, – сказала она наконец. – Нет, правда. Я ведь ирландка. Я видела, какой оно причиняет вред. И ты, я знаю, тоже видел. Тайные или гражданские войны оставляют неизгладимое клеймо. Так что я не имею в виду убийства. Или физический ущерб. Мы не ЦРУ. Но почему бы не действовать в обход закона или правил. Без дипломатических церемоний. Если это послужит делу. Каждую акцию в каждом конкретном случае тайно обсуждать и взвешивать, стоит или не стоит ее проводить. Я имею в виду действия, от которых, если схватят за руку, можно откреститься.

Бадим подавил улыбку, едва заметно покачал головой.

– От этого даже не пахнет тайной. Одна из характеристик секретного агентства – неуловимость. Никаких записей, ни-

чего нельзя хакнуть, никто не болтает с посторонними. Начальство не должно знать этих людей в лицо. В случае утечки секретной информации ты как глава агентства должна иметь возможность отрицать не только собственную причастность к тайным операциям, но даже осведомленность о них, причем не прибегая к каким-либо объяснениям или оправданиям.

– Ты рассуждаешь так, словно уже занимался такими вещами.

– Да. – Бадим перевел взгляд на серый город.

– Давно?

Секретарь подумал над ответом. Издав тихий вздох, он откусил от сэндвича и сделал большой глоток кофе.

– Сейчас тоже... – Неоконченная фраза повисла в воздухе.

– Что сейчас тоже? – выдержав паузу, переспросила Мэри.

– Сейчас значит сейчас, – уже тверже повторил Бадим и взглянул ей в глаза. – Другими словами – всегда занимался.

– А конкретнее?

– Извини, я не могу об этом говорить.

Мэри сама не заметила, как вскочила и нависла над щуплым мужчиной. В ее руке дрожал полураздавленный бумажный стаканчик с остатками кофе. Бадим скривился. Он уставился на стаканчик, словно ожидая, что Мэри выплеснет кофе ему в лицо.

– Объясни, что ты имел в виду, – резко потребовала ми-

нистр. – Немедленно!

Бадим еще раз вздохнул.

– Представь себе, что при Министерстве будущего уже существует отдел тайных операций. Что его мог основать кто-то или я сам, после того как ты назначила меня на должность секретаря.

– Ты основал?

– Нет, прошу не искажать мои слова. Я такой же, как все. У меня в министерстве есть друзья. Об их дружеских услугах тебе необязательно знать. Если что-нибудь всплывет и пойдут всякие расспросы, ты сможешь честно заявить, что совершенно не в курсе.

– Правдоподобное отрицание?

– Ну, нет. Это означало бы, что ты заранее подготовила лживые отговорки. Мой подход скорее сродни нормальной работе агентства, все остается как было. Если появятся вопросы – будем надеяться, что до этого дело не дойдет, – ты просто скажешь: я ничего не знаю. Тогда в случае нарушения голову снимут с другого, а ты с министерством не пострадаешь.

– Так не бывает!

– Ну, раньше-то бывало. И даже часто. Данная форма организации хорошо известна. Большинство неблагоприятных операций происходит без ведома политического руководства. Даже если оно имеет общее представление о подобных вещах, то уж совершенно точно не посвящено в подробно-

сти. И тебе, я думаю, не стоит о них знать.

События последней ночи вдруг обрушились на нее всей тяжестью, потрясли до основания.

– Я не хочу, чтобы мне лгали! – выкрикнула Мэри.

Телохранители на другом конце маленького парка озабоченно повернули головы в их сторону.

– Извини, – ответил Бадим усталым тоном. – У меня кошки на душе скребут. Если хочешь, я сегодня же подам заявление об увольнении. Готов сделать себе харакири, не сходя с места. Однако позволь напомнить, что ты первая завела разговор о потребности в тайном отделе.

– Ни хрена! – Мэри подождала, пока утихнет сердцебиение, заодно обдумывая ответ. Слишком много мыслей одновременно теснились в голове, издавая нетерпеливый рев. – Я не это имела в виду. И даже если это, я ни хрена не позволю, чтобы от меня что-то утаивали в моем гребаном министерстве!

– Понимаю, – потупившись, сказал Бадим. И глубоко вздохнул, готовясь держать оборону. – Разве, когда ты была министром в ирландском правительстве, было по-другому?

– На что ты намекаешь?

– Ты ведь возглавляла МИД? Ты реально считаешь, что была в курсе всех дел своего министерства?

– Да, конечно.

Бадим покачал головой.

– А я уверен, что нет. Разумеется, я не знаю подробно-

стей. Однако Ирландия долгое время находилась в состоянии гражданской войны, а война всегда имеет внешнюю составляющую. Не так ли? Значит, ваши силы безопасности совершенно очевидно не все тебе говорили и, вероятно, полагали, что ты об этом знаешь, но предпочитаешь придерживаться заведенного порядка. – Бадим пожал плечами. – Точно так же обстояло дело в Индии и Непале. И, если угодно, в «Интерполе».

Мэри резко опустила на скамью. Стаканчик был почти расплюсчен, она осторожно отхлебнула кофе из остроконечной складки и опустила его на землю.

– Выходит, я наивная? Непорочная государственная особа в мире политического прагматизма? Что, несомненно, и есть та причина, по которой меня определили на эту работу?

– Я этого не говорил. Очевидно, они предполагали, что ты знаешь, что делаешь.

– Чего успел натворить твой тайный отдел? И кто в него входит?

– Ну, именно такие вопросы тебе не следует задавать. Нет-нет, прошу тебя, – Секретарь вскинул руки, словно защищаясь от ожидаемого удара. – Кстати, я не уверен, что ты лично знакома с каждым сотрудником министерства.

Бадим подождал, пока Мэри успокоится. Министр опять взяла в руки помятый стаканчик и сделала новый глоток кофе.

– Я отвечаю за оперативную сторону работы, – сказал

Бадим, понизив голос, словно раскрывая секрет в поисках примирения. – Такова задача начальника секретариата. Когда возникает какой-нибудь подвох, мне помогают люди из разных отделов. Разумеется, отдел защиты от кибератак: сама природа их ремесла иногда требует играть на опережение. Ребята из отдела природных катастроф тоже нередко помогают, они привыкли делать грязную работу – физически грязную, не подумай чего: обращаться с механизмами и все такое. Они на передовой, своими глазами видят ущерб и горят желанием что-то с этим сделать.

Слова Бадима задели нерв, снова нахлынули мысли бессонной ночи, как если бы и не уходили. Желудок скрутило узлом, не оставляющего места для сэндвича.

– Прошлым вечером я столкнулась с таким же человеком, – призналась Мэри. Она накрыла ладонью тыльную сторону руки Бадима. – Вот кто меня похитил! Ему страшно надоело ничего не делать, видеть, что ничего не происходит.

– Мне очень жаль, – повторил Бадим и развернул руку, чтобы подставить Мэри ладонь. – Что произошло? Расскажешь?

Мэри убрала руку и вкратце передала содержание ночного разговора, опустив некоторые детали.

– Надо было плотнее за тобой наблюдать, – сказал Бадим, когда она закончила.

– Куда уж плотнее. К тому же, помнится, ты предлагал, но я отказалась. Терпеть не могу подобные вещи.

– И все-таки. Хотя бы временно. Этого парня, скорее всего, быстро найдут.

– Я не уверена.

– Долго прятаться сложно.

– Тем не менее реально.

– Да, реально.

Мэри отодвинулась на скамье, передернула плечами. Состояние ни к черту. Нужно выспаться. А вместо этого она сидит здесь.

– Слушай, – сказала она, подумав. – Ведь ты вырос в Непале? Я – в Ирландии. И там, и там происходило много политического насилия. Другими словами, убийств, верно? Убийств и всего того, что следует за убийствами, – страха, скорби, злобы, мести, всего этого. Нанесенный вред никогда не проходит, уверяю тебя, да ты и сам это знаешь. В конце концов верх берут самые ловкие среди убийц. Совершенно непонятно, какая от этого польза миру.

Бадим поводит головой из стороны в сторону, не соглашаясь.

– Что?! – вскричала Мэри. – Ты же знаешь, что это правда. Вред нанесен колоссальный!

– И все же... – вздохнул Бадим. – Как сравнить нынешний вред с прежним? И насколько он уменьшился благодаря принятым мерам? Вот что никогда не ясно.

– Что такого успел сделать твой тайный отдел? – внезапно испугавшись, спросила Мэри.

– Это секрет. – Заметив выражение на ее лице, Бадим смягчился. – Ну, у некоторых угольных электростанций возникли проблемы. Им пришлось выйти из сети, толпа инвесторов заметила и сделала вывод: хорошими инвестициями здесь не пахнет. Можно сказать, удалось.

– Удалось что?

– Электростанции так и не открылись, а солнечная энергия получила новую инъекцию капитала. Когда начали случаться подобные вещи, строительство электростанций на угле по всему миру сократилось на восемьдесят процентов.

– Еще и потому, что индийцы перешли на солнечную энергию?

– Да.

– Кто-нибудь пострадал или был убит?

– Разве только случайно.

– Кого-нибудь терроризировали?

– Ты имеешь в виду, запугивали, чтобы не жгли углеводороды?

– Да.

– Если такое провернуть, было бы неплохо, а?

– Да, но как?

– Ну, ты ведь знаешь: самые большие страхи – финансового плана.

– Самый большой ужас, когда тебя, на хер, похищают!

– Согласен. Угроза насилия. Хотя, если человека отрезать от денег, он точно испугается.

– Твою мать! Ты что, играешь в бога?

– Что-что?

– Играешь в бога. Устраиваешь людям события, которые они считают реальными, и смотришь, как они выкрутятся.

– Возможно. Но не для того, чтобы посмотреть, как они будут выкручиваться. А для того, чтобы заставить их поменять свое отношение.

– То есть терроризируешь!

– Терроризм означает убийство невинных для запугивания других невинных, чтобы те выполнили требования террористов. Именно такой смысл сегодня вкладывают в терроризм, не так ли? Все равно что махать руками с завязанными глазами.

– Пожалуй. Но ведь вы пугаете людей, применяете устрашение.

– Если бы. Я бы не против. Возможно, это принесло бы пользу. Ты сама намекала.

Мэри кивнула. Она опять вспомнила молодого человека, похитившего ее накануне вечером. Уж он напугал, так напугал. Причем с определенной целью – завладеть ее вниманием. Пленницу пришлось даже успокаивать, прежде чем завязать разговор и выложить то, что у него наболело на душе. Незнакомец хотел, чтобы она внимательно выслушала и хорошенько запомнила его слова. Млекопитающее навсегда запоминает сильный испуг, а люди – те же млекопитающие. Мэри точно его не забудет.

– Ко мне применили такой же прием. Похититель хотел, чтобы я испугалась.

Бадим перехватил взгляд Мэри, но промолчал, позволяя ей разобраться с мыслями.

Мэри вспомнила сцену. Желудок грозил превратиться в черную дыру.

– Ну, хорошо, – наконец произнесла она. – Я не хочу пребывать в неведении. Если понадобится, буду врать или прииму удар на себя. Но я должна быть в курсе.

– Ты серьезно?

– Серьезно. Пообещай, что будешь меня информировать. Обещаешь?

Бадим надолго замолчал. Он сначала смотрел на город, потом уперся взглядом в землю.

– Ладно. Я буду сообщать тебе то, что тебе следует знать.

– Все сообщай!

– Нет.

– Да!

– Нет. – Бадим взглянул Мэри в глаза. – Все не могу. Потому что кое-кого действительно не мешало бы ликвидировать.

Мэри вперила в секретаря гневный взгляд. Съеденный сэндвич застрял в желудке, как мусор в компакторе. Проще вызвать у себя рвоту и вернуть его назад.

Наконец она выговорила:

– Может, я смогу тебе помочь получше нацелить эту про-

грамму. Сегодня я не так наивна, как еще вчера.

– Мне очень жаль это слышать.

– Не надо меня жалеть. Некоторые вещи мне следовало знать с самого начала.

– Пожалуй.

Мэри задумалась.

– Твою мать!

– Сочувствую.

– Но... Нет, надо что-то делать. Того, что мы делали раньше, мало.

– Я тоже так думаю.

– Потому как на сегодняшний день мы терпим поражение.

– Мы на войне. С этим я не спорю.

В иудейской мистической традиции существуют тайные праведники – цадики, которые предохраняют мир от распада. По некоторым толкованиям, их всего тридцать шесть, и поэтому их называют «ламед-вав цадики», тридцать шесть праведников. Иногда это предание связывают с историей Содома и Гоморры и обещанием Бога пощадить эти два города, если в них найдется хотя бы пятьдесят праведников (или десять, или, на худой конец, один). Другие предания связывают идею с Талмудом и его частыми упоминаниями тайных лиц, незаметно творящих добро. Скрытость цадикиков очень важна, это обычные люди, которые появляются и начинают действовать, когда встает вопрос о спасении их народа, а выполнив свою задачу, сразу уходят в тень. Подчеркивая, что число цадикиков – тридцать шесть – остается неизменным, предания говорят, что цадики рассеяны по всей иудейской диаспоре на Земле и не знакомы друг с другом. Они даже сами не знают, что входят в число тридцати шести избранных, ибо всегда служат образцом смирения – «анавы». Поэтому, если кто-то объявит себя принадлежащим к «ламед-вав», то совершенно точно им не является. «Ламед-вав» слишком скромны, чтобы самим верить в то, что они какие-то особенные. И все-таки это не мешает им проявлять себя, когда того требует момент. Они живут обычной жизнью, но когда на-

ступает критический момент, действуют.

Если кроме них и есть какие-то другие тайные деятели, влияющие на историю человечества, мы о них ничего не знаем. Они редко попадаются на глаза. Если вообще существуют. Может быть, они всего лишь легенда, которую люди рассказывают друг другу в надежде найти какой-то смысл, объяснение и так далее. Да только события этим не объяснишь. Истории о тайных деятелях и есть тайное действие.

Мы разбили лагерь на леднике Туэйтса, в ста километрах от побережья Антарктиды. Туэйтс – один из наиболее быстро движущихся массивных ледников, к тому же проход его к океану довольно узок. В Антарктиде и Гренландии имеются около пятидесяти ледников, которые за следующие несколько десятилетий сбросят девяносто процентов льда в море, и среди них ледник Туэйтса выглядел наиболее подходящим объектом для эксперимента. Сюда мы и приехали.

Наше становище мало чем отличалось от типичного антарктического полевого лагеря большого размера. Сначала оборудовали посадочную полосу, готовую принять «С-130». Для этого пришлось проверить полосу льда длиной в две мили на предмет скрытых трещин. Трещины в ледовом поле взрывали и ровняли бульдозером. Когда смогли садиться «С-130», самолеты доставили несколько домиков «Джеймсуэй». Мы собрали из них камбузы и помещения общего пользования. «Джеймсуэй» в принципе тот же «Квонсет» времен Второй мировой войны, только с термоизоляцией, – половинка цилиндра с полом, очень простая конструкция, легкая в сборке и довольно энергосберегающая. Наши домики в основном запитывались и обогревались солнечными панелями. Лагерь был летний, солнце постоянно висело в небе. Снаружи поставили несколько палаток для тех, кто не лю-

бит спать в домиках — таких, как я, — и парочку юрт, как у русских. В итоге получился небольшой кочевой поселок веселенькой расцветки — желтое, оранжевое, хаки, красное на белом фоне.

Для бурения скважин использовалась система отбора ледяных кернов, которая давным-давно применяется в Антарктике для извлечения образцов льда и сверления скважин в ледяном шельфе до уровня подледных озер или морского дна. В штуку, напоминающую гигантскую душевую лейку, под давлением подается и плавит лед горячая вода. По мере таяния льда снаряд опускается все глубже. Талую воду откачивают наверх, в скважину можно опустить обсадную колонну с подогревом, чтобы вода не замерзала и не закупоривала проход, — мы так и делали. Часть талой воды подавалась в бак питания буровой коронки, где она нагревалась. Остаток выкачанной воды по трубам отводили и сбрасывали в такое место, где она могла снова замерзнуть, не причиняя хлопот. По одним меркам прокладка скважины шла медленно, по другим — быстро. Типичная скорость бурения скважины диаметром два метра составляет десять метров в час. Скажете, медленно? Гораздо быстрее, чем бурение грунта или других твердых пород, однако для подогрева воды требуется много энергии. Что требует сжигания большого количества дизтоплива, хотя солнечные коллекторы тоже подойдут, если солнца много.

На этот раз, когда мы пробурили ледяной щит Туэйтса на-

сквозь – примерно на девятьсот метров от поверхности – вода действительно заполнила скважину, хотя и не до самого верха. Вес ледника оказывал огромное давление на подледную воду, но каким бы толстым ни был ледяной покров, вода в скважине никогда не поднимется выше, чем на девяносто процентов. Таковы законы гидрологии. Мы даже устроили лотерею – кто наиболее точно предскажет уровень подъема воды. Реальный уровень всегда колеблется на пару метров в зависимости от местных особенностей. В любом случае вода поднимается примерно на девяносто процентов глубины, так что поднять ее насосом на оставшуюся высоту можно без больших затрат энергии. Мы так и делали, однако сколько бы мы ни качали, вода все равно держалась на уровне девяноста процентов. Вопрос встал ребром: сможем ли мы высосать из-под ледника всю воду? В таком количестве, чтобы насосам больше нечего было качать?

Под ледником Туэйтса, как и предполагалось, скопилось очень много воды. Большие летние озера талой воды на поверхности ледника утекали в глетчерные мельницы – вертикальные колодцы, по которым водяные потоки спускаются под ледник. Вода накапливается на каменном ложе, играя роль смазки для скольжения ледника по его поверхности. Поэтому ледники зачастую больше похожи на реки, чем ледяные поля, и «текут» почти с той же скоростью, как некоторые равнинные реки, вот только воды в них в сотни раз больше, чем в Амазонке. К тому же вода в Амазонке еще

вчера была дождем, в то время как антарктический лед лежал на своем месте последние пять миллионов лет, а то и дольше. Так что уровень океана повысится не на шутку.

Если выкачать из-под ледника часть воды, лед снова опустится на скальную основу, и скорость его движения резко упадет. После чего мы будем откачивать воду из-под ледника до тех пор, пока лед не примерзнет к ложу, спускаясь по нему с прежней скоростью, и жутко деформируется, образовав целые поля расселин, короче, снова поведет себя привычным образом. Так было задумано.

Нас отправили проверить план на практике. Некоторые предсказывали, что вода под ледником смешается с отложениями до консистенции зубной пасты и ее будет невозможно или очень трудно извлечь наружу. Другие возражали, что отложения давным-давно смыло, ложе после миллионов лет шлифования льдом стало чистое как стеклышко, вода внизу не содержит загрязнений, достаточно проткнуть ледяной покров, и она ударит фонтаном, все вокруг искорежит, а значит, мы все замерзнем насмерть или еще быстрее утонем. Спецы по гидрологии поднимали подобные предсказания на смех, но что получится на практике, никто не знал. Оставалось попробовать.

Мы растопили первую скважину, вода поднялась по стволу на восемьдесят семь процентов, и я выиграл пари. «Кончай, Пит, – говорили они, – нельзя побеждать в лотерее, которую сам придумал». «Еще как можно», – отвечал я. Мы

забирали воду из верхней части колонки, но она постоянно прибывала, уровень не снижался. Так продолжалось четверо суток. Все в норме!

А потом вода вдруг перестала поступать. Очевидно, сдвиг ледяного пласта нарушил целостность скважины. «Точно так же глушат нефтяные скважины», – сказал кто-то. Однако это не тот случай. По моим прикидкам, скорее виновато смещение льда. В верховьях ледника, примерно в тридцати километрах от нас, имелось целое поле расселин, оставалось только гадать, сколько их было ниже по течению.

В любом случае ничего хорошего. Чтобы метод работал, скважины, естественно, должны оставаться открытыми. Предстояло установить, является ли разрушение скважины типичным явлением или случайной аварией. А еще – сможем ли мы отремонтировать скважину. Другими словами, заново ее открыть и не допустить повторения дефекта. Если не получится, скважину придется, скорее всего, бросить и бурить новую. Но если не разобратся, в чем проблема, и аварии из-за нестабильности ледника будут происходить снова и снова, то, возможно, от идеи придется отказаться совсем.

К нам отправили отряд для проведения сейсмических испытаний, снабдив специалистов камерами и мониторами, чтобы посмотреть, что творится в скважине. Рейс отложили из-за ураганного ветра, и пару дней мы вынужденно били баклуши. Я был уверен, что мы разберемся, однако настроение в столовой можно было охарактеризовать как предчувствие

недоброго.

– Пит, это решение, возможно, очередная фантазия, – сказал мне один из постдоков. – Новая мечта об искуплении геоинженерных грехов. Верняк, срикошетивший нам же в голову.

– Надеюсь, что это не так, – ответил я. – Мне понравился здешний пляж.

– Эй, – возразил кто-то, – геоинжиниринг не фантазия. Индийцы выпустили в атмосферу двуокись серы, и это сработало. Температуры не растут уже несколько лет.

– Подумаешь, великое дело, – отозвался кто-то еще.

– Да, великое!

– Главную проблему они так и не решили.

– Верно, однако такая задача и не ставилась. Мера-то была временная!

– Для этого мы сюда и приехали, – напомнил я. – Это еще одна новая мера.

– Так-то оно так. Но видишь ли, доктор Джи, даже если у нас получится, ледник все равно будет сползать, так что рано или поздно вся насосная станция утонет в море. Ее придется отстраивать заново.

– Разумеется, – ответил я. – Это из той же оперы, что и покраска моста «Золотые ворота». Так делаются многие вещи. Техподдержка называется.

– А что ты предлагаешь взамен? – спросил кто-то.

– Это будет стоить целую кучу денег!

– Поясни, как ты понимаешь стоимость, – предложил я. Постдоки бывают настолько узколобыми, что за них делается страшно. Я опустил их на землю: если что-то требуется сделать, то надо просто брать и делать. – Что толку говорить о стоимости, когда речь идет о насущной необходимости? Деньги не есть реальность. Труд – вот что реально.

– Деньги вполне реальны, доктор Джи. Вот увидишь.

– Но ведь ничего не вышло! Скважину обрезало!

– Это только начало. Если не получилось с первого захода...

– ...то на второй тебе срежут фонды.

Когда речь заходит о годах нерешительности накануне Великого поворота, которые некоторые называют «зыбучими двадцатыми», историки спорят, был ли этот период частью самого Великого поворота, последним издыханием эпохи модерна или же неким переходом от одного к другому. Его сравнивают с затишьем перед бурей – периодом 1900–1914 годов, когда двадцатый век еще не вступил в свои права и люди не подозревали о приближении грандиозной катастрофы. Консенсусом здесь даже не пахнет.

Естественно, попытки поделить прошлое на эпохи предпринимались и раньше. Такое деление всегда является актом воображения, которое притягивают к себе геологические явления (ледниковые периоды, вымирание видов и т. д.), технологии (каменный век, бронзовый век, аграрная революция, индустриальная революция), династии (императоры Китая и Индии, различные правители Европы и других регионов), гегемония (Римская империя, арабская экспансия, европейский колониализм, постколониализм, неоколониализм), экономика (феодализм, капитализм), развитие мысли (Ренессанс, Просвещение, модернизм) и так далее. Это лишь неполный список систем периодизации, размечающих поток исторических событий. Системы эти поучительны своей сомнительностью, и все же, как однажды кто-то заметил, «мы

не можем не периодизировать». Мысль, похоже, верна. Может стать, периодизация – хорошее напоминание: каким бы укоренившимся порядок вещей ни казался в свое время, нет никаких шансов, что он останется таким же через столетие или хотя бы десять лет. И если на каком-то этапе события выглядят хаотичными и граничащими с полным распадом, в конце концов неизбежно возникнет какой-нибудь новый порядок, причем скорее раньше, чем позже.

Когда складывается некое ощущение происходящего, оно тоже связано с периодизацией, ибо наши ощущения – продукт не только биологии, но также социума и культуры, а значит, истории. Реймонд Уильямс назвал культурные матрицы «структурами ощущений», и это очень полезная концепция для понимания различий между культурами во времени. Разумеется, как все млекопитающие, мы испытываем неизменные базовые эмоции – страх, гнев, надежду, любовь. Однако мы осознаем эти эмоции с помощью языка, тем самым выстраивая системы эмоций, которые отличаются друг от друга в разных культурах и эпохах. Взять хотя бы романтическую любовь: в Древней Греции, Китае, средневековой Европе – везде она имела заметные различия.

Поэтому чувственное восприятие своего времени отчасти или даже в большой степени является плодом структуры ощущений времени. Проходит время, структура меняется, а вместе с ней меняется ваше ощущение – как внутреннее органическое чувство, так и восприятие на уровне смыс-

ла. К примеру, общественный строй вашего времени может восприниматься как несправедливый и несостоятельный, но прочно укоренившийся и одновременно разваливаться у вас на глазах. Очевидные противоречия тем не менее способны, если мы не ошибаемся, точно отражать ощущение вашего времени. Другими словами, так ваше время чувствуем мы, люди будущего. Однако достаточно бросить взгляд на историю, как станет ясно, что и это ощущение просуществует недолго. Если только ощущение распада само по себе не укоренилось настолько прочно, что стало извечной и неизменной реакцией индивидуума на историю. Что, возможно, лишь означает вкрапление биологии в историю, ибо мы воистину всегда находимся в процессе распада и у нас не может быть никаких прочных корней.

Индия теперь идет впереди всего мира во многих сферах. Кошмар великой жары ужаснул, встряхнул нас и объединил – если не полностью, то в широкую коалицию, – дабы переоценить и изменить то, что нуждалось в переменах. Вы это видите вокруг себя на каждом шагу!

Отчасти это состояние – историческая случайность, во время великой жары у власти находилась БДП, а потому ее – справедливо или нет – связали с катастрофой, но главное, что они потеряли власть и навеки дискредитированы, так что будем надеяться, что БДП никогда не вернется. А заодно убрались восвояси их приспешники, РСС, с их фальшиво-традиционалистским культом индуистского этно-националистического превосходства. Истинный индийский путь, как теперь все или почти все видят, не таков. Жара резко усилила отвращение к этому вредоносному вздору. Истинный индийский путь всегда, с самого начала цивилизации, был синкретичен.

Тем временем Партия конгресса тоже растеряла силу, ушла в небытие, ее славное прошлое утонуло в потоке коррупции. Возможно, когда-нибудь эта партия, так много сделавшая для Индии, очистится, но это вопрос далекого будущего; в любом случае сразу же после великой жары и Конгресс, и БДП потерпели поражение, и крупнейшая демокра-

тия мира осталась без господствующей общенациональной партии. Многие увидели в этом шанс; началась работа, которая теперь завершилась и привела к созданию широкой коалиции сил, многие из которых представляют народные слои Индии, прежде не имевшие никакой политической власти и даже сносного политического представительства. Энергичность новой коалиции чувствуется повсюду. Жизнь меняется.

Хороший пример есть с кого брать – прямо здесь, в Индии. В этом смысле Керала почти столетие служит образцом хорошо организованного штата, передающего властные функции в низы, а управление штатом согласно установленному графику – то Конгрессу, то левым. Многие новшества Кералы были внедрены на общенациональном уровне. Сикхи Бенгалии развивают методы органического регенеративного сельского хозяйства, оно производит больше продуктов питания, чем прежде, и сохраняет больше углерода в почве – этот почин подхвачен во всей стране. В индийском сельском хозяйстве произошла пост-зеленая революция, сделан гигантский скачок к независимому производству, основанному на понимании природы субтропиков, которому помогло сотрудничество со специалистами по пермакультуре из Индонезии, Африки и Южной Америки. Важность этого шага невозможно переоценить.

Частью процесса является земельная реформа, ибо с земельной реформой возвращается понимание местных осо-

бенностей и местное землевладение, а с ним – политическая власть. Новое сельское хозяйство очень трудоемко, так как до определенной степени людям приходится заменять ископаемые виды топлива и внимательнее относиться к малым биомам, и, разумеется, у нас нет дефицита ни рабочей силы, ни внимательного отношения к делу. Кастовая система в очередной раз была признана пережитком прошлого, тесно ассоциирующимся с БДП, которая, распродавая страну глобальным финансовым хищникам, демонизировала многие этнические группы, утверждая, что не все граждане Индии по-настоящему таковыми являются. Настало время начать с чистого листа. Вы увидите, как в общество полностью волеются все касты, включая неприкасаемых, а также на равную правовую основу будут поставлены все языки, этнические группы и религии страны. Все мы теперь – дети Индии. Мы настоящая коалиция. Что четко отражает название новой партии. Да здравствует Коалиция!

Проделанная ею работа заслуживает восхищения. После полной победы на выборах правительство национальной Коалиции национализировало энергетические компании страны и приступило к свертыванию электростанций, работающих на угле. Чистая электрификация сопровождается строительством огромных комплексов солнечных батарей и объектов аккумулирования электроэнергии, модернизацией единой энергосистемы. Это тоже требует большого труда, однако в Индии много рабочей силы. Солнечного света тоже

много. И земли.

Коалиция с готовностью перенимает чужие идеи даже у Китая, у которого можно многому поучиться в плане национализации. Теперь крепнет ощущение, что Индия принадлежит индийцам, что индийцы больше не будут превращать других индийцев в дешевую рабочую силу, обслуживающую экономические нужды глобального капитала, что времена колониализма и постколониализма закончились. В нашей Новой Индии все подлежит пересмотру. Когда возникают споры, мы часто говорим друг другу: послушай, друг, хватит с нас старого. Хватит. Это – напоминание о великой жаре и высоких ставках, но также – отторжение дурных сторон прошлого. Хватит, напоминаем мы друг другу – и задумываемся, что еще нужно сделать, чтобы достигнуть согласия и начать действовать.

Индия вступает в свои права. Мы – новая сила. Люди по всему миру начали обращать внимание. Это для нас тоже в новинку – все за границей привыкли думать об Индии как о бедной стране, жертве истории и своего положения на глобусе. Теперь же на нас смотрят с некоторым недоумением и удивлением. Что происходит? Одна шестая человечества на большом треугольном куске земли, палимая солнцем, отрезанная от других могучими горными хребтами, – кто эти люди? Демократия? Многоязыкая коалиция? Минутку, как такое может быть? И чем она еще может стать? Неужели в сравнении с нами китайцы, столь решительно вступившие на

мировую арену в начале века, теперь выглядят деспотичными, неповоротливыми, уязвимыми, испуганными? Неужели Индия – новый отважный лидер мира?

Мы считаем: да, возможно, так оно и есть.

Мэри: Дик, что ты с твоими людьми делаешь, чтобы нынешняя экономика больше помогала людям будущего?

Дик: мы изучали ставку дисконтирования. Исследовали, что Индия делает со своей дисконтной ставкой. Очень интересно.

Мэри: как это относится к людям будущего?

Дик: непосредственно. Мы дисконтируем будущие поколения по аналогии с тем, как относимся к деньгам. Если взять деньги, то один евро, который у тебя лежит в кармане прямо сейчас, стоит чуть больше, чем обещанный евро, который тебе достанется через год.

Мэри: как это?

Дик: если евро имеется в наличии, его можно потратить. Или положить в банк под проценты. И тому подобное.

Мэри: и насколько велик дисконт? Как он работает?

Дик: ставка плавает. Принцип таков: если ты предпочтешь взять девяносто евро сейчас вместо обещанных через год ста, то годовая дисконтная ставка составит 0,9 процента. Применяв эту ставку, получаем, что сто евро, которые ты получишь через двадцать лет, равняются двенадцати сегодняшним евро. Если срок растянуть до пятидесяти лет, сто будущих евро съедутся до половины евро сегодня.

Мэри: уж больно суровая ставка!

Дик: так и есть. Я лишь привожу пример для ясности. В жестких ставках нет ничего необычного. Кто-то даже получил шнобелевскую премию по экономике, предложив четырехпроцентную дисконтную ставку будущего. Это все равно очень много. На торги, разумеется, выставляются различные ставки и временные интервалы. Люди заключают пари, на сколько увеличится или сократится величина ставки по отношению к предсказанной. Этому есть название: временная стоимость денег.

Мэри: но метод применим и к другим вещам?

Дик: о да, это же экономика. Раз все можно обратить в денежную стоимость, то, когда требуется оценить будущую стоимость какого-либо действия и решить, платить сейчас или потом, эту стоимость можно учитывать, опираясь на ставку дисконтирования.

Мэри: но ведь люди будущего не менее реальны, чем ты или я. Зачем же дисконтировать их как деньги?

Дик: отчасти для того, чтобы решить, как лучше поступить. Видишь ли, если считать, что все люди будущего имеют такую же ценность, как ныне живущие, они как бы превращаются в бесконечность, в то время как мы конечны. Если человечество не вымрет, родится еще довольно много людей – я видел цифры: восемьсот миллиардов и даже несколько квадрильонов – все зависит от того, как долго будет существовать население Земли, пока не превратится во что-то другое. Или пока не погаснет Солнце. Согласно даже самому

скоромному прогнозу, людей будущего будет так много, что мы против них – песчинка. Если работать в их интересах, как в своих, то придется, по сути, все делать ради них одних. Всякий хороший проект придется считать бесконечно хорошим и признать его равным всем остальным хорошим проектам. Все плохое, что мы способны им причинить, будет бесконечно плохим и потому недопустимым. Но так как мы живем в настоящем и в условиях ограниченности ресурсов пытаемся определить, какие проекты финансировать, а какие нет, то для расчета затрат и выгод нужен более тонкий инструмент, чем бесконечность. Исходя из того, что наши возможности ограничены, нужно решить, какой выбор принесет наибольшую выгоду с наименьшими издержками.

Мэри: экономика как дисциплина для этого и существует.

Дик: именно. Оптимальное распределение дефицитных ресурсов и все такое.

Мэри: допустим. И как нам выбрать дисконтную ставку?

Дик: наобум.

Мэри: что-что?

Дик: ничего научного в этом нет. Достаточно просто выбрать. Такую роль могла бы сыграть текущая процентная ставка, но она постоянно колеблется. Так что выбрать можно любое значение.

Мэри: чем выше ставка, тем меньше мы тратим на людей будущего?

Дик: верно.

Мэри: и на данный момент все выбирают высокую ставку?

Дик: да.

Мэри: чем это обусловлено?

Дик: предполагается, что люди будущего будут богаче и сильнее нас и сами разберутся с проблемами, которые мы им насоздавали.

Мэри: это же неправда.

Дик: еще какая! Но если не дисконтировать будущее, мы не сможем рассчитывать затраты и выгоды.

Мэри: а что, если цифры врут?

Дик: разумеется, врут. Что и позволяет нам игнорировать любые расходы и выгоды, которые могут иметь место за горизонтом пары десятилетий. Допустим, кто-то запросил десять миллионов, чтобы принять меры, которые спасут миллиард человек через двести лет. Если учитывать среднюю оценку человеческой жизни страховыми компаниями, миллиард человеческих жизней – огромные деньги. Однако если приложить коэффициент 0,9, то сумма может сократиться до сегодняшних пяти миллионов долларов. Согласимся ли мы потратить десять миллионов, чтобы спасти то, что обойдется после дисконта в пять миллионов? Разумеется, нет.

Мэри: из-за дисконтной ставки!

Дик: правильно. И так на каждом шагу. Регулирующие органы представляют на утверждение бюджетного управления какой-нибудь план смягчения последствий. Бюджетное управление применяет дисконтную ставку и отвечает «нет».

Не вытанцовывается.

Мэри: и все из-за ставки дисконтирования.

Дик: она не более чем число, присвоенное этическому выбору.

Мэри: число, которое само по себе ничем не оправдано.

Дик: верно. Никто не спорит, что люди будущего не менее реальны, чем мы. У дисконта нет никакого морального оправдания, он всего лишь служит для нашего удобства. Многие экономические теории это признают. Роберт Солоу предлагал поступать так, как если бы ставка дисконтирования равнялась нулю. Рой Харрод говорил, что ставка дисконтирования – вежливое определение ненасытности. Фрэнк Рамсей называл ее этически недоказуемой. Он говорил, что она порождена скудостью воображения.

Мэри: тем не менее мы ею пользуемся.

Дик: и надираем людям будущего задницу.

Мэри: это очень легко сделать, ведь они не способны защищаться!

Дик: верно. Вообрази матч по регби между новозеландской сборной «Олл Блэкс» и командой трехлетних детей, представляющих людей будущего. Естественно, мы надерем детишкам задницу. Это одна из немногих игр, в которую мы насобачились играть.

Мэри: ушам своим не верю.

Дик: да ладно тебе.

Мэри: что же нам делать?

Дик: мы Министерство будущего. Поэтому надо вступить в игру на стороне трехлеток. Выйти им на замену.

Мэри: и играть против «Олл Блэкс»!

Дик: ну да. Хотя играют они в самом деле здорово.

Мэри: значит, нам самим надерут задницу.

Дик: если будем играть хуже, чем они.

Мэри: а у нас получится?

Дик: аналогия несколько поистерлась, но представим, что мы играем просто ради удовольствия. Я помню фильм о южноафриканской сборной на чемпионате мира по регби в Южной Африке. Они были новичками и все же выиграли главный приз.

Мэри: как у них это получилось?

Дик: посмотри фильм. Они играли не просто так. Для других сборных игра в регби была их работой, профессией. А ребята из Южной Африки играли за Манделу. За свою жизнь.

Мэри: итак, есть ли способ как-то улучшить перспективы?

Дик: тут самое время вспомнить Индию. После великой жары они лучше всех в мире провели полную ревизию всех областей. Для начала ставку дисконтирования, конечно, можно установить на низком уровне. Бадим, однако, говорил, что в Индии по традиции считают равными себе семь поколений до и семь после. Работа ведется в интересах семи поколений. Теперь они используют эту идею для перестройки своей экономики. Суть в том, чтобы рассматривать дис-

контную ставку в виде колоколообразной кривой, на вершине которой всегда находится настоящий момент. С этой точки дисконт для следующих семи поколений практически ничтожен, но потом резко идет вверх. Впрочем, у них есть и другая модель, в которой дисконтная ставка задается только на пару поколений, после чего падает до нуля. В обоих случаях из расчета удаляется бесконечность, а будущим поколениям придают более высокую ценность.

Мэри: неплохая мысль.

Дик: мы отработывали разные модели, чтобы выяснить, какие графики дают наилучшее уравнение расходов и выгод. Довольно интересно.

Мэри: я тоже хочу посмотреть. И просчитать.

Дик: предупреждаю: «Олл Блэкс» будут пытаться отобрать мяч. Может быть больно. Они постараются выбить из нас уверенность в своих силах.

Мэри: если тебя атакуют, брось мяч мне. Я буду играть инсайда.

Дик: Австралия с тобой.

Они убивали нас, мы убивали их.

Все члены нашей маленькой ячейки помогали ликвидировать последствия великой жары. Такие вещи не забываются. Я сам не разговаривал три года. Когда заговорил снова, мог произнести всего несколько слов. Точно вернулся в двухлетний возраст. В ту неделю я умер, все пришлось начинать с нуля. Многие «дети Кали» прошли через то же самое. Или еще хуже. Не все мои товарищи остались людьми.

Вопрос сводился к выявлению виновных, их розыску и выработке подхода. Выслеживанием и детективной деятельностью занималось другое крыло. Многие виновные прятались, отсиживались на островах-крепостях, заводили себе мощную охрану. Даже выявив их, подобраться было трудно. Они чуяли, что им грозит.

Методы отрабатывались постепенно. Поначалу мы несли тяжелые потери. Разумеется, подрыв смертников часто приносит результат, однако это грубый, уродливый и ненадежный способ. Большинство из нас его отвергало. Мы не фанатики и желали большей эффективности. Куда разумнее убить и скрыться. После чего налет можно повторить.

Лучше всего для этой цели подходят дроны. Работа в основном сводится к разведке – найти виновного, выявить моменты, когда он беззащитен. Это непросто сделать, но как

только удастся – бум. Дроны летают все быстрее и быстрее. У виновных нередко имеется защита от них, однако ее частенько можно преодолеть за счет численности. Рой дронов, каждый размером с воробья, летящий на скорости сотен и даже тысяч метров в секунду, трудно остановить. В те годы виновные гибли пачками.

Постепенно они приучились не высовывать нос наружу. Через десять лет кампании до них дошло. Охрана удвоилась.

Появились новые вопросы. Есть ли еще люди, чья вина заслуживает смертной казни? Ответ: да. Можно ли до них дотянуться? Ответ: намного труднее.

Иногда мы нанимались в домашнюю прислугу и садовниками, годами работали под прикрытием. В других случаях успех приносил банальный «взлом с проникновением». Подчас виновные теряли бдительность в дороге. Телохранителей тоже иногда приходилось убивать – что ж, сами выбрали такую работу. Если ты охраняешь массового убийцу, не обижайся, если тебя сочтут сообщником. Мы их не жалели.

Беспокоили нас лишь так называемые сопряженные потери. Другими словами, случайная гибель невинных людей в процессе поражения цели. Виновные постоянно их убивают, на то они и виновные, но мы-то не такие. Это дело принципа. Кали справедлива и дотошна. Если ради убийства ста виновных надо убить одного невинного – план никуда не годится.

Поэтому временами приходилось выкручиваться. Однажды мне пришлось ползти по вентиляционным трубам. Воз-

духозаборник оставили без присмотра – большая ошибка. Темно хоть глаз выколи, однако план здания четко отпечата­лся у меня в памяти. Залез внутрь, ползу и ползу, налево, направо, вверх, вниз. У меня с собой были пластмассовый нож, кусачки и отвертка. Потихоньку, очень медленно, осла­бил шурупы на вентиляционной решетке на потолке главной спальни. Два часа возился. Зафиксировал местонахождение виновного с помощью очков ночного видения и микропери­скопа. Фабрикант оружия. Их пруд пруди, но тех, что на са­мом верху, владельцев основных пакетов акций, не так мно­го. Мы выявили несколько сотен. Все они торгуют смертью. Массовые убийцы под знаменем чистогана. Может быть, вам такие попадались.

Подпрыгнул, провалился прямо на кровать вместе с ре­шеткой и веревочной лестницей. Быстро нанес виновному четыре удара ножом в туловище, потом несколько ударов в шею. В очках ночного видения кровь выглядит черной. Ви­новный уже не проснется.

Влез обратно по веревочной лестнице, не обращая внима­ния на второго человека в постели, он сполз на пол – или окаменел от шока, или пытается не привлекать к себе внима­ния. Умница. Ползу обратно по трубам, быстро ползу. Спус­каюсь на стену вокруг участка, оттуда на крышу, там уже ждет дрон, чтобы унести меня, как посылку.

Осталось разослать фотографии с гермошлема и отчет о выполненной акции. Пусть виновные знают: «дети Кали» на-

стигнут вас даже в вашем сверхнадежном логове, в кровати, во сне. От нас не спрячешься, не убежишь.

Один – в минус, в списке еще несколько сотен. Список, возможно, увеличится. Потому что Кали все видит. И «дети Кали» не успокоятся, пока остался хоть один виновный. Зарубите себе на носу.

Опять веду запись для Бадима, приехали с Б и Мэри в Индию.

Прилет в Дели, встреча с Чандрой, она уже не в правительстве, но Б попросил встретиться с нами, представить нас новому министру и персоналу. Ч везет нас в дом правительства, представляет сменщику, сотрудникам. Приветствия, последние новости. Обсуждение реагирования на солнечное излучение после великой жары. Говорят, снизили температуры в Индии на два градуса и во всем мире на один, уже три года так, но эффект пропадает, через шесть лет возврат на дооперационный уровень. Явного воздействия на муссоны не замечено.

М подвергает последнее сомнению, Ч сердится. Характер муссонов последние тридцать лет все больше колеблется. Как и погода в Калифорнии, он редко совпадает со средними значениями, обычно показания либо выше, либо ниже среднего, что исключительно зависит от человека, а не от природы. М возражает, она считала, что муссоны регулярны, как дождь в Ирландии, очень важны для посевов и людей в целом, с июля по сентябрь дождь каждый день, какая тут изменчивость? Очень даже большая, отвечает Ч. Не нравится, что ей не верят. Ежедневные осадки – миф. В августе целыми неделями не бывает дождя и т. д. М сомневается, Б тоже.

Б вступает в разговор. Что показывает график? В период муссонов каждый год сплошной дождь. Как так нет графика?

Персонал водит жалом, приносит график. Муссоны действительно сильнее колеблются последние двадцать лет, а после операции даже больше. На второй год после распыления особенно низкий уровень осадков, почти засуха, например, на западе. Еще одна проблема, замечает Ч. Муссоны неоднородны с востока на запад, и так было всегда.

М спрашивает, каков план на будущее. Повторение операции? Ведь глобальные средние температуры снова растут. За последние годы влажный термометр несколько раз показывал 34, много смертей. 35 по влажному термометру, вероятнее всего, повторится, причем скоро.

Именно, соглашается Ч. 35 смертельна для всех, однако даже 33 опасна, погибнет много людей.

Само собой, говорит М. Значит, вы повторите заход?

Ч уступает слово новому министру, Викраму. В говорит: мы определенно готовы повторить. На этот раз процедура будет более упорядоченной (говоря это, он не смотрит на Ч), основанной на демократическом процессе и консультациях с экспертами. А так мы готовы.

Б спрашивает: я слышал, на этот раз будет двойной Пинатубо?

В: возможно. Первое вмешательство, как я понимаю, таким и должно быть.

М и Б не смотрят друг другу в глаза. Наконец М гово-

рит: мне известно, что это затрагивает вопросы суверенитета. Однако Индия подписала Парижские соглашения вместе со всеми другими странами, в Соглашение включены на этот случай протоколы, которых согласились придерживаться все стороны.

В говорит: мы, возможно, выйдем из договора. Во второй раз. Мы пока еще не решили.

Б замечает, что за это полагаются очень высокие штрафы. После великой жары их не стали наказывать.

В: мы это понимаем. Это тоже часть совещательного процесса. Стоят ли выгоды затрат?

Ч резко вставляет: мы не допустим вторую великую жару ради исполнения договора, составленного развитыми странами, расположенными далеко от тропиков и опасных зон.

Мэри: понятно.

Встреча закончена. Все недовольны.

Мэри просит показать ей место, где произошла великая жара.

Ч отвечает отказом. Там не на что смотреть. Тем более туристам.

Натянута только усиливается.

Б: куда тогда? Хоть что-нибудь вы нам покажете?

В и Ч переглядываются. Да, говорит В. Мне нужно остаться в Дели, но Ч может отвезти М и Б в Карнатаку, показать фермы.

Фермы?

Новую парадигму фермерства. Сами увидите.

Согласны, неуверенно говорят М и Б. Они мало что смысляют в с/х.

На следующий день в Карнатаке после короткого перелета. Зелень. Холмы на востоке тоже зеленые. Террасы на склонах, но и ровной земли много. Зелень разных оттенков, россыпь желтых, оранжевых, красных, багряных, темно-коричневых и даже светло-голубых прямоугольников. Видимо, пряности цветут. По словам Индранпрамита, нашего сопровождающего, здесь растет все. Лучшие почва и климат на Земле. Углерода связывают 7 частей на тысячу – очень весомое сокращение выбросов. Дают пищу миллионам. Гарантированного права землевладения для местных фермеров, «заочных» землевладельцев, кроме как в самой Индии, больше нет, индийский народ представлен штатом Карнатака, округом и поселком. Хранители земли. В лесополосах и природных коридорах оставлено место для диких животных. Тигры вернулись, опасные, но прекрасные существа. Боги среди нас. Везде органика. Никаких пестицидов. С/х модель Сиккима теперь применяется по всей Индии. Как и модель управления из Кералы.

Коммунистические органические фермы, замечает Б. Он находит это забавным. М не считает, что шутка уместна. Местные с готовностью соглашаются с его определением. Говорят, что изменения приносят свободу от худших проявле-

ний кастовости. Неприкасаемые тоже в деле, женщины составляют почти половину каждого панчаята, древний индийский закон обрел прежнюю силу. Теперь нет чужой собственности, люди сами хозяева своего труда и прибавочной стоимости. Женщины и различные касты равны, индусы и мусульмане, сикхи, джайны, христиане – в новой Индии все едины. Коммунистические органические фермы лишь верхушка айсберга.

– Мы слышали, что были мятежи? – спрашивает Б. М
опять им недовольна.

Однако хозяин снова с готовностью объясняет.

Индра: некоторые заочные землевладельцы, у которых отняли собственность, наняли городских погромщиков из БДП, чтобы те приехали и побили местных. Схватка лицом к лицу, так что непотворствование злу вряд ли помогло бы. Парадокс, но тактика непотворствования насилию лучше действует против армий. Пришлось отбиваться. Окружили чужаков толпой, надавали им как следует. В новостях сообщили о мятеже, на самом деле местные отразили нападение чужаков. Что-то вроде органического с/х – борьба с вредителями природными средствами.

Б: не входят ли в борьбу с вредителями природными средствами целевые ликвидации? Мировое сообщество недовольно убийством частных лиц. Эту тактику террора применяют ваши собственные погромщики – «дети Кали».

М опять смотрит на него так, будто Б нарочно нарываемся.

Ч тоже недовольна. Отрезает: когда бедняков убивают террористы, нанятые богачами, число погибших никого не волнует. Ответка, может, и не по правилам, однако, как известно уважаемым гостям, не все, что происходит, санкционировано правительством. На волю вырвалось много разных сил. Кали – лишь одно из божеств, не забывайте.

М пользуется шансом, чтобы сменить тему. Как этот метод действует, если посевы поражены вредителями? Положим, определенные насекомые вредны, а инсектициды использовать нельзя, что вы делаете?

Индра: инсектициды есть, но не ядохимикаты. В основном другие насекомые. Биологическая война.

И получается?

Не всегда. Но если инвазия губит посевы и мы не в состоянии ее остановить, то очищаем поле и отправляем все растительные отходы на переработку. Отходы тоже часть нашей системы, в нее входят «свой» насекомые, если можно так выразиться, они без проблем съедят испорченные растения вместе с вредителями. Все это закладывают в баки. Амебы в баках жрут все без разбора. От них мы получаем продукт, похожий на муку, а еще этиловый спирт для оставшихся машин, использующих жидкое топливо. В случае определенных инвазий мы выжигаем поле целиком, оставляем под паром на сезон или два, потом возвращаем в дело. Пытаемся сажать каждый раз что-нибудь другое. Учимся по ходу дела, работа еще не закончена.

– Значит, у вас есть «дети Кали» в форме микробактерий, – шутит Б. М опять хмурится.

– Все под солнцем имеет свой цикл, – отвечает Индра.

Это напоминает всем, что мы жаримся на полуденном солнце. Бешеные псы и англичане⁸, ирландские женщины. Даже Б выглядит перегревшимся.

Местные выставляют энтузиазм напоказ, тычут пальцем в небо. Так много солнца! Ведь это энергия, верно? Энергию солнца можно использовать для извлечения воды прямо из воздуха, водорода из воды, выращивать растения для биоопластмасс и биогорючего, чтобы заправлять машины, которым еще требуется жидкое топливо, использовать водород для питания турбин. Солнце помогает растить леса, связывающие углерод, поставляющие биоуголь для горелок и древесину для строительных нужд. Индия – одна сплошная солнечная электростанция замкнутого цикла. Зеленая сила. Другие страны не имеют столько солнечного света, минералов и людей, особенно людей. А еще полезных задумок.

М и Б с натянутой вежливостью кивают. Они это уже слышали. Не надо ломиться в открытую дверь. Здесь жарче, чем в аду.

Индия – новая, все согласны. Наши индийские хозяева очень довольны тем, как идут дела. Однако заметна нервозность. М и Б определенно ее видят, особенно у Ч, да у в местных тоже. Агрессивная гордость. Не трогайте нас. Чужие Ин-

---

⁸ Намек на песню «Бешеные псы и англичане» Ноэла Кауарда.

дии не указ, это время прошло и не вернется. Постколони-
альная обида? Постгеоинженерное самооправдание? Уста-
лость от пренебрежительного отношения мира к Индии? Все
вместе взятое?

Мы приехали в Швейцарию поездом из Австрии. В Австрию закрытые поезда приходили из Италии. Швейцарцы все составы останавливали в Санкт-Галлене, просили пассажиров покинуть вагоны и пройти регистрацию. С нами поступили точно так же. Большинство пассажиров в нашем поезде были из Алжира и Туниса, «лодочники», приплывшие в Италию в надежде попасть во Францию или Романскую Швейцарию, чей язык нам понятен. Пересечь границу Швейцарии – большущий шаг к цели.

Нас согнали в кучу в огромном здании, похожем на зал паспортного контроля в аэропорту, только не таком новом. Допрашивали на французском, потом мужчин отделили от женщин, что вызвало много волнений и недовольства. Никто ничего не понимал, пока нас не привели в небольшие смотровые кабинеты и не провели беглый медосмотр, заставив раздеться до пояса и подставить грудь под рентген. Прошел слух, что они ищут признаки туберкулеза. Это само по себе оскорбительно и возмутительно, поэтому, одевшись, воссоединившись с женщинами и узнав, что их тоже раздевали, мы рассердились не на шутку – пусть рентген проводил женский персонал, но общим процессом все равно управляли мужчины. Сам подход был унизителен, и, естественно, подобное случалось не впервые – беженцы по определению не

совсем люди, перекаати-поле, однако этот инцидент переполнил чашу терпения. Мы ехали в Швейцарию, страну чистоты и порядка, а с нами обращались как со скотом. Вот мы и психанули. Некоторые подметили иронию: подобное обращение мы посчитали оскорбительным лишь потому, что находились в Швейцарии и ожидали приличного обращения; в Египте или Италии унижения – норма, и мы бы не пикнули. С нами и не такое еще случалось. Как бы то ни было, мы разозлились, и, когда охранники повели нас обратно к поезду, стоявшему на южной ветке, которая вроде как вела обратно в Австрию, многие начали громко протестовать, и никакие увещевания охраны не помогали. Мы отказались идти к этой ветке – какой смысл? Мы же видели, как другие поезда уходят с южных веток на восток, и были уверены, что наш поезд отправят в том же направлении. Когда тебя силком за-талкивают в вагон, ощущение, скажу вам, не из приятных.

Охранникам прислали в подкрепление солдат с длинными винтовками за плечами. Мы и на солдат стали орать, а когда они взяли винтовки на изготовку, на отряд бросились несколько молодых парней. Остальные их поддержали. Мы добирались сюда из Туниса целых семь месяцев и просто не выдержали.

Ни один швейцарский солдат не открыл огонь, однако, когда мы пересекли станционные пути и толпой подбежали к зданию, навстречу нам вышли новые солдаты, а в воздухе вдруг завоняло слезоточивым газом. Одни шарахнулись

в стороны, другие атаковали полицейский заслон, перед самым зданием завязалась серьезная драка. Было заметно, что полиция получила приказ не стрелять, поэтому мы осмелели, начали давить, группа молодых парней свалила полицейского, отобрала у него винтовку, кто-то выстрелил из нее в других полицейских, и тут все вдруг резко переменялось. Вспыхнула настоящая война, да только у наших была всего одна винтовка. Люди вокруг меня начали с воплями падать на землю. Кто-то крикнул: «А пули-то резиновые». Резиновые! Мы снова бросились в атаку, в суматохе группа наших проникла в здание. Внутри, по сравнению с тем, что творилось снаружи, было безопаснее всего. Да только к этому времени мы окончательно потеряли разум, у нас на глазах стреляли в наших людей, пусть и резиновыми пулями, поэтому мы избили всех, кого застали в здании. Кто-то нашел какую-то горючую жидкость и поджег большой приемный зал, и, хотя пожар получился не сильный, само здание не загорелось, дыма было хоть отбавляй – дым не такой едкий, как слезоточивый газ, но, возможно, вреднее для здоровья. Мы не соображали, что делаем, просто сходили с ума, не пропускали полицию в здание, одновременно пытаясь его поджечь, хотя сами находились внутри. Пожалуй, этот момент можно сравнить с атакой смертников. Никто из нас в тот момент ни о чем не задумывался. Я никогда не забуду это ощущение безоглядного бунта, безразличия, выживешь ли ты или погибнешь, желания причинить побольше ущерба

любым способом. Главное – нанести урон, а там пусть убивают. Я жаждал, чтобы весь мир страдал, как страдали мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.